МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Комаровский

Графа Л. Комаровскаго,

профессора Императорскаго Московскаго Университета.

3Х
1271

МОСКВА.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
аренд. ихъ, ул. соляноженымъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ князя Гагарина.
1909.

YX
1271

337
37

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

I. Понятіе. Писатели весьма различно опредѣляютъ понятіе Международнаго Права. Это происходитъ отъ того, что они неодинаково смотрятъ на его существо и границы: то смѣшивая положительное Международное Право съ естественнымъ, идеальнымъ, то отождествляя практическіе его задачи съ требованіями науки; многіе приносятъ въ даваемыя ими опредѣленія понятія объ источникахъ, о цѣли предмета. Если имѣть въ виду только *положительный* характеръ современнаго Международнаго Права, его слѣдуетъ понимать, какъ совокупность юридическихъ нормъ и институговъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ и ихъ подданныхъ. Но если взглянуть на него съ точки зрѣнія его конечной цѣли и по существу, то полное *научное* опредѣленіе его будетъ таково: Международное Право обозначаетъ совокупность юридическихъ нормъ, которыми опредѣляются отношенія государствъ другъ къ другу, къ ихъ подданнымъ и ко всѣмъ остальнымъ людямъ вообще, въ качествѣ ихъ—пока членовъ Международнаго Союза, но, въ сущности, всего человѣчества.

Разберемъ нѣсколько это опредѣленіе: 1) Международное Право слагается изъ нормъ *юридическихъ*. Это значитъ, что оно не должно быть смѣшиваемо съ принципами морали, или съ правилами политики. Оно имѣетъ отъ нихъ самостоятельную, все болѣе опредѣленно выдѣляющуюся сферу примѣненія. Принадлежность ею нормъ къ праву обусловливается, во-первыхъ, ихъ природою: онѣ регулируютъ совмѣстную жизнь людей въ извѣстной формѣ общежитія, именно въ высшей и завершительной формѣ ихъ сожитія на землѣ—въ обществѣ народовъ (государствъ), или въ международномъ союзѣ. Во-вторыхъ, онѣ охраняются извѣстными внѣшними способами, принужденіемъ, и даже самою крайнею формою такового—войной. Эти способы далеко еще не такъ совершенны, какъ въ иныхъ областяхъ права, но важно то, что и въ международной сферѣ они уже теперь опредѣляются и классифицируются правомъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они получаютъ именно юридическій, по ихъ примѣненію и послѣдствіямъ, характеръ.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ, Лекціи по международному праву. Печат. съ разрѣш. Проф. раѳа Комаровскаго. Листъ 1-й.

Но будучи *правомъ*, международное относится къ сферѣ права *публи наго*, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ государств что, съ другой стороны, однако, вовсе не мѣшаетъ его самостоятел ности отъ права государственнаго. Эта принципіальная самостоятел ность Международнаго Права вытекаетъ изъ того, что 2) Меж родное Право изучаетъ государства съ ихъ *внѣшней* стороны, и, томъ, не въ ихъ *отдѣльности* и *изолированности*, а въ *ихъ совмѣст жизни*, смотря на нихъ, какъ на *членовъ* новаго, высшаго цѣлаго, наз ваемаго *культурнымъ обществомъ народовъ* или, какъ сказано *междуна ным союзомъ*. Внутренней ихъ жизни и самостоятельности оно не сается: какъ бы государства ни были различны по своему строю, п ложенію, задачамъ, они съ точки зрѣнія Международнаго Права, долж всѣ пользоваться равными правами и нести одинаковыя юридичес обязанности. Разнообразится только ихъ дѣлоспособность по степе ихъ политическаго могущества, но—и это капитальный пунктъ—Меж народное Право соединяетъ государства, существующія и какъ с вышли изъ судебъ прошлаго, въ одно цѣлое, на общихъ и одинъ выхъ для всѣхъ основаніяхъ, въ виду возможно-лучшаго достижен ими своихъ культурныхъ цѣлей. 3) Международное Право простира не только на государствъ, какъ на политически-организованные сок но и на *отдѣльныя лица*. Прежде всего подъ охраною его стоятъ *п данные* этихъ государствъ. Гдѣ бы они ни пребывали, они пользуют среди цивилизованныхъ народовъ нашего времени защитою ихъ ли ныхъ и имущественныхъ правъ, защитою, которая стремится стать ра ною, какъ для иностранцевъ, такъ и для туземцевъ. Многое остает еще сдѣлать въ этомъ направленіи, но уже теперь цивилизованны правительства въ многочисленныхъ договорахъ, признаютъ на своей те риторіи дѣйствія иностранныхъ законовъ и судовъ. Но этого мало: одни подданные государствъ, входящихъ въ составъ международна союза, а *всѣ люди* вообще на поверхности всей земли и *человѣкъ*, ка таковой, должны пользоваться международною охраною. Эта защи не замѣняетъ собственно защиты государственной: она ее предп лагаетъ, но имѣетъ принципіально отличную отъ нея основу и иде гораздо далѣе ея. По существу дѣла ей слѣдовало бы исходить о международной организаціи, но, за отсутствіемъ пока таковой, ее пр званы оказывать отдѣльныя цивилизованныя государства и прито каждому человѣку вообще, гдѣ бы онъ ни находился, въ случаѣ недарованія ем защиты государственной. Эта сторона нашего пре мета, вытекая изъ самой его природы, придаетъ ему наиболѣе хар теръ универсальный и общечеловѣческій. Многіе писатели ее отр цаютъ, но цивилизованные правительства не разъ признавали ее практикѣ своими дѣйствіями. Вспомнимъ хотя бы вмѣшательства пользу христіанъ Турціи и борьбу за отмѣну невольничества, и то говли неграми (Берлинская конвенція 1885 г. и Брюссельская 1890 г 4) Будучи правомъ положительнымъ (о чемъ мы скажемъ еще ниже

ждународное — *едино* и *универсально*. Оно едино въ томъ смыслѣ, не можетъ носить *національный* характеръ. Отдѣльныя государства я и являются выразителями и охранителями его нормъ, но никогда своей обособленности и по собственному лишь усмотрѣнію. Нормы, ленныя какимъ-либо однимъ государствомъ, превращаются въ ународныя лишь на основаніи согласія всѣхъ остальныхъ народовъ, женнаго либо молчаливо (обычаи), либо формально (договоры). ерсальность Международнаго Права означаетъ что оно, какъ про- новѣйшей исторіи человѣчества, съ момента своего возникно- я въ XVII стол. до нашихъ дней, представляетъ изъ себя одну ную, стройную систему нормъ, которая не можетъ быть разли- а по *различнымъ эпохамъ* исторіи человѣчества. Въ эту ошибку ютъ особенно писатели историческаго направленія, смѣшивающіе шнія сношенія государствъ съ современнымъ Международнымъ вомъ, взятымъ въ смыслѣ научной, юридической системы. Исторія азываетъ намъ, что сношенія между государствами существовали древнѣйшихъ временъ и проходятъ черезъ всѣ степени культуры. е дикіе народы не могутъ вести совершенно обособленной и нутой жизни. Фактъ крайне важный, ибо имъ подтверждается утренняя, разумная необходимость Международнаго Права, вытекаю- го, какъ все права вообще, изъ общежительной природы самого ловѣка. Но сношенія, о которыхъ мы говоримъ не составляли еще ждународнаго Права. Они были случайны, временны, не покоились какихъ-либо опредѣленныхъ юридическихъ и нравственныхъ нача- къ. Все въ нихъ было проникнуто субъективнымъ характеромъ, е. зависѣло отъ политики отдѣльныхъ государствъ, которыя еще сознавали существованія между ними общихъ идей и интересовъ потому и не могли подчинять свою коллективную жизнь опредѣ- нной высшей организаціи. Безъ этихъ же условій и рѣчи быть не жетъ о международномъ союзѣ, или о Международномъ Правѣ.

По характеру *лицъ* и *интересовъ* имъ защищаемыхъ, современное ждународное Право все яснѣе складывается въ *три* большія области, торыя стремятся выдѣлиться въ особыя науки, по крайней мѣрѣ ѣ изъ нихъ уже обособились: *)публичное* Международное Право ѣетъ своимъ предметомъ охрану интересовъ *государствъ въ цѣломъ*. о характеру этихъ личностей, указанная охрана носитъ не одинъ ридическій, но и политическій характеръ. Сюда относятся ученія: о сударствахъ вообще, какъ международныхъ личностяхъ (объ ихъ зникновеніи, правахъ и прекращеніи); объ ихъ территоріяхъ; объ ридическихъ между ними сношеніяхъ (о трактатахъ); объ организаціи съ совмѣстной жизни и о способахъ ея охраны. Это — древнѣйшая сть нашей науки.

2. *Частное* Международное Право гражданское и уголовное. го задача—охрана правъ и интересовъ *частныхъ лицъ* въ міровомъ, ажданскомъ оборотѣ. Отправляясь отъ ученія о способахъ разрѣ-

шенія столкновеній между законодательствами различныхъ странъ (въ области граждан кой и уголовной) этотъ предметъ понемногу расширяется въ то всемірное гражданское право (Weltbürgerrecht), о которомъ мечталъ еще Кантъ. Конечная его цѣль въ томъ, чтобы доставить каждому человѣку возможность пользоваться повсюду принадлежащими ему или за нимъ признанными правами и, въ случаѣ нужды, отстаивать ихъ всѣми юридическими способами. Поэтому нельзя согласиться съ тѣми, которые считаютъ его (особенно въ Англіи) лишь отраслью гражданскаго или уголовнаго права отдѣльнаго государства. Основныя его начала сбщи съ публичнымъ Международнымъ Правомъ, но при его сложности и строго юридическихъ нормахъ и спосссбахъ защиты— удобнѣе его выдѣлять въ особую, самостоятельную науку.

3. *Соціальное* Международное Право составляетъ новѣйшую, какъ бы посредствующую область между двумя остальными его отдѣлами. Оно призвано охранять собственно *общественные* интересы, т. е. такіе, которые, хотя и касаются частныхъ лицъ, но относятся главнымъ образомъ, *къ обществу въ цѣломъ* и при этомъ не съ его политической стороны. Возникнувъ недавно, эта область быстро развивается на нашихъ глазахъ. Государства донынѣ глубоко между собою раздѣленные по политическимъ вопросамъ, стали за послѣдніе 30 лѣтъ путемъ общихъ конвенцій, заключать союзы или уніи по извѣстнымъ спеціальнымъ вопросамъ, важнымъ для общаго гражданскаго оборота, но, какъ сказано, не имѣющимъ ничего общаго съ политикою. Въ настоящее время уже существуютъ союзы: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, желѣзно-дорожный (по перевозкѣ товаровъ) т. д. Въ нѣкоторые изъ нихъ вступили даже страны другихъ континентовъ. Многіе важные вопросы (санитарный, рабочій, изданіе трактатовъ, опредѣленіе международной монетной системы и проч.) ожидаютъ подобной же регламентаціи путемъ соединяющей государства уніи.. Всю область относящихся сюда юридическихъ нормъ удобнѣе всего называть соціальнымъ Международнымъ Правомъ, становящимся въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ Международнымъ Правомъ. Нѣкоторые относятъ ее къ ученію объ управленіи и называютъ поэтому *административнымъ* Международнымъ Правомъ, но это ведетъ лишь къ путаницѣ понятій.

II. **Условія существованія.** Международное Право является однимъ изъ продуктовъ всей новѣйшей исторіи цивилизованнаго человѣчества. Не какая-либо воля—будь то отдѣльныхъ людей, или даже могущественнѣйшихъ государствъ,—а извѣстныя объективныя или фактическія условія, кроющіяся въ природѣ и въ исторіи новыхъ народовъ, вызвали къ жизни Международное Право и содѣйствуютъ его дальнѣйшему развитію. Условія эти слѣдующія: а) наличность *нѣсколькихъ государствъ*; б) связанныхъ между собою *общностью* (весьма высокой) *культуры* и в) сознающихъ себя солидарными въ преслѣдованіи своихъ культурныхъ цѣлей, а потому поддерживающихъ между собою *сношенія правильныя; организованныя* (юридическія).

а) Идея одного *всемірнаго государства*, нерѣдко плѣнявшая писателей, должна быть признана вполнѣ несостоятельною какъ на основаніи исторіи, такъ и въ силу доводовъ разума. Фактически таковое никогда не существовало. Всѣ попытки, предпринимавшіяся въ различные вѣка къ его частичному осуществленію, то во имя религіозныхъ идей, то по политическимъ расчетамъ оказывались непрочными и пагубными для ихъ совершителей. Иначе и не можетъ быть, ибо всемірное государство—крупнѣйшее противорѣчіе съ самою идеею государства. Оно предполагаетъ государство, какъ одно механическое сплоченіе народовъ и лицъ и совершенно упускаетъ изъ виду высшую его сторону, лежащую въ томъ, что государства—организмы и живыя личности тѣхъ единицъ-народовъ, которые ихъ создаютъ и черезъ нихъ дѣйствуютъ, какъ члены человѣчества. Отсюда разнообразіе и ограниченность всѣхъ конкретныхъ государствъ. Всѣмъ имъ даны извѣстные предѣлы въ природѣ какъ страны, ими обладаемой, такъ и населенія ихъ создавшаго,—предѣлы, перейдя которые, они уже не развиваются, а слабѣютъ и распадаются. Государство міровое (даже въ смыслѣ объединившаго цѣлый материкъ или значительныя части нѣсколькихъ материковъ) не мыслимо иначе, какъ подъ условіемъ страшной военной и политической силы и централизаціи. Въ немъ исчезаютъ политическая и всякая другая свобода гражданъ и слабѣетъ связь его окраинъ съ центромъ, чѣмъ вызывается неизбѣжно его распаденіе на составныя части. Лишь подъ условіемъ существованія *многихъ* государствъ возможны столь необходимыя для преуспѣянія каждаго изъ нихъ соревнованіе между ними и воздѣйствіе ихъ другъ на друга. А это и есть первое коренное условіе для возникновенія Международнаго Права, но не единственное: въ древности существовали цивилизованныя государства, но они не доростали до международнаго порядка, потому что жили не столько во взаимномъ общеніи, сколько въ національной обособленности и смотрѣли на себя какъ на абсолютную и высшую форму человѣческаго сожитія, рядомъ съ которой не имѣли права на существованіе подобные имъ союзы. Международное Право по идеѣ соединяетъ въ одно общество государства *независимыя*, суверенныя. Только таковыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чистой идеѣ государства. Но рядомъ съ ними, какъ извѣстно, въ дѣйствительности существуютъ различныя государства зависимыя (колоніи, вассальныя, охраняемыя или стоящія подъ протекторатомъ) и сложныя (уніи, союзъ государствъ, союзныя государства) которыя, сообразно съ особенностями ихъ политическаго строя, пользуются однако въ той или иной степени международною охраной, но это не подрываетъ коренного принципа Международнаго Права,—полной независимости народовъ, простирающейся одинаково, какъ на ихъ политическую, такъ и экономическую жизнь.

б) *Общность культуры* должна быть признана главнымъ подготовительнымъ факторомъ въ дѣлѣ образованія современнаго Международнаго Права. Общность эту слѣдуетъ понимать въ двоякомъ направле-

ніи: какъ общность *духовную*, религіозно-нравственную и какъ общность *интеллектуальную*, цивилизацію. Въ первомъ отношеніи главное мѣсто должно быть отведено христіанству. По природѣ своей космополитичное и универсальное, оно этимъ составляетъ рѣзкую противоположность языческимъ религіямъ, которыя всѣ были національны. Хотя не оно прямо и непосредственно создало Международное Право, но оно, въ числѣ другихъ факторовъ, болѣе всего для него проложило и расчистило почву въ силу того глубокаго внутренняго сродства, которое существуетъ между его идеями и заповѣдями съ одной стороны, и началами Международнаго Права съ другой. Всѣ европейскіе народы, которые выработали впослѣдствіи нормы этого права, приняли христіанство еще въ началѣ своей исторіи, а въ послѣдующій періодъ, когда у нихъ отсутствовало государство съ правильною и самостоятельною организаціей, и весь ихъ общественный бытъ опредѣлялся началами феодализма, церковь первая, несмотря на ихъ разъединеніе и раздробленность, соединила ихъ въ одно великое общество, въ предѣлахъ котораго сказалось на религіозной почвѣ начало общенія, перешедшее потомъ въ ихъ совмѣстную, внѣшнюю жизнь, какъ основной уже принципъ права международнаго. Современный международный союзъ, такимъ образомъ является въ извѣстномъ смыслѣ продолженіемъ и расширеніемъ средневѣковаго общества народовъ, сложившагося подъ мощнымъ дѣйствіемъ церкви. Но и нынѣ христіанство призвано съ нравственной стороны не мало содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права своими идеями, которыя принадлежатъ къ его основнымъ заповѣдямъ. Таковы: идея объ *единствѣ всего человѣчества*; провозглашеніе *братства* между всѣми людьми, независимо отъ ихъ національности, вѣроисповѣданія и состоянія; требованіе, чтобы взаимныя между ними отношенія были проникнуты *любовью*, простирающеюся даже на враговъ; возведеніе *мира* въ основной принципъ общежитія, какъ слѣдствіе внутренняго усовершенствованія человѣка.

Вторую сторону общности культуры новыхъ народовъ составляютъ тѣ идеи, которыя унаслѣдованы ими отъ трехъ главныхъ цивилизацій древности: еврейской, греческой и римской. На нихъ покоится ихъ продолжающая христіанская культура, какъ одно стройное цѣлое, независимо отъ разнообразія частей, ее составляющихъ. Въ свою очередь названныя три древнія цивилизаціи въ свое время восприняли въ себя все лучшее изъ идей и традицій еще болѣе древняго Востока, такъ-что безъ преувеличенія можно сказать, что новая европейская цивилизація есть дѣйствительно общечеловѣческая, какъ по элементамъ, въ нее вошедшимъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей ступеней культуры, такъ и по собственнымъ ея идеямъ и задачамъ. На этой почвѣ выросло и крѣпнетъ Международное Право, какъ право положительное, но обще-человѣческое, въ уровень съ распространеніемъ международнаго союза на все цивилизованное человѣчество. Нѣсколько особенное мѣсто въ семьѣ народовъ занимаетъ *Россія*: она

лишь поздно вступила въ эту семью, развитіе ея шло отчасти подъ дѣйствіемъ другихъ факторовъ, сравнительно съ развитіемъ Западно-европейскихъ народовъ, и поэтому получило во многихъ отношеніяхъ особенный характеръ, который и до нынѣ остается присущъ ея строю и быту. Но эти и другія характеризующія ея исторію черты не достаточны, чтобы выдѣлить ее отъ остальныхъ членовъ европейской семьи народовъ въ какой-то особый міръ, будто бы даже имъ противоположный. Это не допустимо уже въ силу того, что русскіе, какъ и славяне вообще, во 1-хъ, христіане, во 2-хъ, потому, что они, какъ и романцы и германцы, принадлежатъ къ арійцамъ и одарены общими имъ всѣмъ способностями. А отсюда, нѣкоторая общность въ ихъ прошлыхъ судьбахъ и усиливающееся взаимноотношеніе по мѣрѣ того, какъ они лучше узнаютъ другъ друга. Наконецъ, въ 3-хъ, само наше правительство. съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала дѣятельнымъ членомъ международнаго союза, заключеніемъ безчисленныхъ договоровъ признало и для себя обязательнымъ Международное Право, соединяющее всѣ христіанскіе народы, при всѣхъ ихъ различіяхъ и особенностяхъ, въ одну живую и великую семью.

в) *Организованность сношеній.* Для того, чтобы сложился международный порядокъ, еще недостаточно разобранныхъ нами доселѣ двухъ условій: наличности многихъ государствъ и общности между ними культуры. Условія эти были на лицо, напримѣръ, въ древней высокоцивилизованной Элладѣ, но она Международнаго Права не произвела, именно вслѣдствіе отсутствія въ ея республикахъ третьяго, необходимаго для возникновенія этого права условія—сознанія государствами ихъ *солидарности въ осуществленіи общихъ имъ культурныхъ задачъ.* Эта солидарность—плодъ долгой, прошлой, совмѣстной жизни новыхъ народовъ. Благодаря ей, независимо отъ политики, разъединяющей ихъ, они стали сближаться общностью идей и интересовъ въ нѣкій союзъ, который, въ теченіе вѣковъ изъ простого *фактическаго порядка* переходитъ все опредѣленнѣе въ настоящій *юридическій союзъ.* Идея такого союза, какъ всякаго общества, союза вообще, предполагаетъ признаніе его членами принципа взаимнаго равенства и необходимости самоограниченія въ интересахъ общенія. Начала эгоизма и грубой силы, характеризующія фактическій порядокъ, такимъ образомъ, уступаютъ мѣсто началамъ общенія и солидарности, которыя и ведутъ къ сношеніяхъ народовъ правильнымъ и постояннымъ, т. е. организованнымъ.

Само собою разумѣется этотъ процессъ образованія международнаго порядка и права совершился не вдругъ: на него потребовалось три столѣтія (съ 17-го вѣка) и теперь еще международный союзъ очень далекъ отъ полнаго осуществленія своей идеи. Но поступательное его движеніе характеризуется двумя слѣдующими коренными послѣдствіями: 1) постепеннымъ выдѣленіемъ изъ политики все большаго числа извѣстныхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ и 2) установленіемъ особыхъ *международныхъ органовъ*,

которые эти нормы высказываютъ, примѣняютъ и охраняютъ. Такимъ образомъ, жизненныя потребности новыхъ народовъ создали Международное Право, ихъ скрѣпляющее, въ силу того, что отдѣльными усиліями и порознь они не въ состояніи достичь высшихъ задачъ культуры и что собственное благо ихъ гражданъ требуетъ согласованія и соединенія ихъ силъ, а не дробленія и враждебнаго ихъ разъединенія, какъ дѣлали это древніе народы. Это и возводитъ право и миръ въ основной законъ ихъ организованныхъ сношеній.

III. Положительный характеръ Международнаго Права вытекаетъ изъ факта существованія международнаго союза, или, выражаясь иначе, того великаго культурнаго общества народовъ, которое дипломаты уже давно стали называть „европейскимъ концертомъ", а нѣкоторые философы „христіанскою республикой" *). Положительнымъ Международное Право должно быть названо и потому, что оно продуктъ тѣхъ жизненныхъ условій, его породившихъ и непрестанно развивающихся, среди которыхъ живутъ новые народы. Нормы его признаны всѣми цивилизованными правительствами въ многочисленныхъ актахъ и въ разнообразныхъ прецедентахъ. Многія изъ этихъ нормъ подтверждены судебною практикой, и надъ разработкою ихъ и сведеніемъ въ стройную систему трудится одна изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ отраслей правовѣдѣнія—наука Международнаго Права—въ развитіи которой принимаютъ участіе выдающіеся ученые всего міра. Но все это не должно скрывать отъ насъ обратной стороны дѣла: Международное Право, именно въ смыслѣ положительнаго, страдаетъ еще многими, очень многими недостатками, которые, правда, постепенно слабѣютъ, но, еще далеки отъ исчезновенія. *Нормы* его часто *не довольно полны и точны*, что вызываетъ споры объ ихъ содержаніи и объемѣ; ихъ *примѣненіе* къ жизни всецѣло еще *субъективно*, т. е. зависитъ отъ тѣхъ личностей—государствъ, которыя ихъ высказываютъ и проводятъ по своему изволенію; наконецъ, *защита* этихъ нормъ слишкомъ мало еще носитъ характеръ *юридическій*, т. е. она зависитъ отъ политики и матеріальной силы государствъ гораздо болѣе, нежели отъ органовъ права, или судовъ, болѣе всего призванныхъ давать эту защиту.

Эти недостатки—главная причина тѣхъ вѣчно возобновляемыхъ возраженій противъ Международнаго Права, которыя дѣлаются не только въ публикѣ, но и въ средѣ образованныхъ юристовъ даже нашего времени. Право это то смѣшиваютъ съ моралью, то отождествляютъ его съ политикою отдѣльныхъ правительствъ. Но такъ могутъ смотрѣть на него лишь лица, незнакомыя съ его исторіей и сущностью. Подчеркивая указанные его недостатки, отрицатели обыкновенно смѣшиваютъ его съ гражданскимъ и государственнымъ пра-

*) Ubi societas, idi ius. Государства входятъ въ эту семью, какъ равноправные между собою братья.

вомъ, упуская изъ виду, что эти отрасли права въ первыя эпохи ихъ возникновенія были отмѣчены тѣми-же недостатками, которые теперь ставятся въ вину Международному Праву, и что для достиженія современной ихъ выработки имъ потребовались многіе вѣка; если даже не тысячелѣтія. Международное Право, какъ положительное и живое, находится въ такомъ же непрерывномъ процессѣ роста и усовершенствованія, но въ уровень политическому, экономическому и нравственному развитію народовъ. Это поступательное его движеніе при его сложности и обширности, конечно, медленно, но оно существуетъ и усиливается. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ какъ исторія, такъ и теорія.—Нельзя смѣшивать Международное Право *съ нравственностью* въ силу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ мораль вообще отъ права. Нравственность есть внутренній законъ добра, который управляетъ всею жизнію и отношеніями человѣка, но лишенъ внѣшней организаціи и принудительной силы. Право означаетъ порядокъ общежитія, который для своего осуществленія требуетъ особыхъ нормъ и учрежденій. Различнымъ областямъ сожитія людей соотвѣтствуютъ различныя отрасли права; международное регулируетъ совмѣстную жизнь государствъ, какъ членовъ высшаго и самаго обширнаго общества на землѣ—международнаго союза. Подобно всякимъ инымъ формамъ человѣческихъ союзовъ и международный покоится какъ на нравственной, такъ и на юридической санкціи. Государство, которое дозволило бы себѣ нарушеніе Международнаго Права, тѣмъ прежде всего подорвало бы собственную честь и общее къ себѣ уваженіе. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій международныхъ нормъ. Но нарушителямъ ихъ угрожаетъ цѣлый рядъ другихъ понудительныхъ мѣръ, которыя, по степени своей тяжести, могутъ быть расположены въ извѣстной послѣдовательности: составленіе союза противъ нарушителя, лишеніе его матеріальныхъ выгодъ, вытекающихъ изъ международнаго общенія, отдѣльныя принудительныя мѣры (репрессаліи въ широкомъ смыслѣ), наконецъ, войны. Съ успѣхами международной организаціи установляется обычай и болѣе частаго обращенія къ международнымъ судамъ, какъ способу, наиболѣе подходящему для примѣненія и толкованія международныхъ нормъ въ ихъ юридическомъ значеніи.

Не менѣе важны отличія Международнаго Права отъ *политики*. Послѣдняя принципомъ своимъ имѣетъ общее благо, но при осуществленіи его она отправляется отъ интересовъ конкретнаго государства. Принципъ права—справедливость. Только это начало, коренящееся въ нравственной природѣ человѣка, даетъ политикѣ основу и границы, за которыми господствуетъ лишь эгоизмъ и грубая сила. Долгое время Международное Право совершенно подавлялось политикою. Такъ было за весь первый періодъ его существованія отъ Вестфальскаго мира до французской революціи. Практическимъ руководителемъ кабинетовъ тогда былъ Макіавелли.

Это направленіе составляло лишь выводъ изъ представленій о государствѣ, какъ о чемъ-то абсолютномъ и самодовлѣющемъ и о не обязательности для него нравственныхъ началъ въ сношеніяхъ съ другими, ему подобными, политическими организмами. Еще въ нашемъ столѣтіи, Гегель, видя въ государствѣ завершительную и высшую форму союзовъ, низводитъ Международное Право къ внѣшнему государственному праву безъ всякой принципіальной самостоятельности и строитъ его на принципѣ суверенитета, который въ международной области требуетъ себѣ восполненія и расширенія со стороны другого коренного начала—общенія. Послѣднее и получаетъ большее значеніе въ XIX столѣтіи, когда утверждается воззрѣніе на государства, какъ на личности, которыя въ этомъ качествѣ не могутъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ руководствоваться одними собственными интересами, но обязаны подчинять ихъ началамъ нравственности и права, какъ такимъ объективнымъ устоямъ, на прочности которыхъ въ концѣ-концовъ покоится все собственное ихъ бытіе и благосостояніе,

Отрицатели Международнаго Права указываютъ на отсутствіе *законодательнаго органа* для выраженія общей воли членовъ международнаго общенія. По ихъ мнѣнію международный строй никогда и не возвысится до выработки для себя настоящихъ законовъ въ техническомъ смыслѣ этого слова, въ чемъ впрочемъ нельзя видѣть какую-либо худшую сторону его сравнительно съ государственнымъ порядкомъ. Собственно это положеніе покоится на представленіи о законѣ, какъ о предписаніи, исходящемъ отъ высшаго, сильнѣйшаго, къ низшему и слабѣйшему.

Въ законѣ верховная власть не только установляетъ опредѣленную норму, но и обращается къ подчиненнымъ ей органамъ и лицамъ съ указаніемъ послѣдствій, имѣющихъ наступить въ случаѣ нарушенія ими этой нормы. Въ международномъ обществѣ такой верховной власти нѣтъ, поэтому отношенія его членовъ регулируются договорнымъ началомъ, какъ оно проявляется въ трактатахъ. Послѣдніе же временны и обязательны только для сторонъ, ихъ заключившихъ. На всѣ эти доводы слѣдуетъ однако замѣтить; I) Отсутствіе международнаго законодателя показываетъ лишь, что Международное Право находится еще на той ступени развитія, которая уже пережита другими болѣе тѣсными областями права. Законъ и въ государственномъ быту не единственный источникъ права, которое по существу древнѣе и шире его. Право коренится въ природѣ человѣка и въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ живетъ въ обществѣ. Все это не создается законодательствомъ, а имъ лишь признается и формулируется. Законъ сравнительно болѣе поздняя форма положительнаго права, которой предшествуетъ обычай, играющій въ первобытномъ обществѣ аналогичную съ нимъ роль. Поэтому, если законодательная власть не есть первоначальный источникъ права въ гражданскомъ и государственномъ быту, то и въ области международныхъ отношеній отсутствіе ея ни-

какъ не можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь не существуетъ никакихъ обязательныхъ юридическихъ нормъ. 2. Слишкомъ узкимъ и произвольнымъ является то воззрѣніе на законъ, которое видитъ въ немъ лишь норму, исходящую отъ верховной власти и направленную къ подвластнымъ ей органамъ и лицамъ. Законъ есть также норма, которою верховная власть обязываетъ себя самое т. е. государство, какъ цѣлое. Иначе мы пришли бы къ римскому абсурду: princeps lègibus solutus est. Особенно несостоятельно это положеніе въ международной области, гдѣ регулирующія ее начала превращаются въ положительныя нормы въ силу *совмѣстнаго признанія ихъ многими верховными властями*. Поэтому 3. преобладающее еще тутъ договорное начало (сказывающееся въ трактатахъ) носитъ весьма часто характеръ законоподобный. Это бываетъ, когда договоры являются не сдѣлками, заключенными сторонами для опредѣленной лишь дѣловой цѣли, съ достиженіемъ которой онѣ и прекращаются, а когда они напротивъ высказываютъ извѣстныя общія нормы права лежащія въ природѣ, отношеній и составляющія насущную потребность цивилизованныхъ народовъ данной эпохи. Такіе трактаты-договоры только по формѣ, но по содержанію они—законы. Нормы необходимаго, ими выраженнаго права, либо усвояются другими часто очень многочисленными договорами между правительствами (отсюда сходство различныхъ спеціальныхъ, но однородныхъ договоровъ данной эпохи, какъ-то: торговыхъ, о выдачѣ преступниковъ, объ охранѣ путей сообщенія, иностранцевъ и проч.) либо эти нормы высказываются въ какомъ-либо одномъ коллективномъ актѣ, скрѣпленномъ подписью большинства если не всѣхъ цивилизованныхъ государствъ (парижская морская декларація 1856 г. принято до 50 правительствами; Женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ воинахъ 1864 г.—32 государствами; конвенціи объ уніяхъ, актъ берлинской конвенціи 1885 г. выработанъ делегатами 14 державъ, брюссельской 1890 г.—17 и т. д.). Это не только по существу дѣла законы, но даже своего рода кодификаціи извѣстныхъ отдѣловъ Международнаго Права. Со временемъ это движеніе только усилится, и международный законодатель, какъ особый коллективный органъ всего общества государствъ, явится самъ собою въ смыслѣ завершителя международной организаціи.—Уже теперь какъ выраженіемъ такового могутъ быть разсматриваемы, до извѣстной степени, конгрессы и конференціи: они, правда, еще очень несовершенны по организаціи, въ ихъ сознаніи и дѣятельности много случайнаго, но на практикѣ они нерѣдко играли роль судебныхъ инстанцій, а и въ ихъ постановленіяхъ, особенно за послѣднее столѣтіе, не трудно подмѣтить нѣкоторое проявленіе идеи даже международнаго законодательства.

Не болѣе состоятельно и другое возраженіе противъ Международнаго Права вслѣдствіе отсутствія *международнаго суда*, который каралъ бы его нарушителей, нормы его отстаиваются самими сторонами, которыя въ своихъ спорахъ чаще всего руководствуются соображе-

ніями политики, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ другой силѣ (войнѣ). Это возраженіе смѣшиваетъ двѣ существенно различныя вещи: осуществленіе юридическій нормы на практикѣ съ самымъ ея бытіемъ. Право не перестаетъ быть положительнымъ отъ того только, что оно не примѣняется судомъ. Оно существуетъ раньше суда и не отъ суда только зависитъ его бытіе. Исторія процесса у всѣхъ народовъ показываетъ намъ, что право, впродолженіе вѣковъ, охранялось самими сторонами и лишь медленно и постепенно выработалась для этого собственно судебная защита сперва внутри цивилизованныхъ государствъ и то лишь въ средѣ гражданскаго и уголовнаго права. Нынѣ эта форма защиты—изъ всѣхъ способовъ охраны права безспорно наиболѣе справедливая и желательная—проникаетъ и въ область публичнаго права. Но нельзя тутъ не замѣтить, что все еще многія публичныя права даже во внутренней жизни государствъ остаются безъ такой охраны, и въ литературѣ мнѣнія о ней писателей расходятся. При всемъ томъ идея судебной охраны публичныхъ правъ успѣла себѣ отвоевать извѣстную почву практическаго осуществленія. И любопытно, что возбужденіе вопроса о необходимости организаціи административныхъ судовъ, какъ охранителей публичныхъ правъ, совпало съ оживленіемъ интереса къ идеѣ и международнаго суда. Это совпаденіе—не простая случайность. Оно прямо обусловлено тѣмъ, что оба эти вопроса только части другого болѣе широкаго и важнаго вопроса о судебной охранѣ публичнаго права вообще, какъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствахъ, такъ и въ международномъ союзѣ. Идея международнаго суда дѣлаетъ въ наши дни шаги впередъ не только въ наукѣ, но и въ жизни. Пока онъ выступаетъ на практикѣ главнымъ образомъ въ формѣ третейской юрисдикціи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры третейскихъ рѣшеній въ нашемъ столѣтіи, а равно Вашингтонскій договоръ 1890 г. между американскими республиками и вызванныя имъ ходатайства въ европейскихъ палатахъ и агитація въ печати. Но эта форма юстиціи есть лишь предверіе къ тому постоянному и настоящему международному суду, который долженъ будетъ со временемъ рѣшать споры между народами на основаніи принциповъ права и для этого заботиться объ ихъ укрѣпленіи, согласованіи и расширеніи въ общихъ интересахъ мира и справедливости.

Такимъ образомъ, и въ международной области, какъ и въ частноправовой, путемъ процесса разовьется матеріальное право, а черезъ это подвергается все большему сокращенію самоуправство сторонъ въ спорахъ. Силою вещей соображенія политики тогда уступятъ мѣсто твердымъ принципамъ права и случаи обращенія къ другой силѣ станутъ все болѣе и болѣе рѣдки и менѣе необходимы. Но даже при теперешнихъ порядкахъ, нельзя согласиться съ тѣми, которые на основаніи отсутствія въ международной области особой *исполнительной власти,* утверждаютъ будто вообще международныя сношенія управляются не правомъ, а силою. На это должно замѣтить, что право и сила не

суть такія противоположности, которыя взаимно исключали бы другъ друга: напротивъ, сила часто помогаетъ къ установленію права противъ беззаконія; кромѣ того, право въ цивилизованномъ обществѣ регулируетъ самое примѣненіе силы, превращая ее на всѣхъ ступеняхъ ея примѣненія въ организованное принужденіе. Наконецъ, право постепенно вырабатываетъ другіе болѣе совершенные и мирные способы осуществленія и защиты субъективныхъ правъ и интересовъ, которые либо совершенно замѣняютъ самоуправство и войну, либо чрезвычайно сокращаютъ область ихъ дозволеннаго примѣненія. Вопреки преобладающему въ современной юриспруденціи воззрѣнію, должно сказать, что не въ физической силѣ и принужденіи—существо права: ибо это значитъ смѣшивать двѣ различныя вещи: самое право и принудительный порядокъ его осуществленія. Послѣдній имѣетъ примѣненіе обыкновенно въ томъ случаѣ, когда право и законъ нарушаются. Поэтому сила есть болѣе элементъ неправды, чѣмъ права, которое въ нормальномъ его существованіи никогда не вызываетъ насильственнаго осуществленія права. Право перестаетъ существовать съ того момента, когда оно не является болѣе побудительною причиною и мотивомъ людскихъ бѣдствій, когда оно болѣе не сознается (или же ложно толкуется). Вотъ почему распространеніе сознанія права есть лучшее средство для того, чтобы обезпечить его осуществленіе. Отсюда ясно, насколько лучшее примѣненіе и уваженіе началъ Международнаго Права стоитъ въ прямой зависимости отъ знанія его со стороны тѣхъ, которые призваны быть исполнителями и истолкователями (Мартенсъ).

Такимъ образомъ, Международное Право, допуская въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ принужденіе и даже войну, какъ способы рѣшенія споровъ между государствами, подчиняетъ ихъ однако опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ, значительно ограничивающимъ и смягчающимъ ихъ приложеніе.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія парижская морская декларація 1856 г., отмѣнившая каперство и опредѣлившая права нейтральныхъ; женевская конвенція 1864 г. о больныхъ и раненыхъ воинахъ, петербургская 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ и брюссельская декларація объ обычаяхъ и законахъ войны 1874 г. къ сожалѣнію не превращенная въ общеобязательный международный актъ, но начала которой вошли въ законы и распоряженія многихъ правительствъ, изданные послѣ нея. Это своего рода кодификаціи военнаго права, предпринятыя правительствами и которыя въ будущемъ несомнѣнно получатъ подтвержденіе и дальнѣйшее расширеніе.

Международное Право не только регулируетъ своими нормами войну, но и стремится замѣнить ее болѣе подходящими и справедливыми способами окончанія несогласій между государствами. Для громаднаго большинства такихъ споровъ, война при современныхъ условіяхъ ея веденія, является рѣшительно не мыслимою: слишкомъ ужъ

ярко для всѣхъ выступаетъ полное несоотвѣтствіе между предметами споровъ, раздѣляющихъ государства и бѣдствіями, вызываемыми войной. Это стали сознавать и правительства. Наряду съ дипломатіей, часто мало пригодною, какъ орудіе ихъ примиренія, они съ этою цѣлью стараются въ наши дни чаще обращаться къ началамъ права и это способствуетъ успѣхамъ третейской практики. Палаты всѣхъ цивилизованныхъ странъ не разъ высказывались за введеніе международныхъ третейскихъ судовъ, которые рѣшали бы всѣ споры между государствами, кромѣ лишь затрогивающихъ ихъ независимость. Два такіе коллегіальные суда какъ Женевскій (1872 г.) и Парижскій (1893 г.) удачно рѣшившіе споры между С. Штатами и Англіей—двумя великими державами—знаменуютъ собою новую эру въ международной третейской юрисдикціи, очевидно призванной постепенно превратиться въ правильную международную юстицію. Державы подписавшія Берлинскій актъ 1885 г. согласились въ случаяхъ несогласій между ними относительно его постановленій, до обращенія къ оружію, прибѣгать къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, онѣ предоставляютъ себѣ право обращаться по своему усмотрѣнію и третейскому суду (ст. 12). Необходимо это правило обобщить и сдѣлать для всѣхъ обязательнымъ, т. е. объявить по примѣру Вашингтонскаго договора 1900 г. обращеніе къ третейскому суду за принципъ современнаго Международнаго Права (ст. 1 слѣд.).

Путемъ юстиціи окрѣпнетъ и выработается международная организація, которая, не подрывая внутренней самостоятельности государствъ, поставитъ однако ихъ внѣшнее, совмѣстное существованіе на вполнѣ юридическую почву. Къ судамъ третейскимъ и постояннымъ, тогда присоединятся и органы: какъ законодательства, такъ и испольнительной власти со всѣми ея многообразными функціями до организованнаго принужденія включительно. Но все это скорѣе вопросы и дѣло самой жизни, нежели теоріи.

IV. Источники Международнаго Права. Главный интересъ, лежащій въ изученіи источниковъ Международнаго Права заключается въ томъ, что это вполнѣ подтверждаетъ намъ, несмотря на нѣкоторыя ихъ особенности, юридическую природу его нормъ. Въ самомъ дѣлѣ эти нормы выражаются въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыя выливается всякое положительное право вообще, а въ смѣнѣ ихъ подмѣчаются тѣ же фазы, черезъ которые проходитъ ростъ всякаго національнаго права отъ *обычаевъ* къ отдѣльнымъ *положительнымъ нормамъ* (законамъ, трактамъ), требующимъ позднѣе, при осложеніи сношеній сведенія ихъ, при помощи *судебной практики* и *научныхъ обобщенія и анализа въ одну цѣльную юридическую систему черезъ кодификацію.*

Прежде всего надо отличать внутренній и настоящій источникъ Международнаго Права или силу, его производящую, отъ различныхъ внѣшнихъ формъ его проявленія на практикѣ, какъ права положительнаго. Внутренній источникъ Международнаго Права, какъ и всякаго

права, слѣдуетъ искать въ *природѣ человѣка*, въ совершенствующихся его способностяхъ, въ увеличивающихся и разнообразящихся его потребностяхъ. Этотъ источникъ постояненъ и неизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что онъ вытекаетъ изъ требованій разумной, общежительной природы человѣка, предписывающей ему жить въ обществѣ существъ ему подобныхъ. Многіе юристы называютъ вытекающія изъ него начала правомъ необходимымъ, отличая его однако отъ естественнаго права прежнихъ эпохъ. Къ нему они сводятъ, напримѣръ: основныя права государствъ, обязательную силу договоровъ и начало взаимности, какъ руководящее сношеніями народовъ. На практикѣ измѣняются его нормы и способы ихъ охраны, но корень ихъ остается одинъ и тотъ же. Говоря глубже, онъ скрывается въ нравственномъ порядкѣ вселенной по волѣ Божіей управляемой великимъ закономъ солидарности всѣхъ живыхъ существъ.

Отыскивать начала этого необходимаго или разумнаго Международнаго Права должно въ *юридическомъ сознаніи* тѣхъ народовъ нашей культуры, которые вступили между собой въ правильное и, до извѣстной степени, организованное общеніе. Члены его сознаютъ себя связанными, по отношенію другъ къ другу, извѣстными правами и обязанностями и стараются совмѣстно осуществлять общіе имъ интересы. Такъ путемъ ихъ согласія возникаетъ положительное Международное Право, главными формами котораго являются: обычаи, договоры, рѣшенія международныхъ судовъ, законы государствъ, рѣшенія государственныхъ судовъ и наука.

а) *Обычаи*. Какъ и во всякой другой области права,—въ Международномъ—обычаи составляютъ самую древнюю и живую форму его проявленія. Есть однако и нѣкоторыя характерныя черты, отличающія собственно международные обычаи они устанавливаются, хотя и молчаливо, но болѣе *сознательно*, чѣмъ обычаи національные. Это выражается въ томъ, что международные обычаи проявляются въ дѣйствіяхъ правительствъ и ихъ различныхъ органовъ, независимо отъ того, кѣмъ они вначалѣ были высказаны (хотя бы, напр., какимъ-либо выдающимся юристомъ, политическимъ дѣятелемъ и т. д.) Во-2-хъ обычаи, чтобы стать международными, должны получить *общій* характеръ, т. е. быть усвоены въ той или иной формѣ, если не всѣми народами, то, по крайней мѣрѣ, большинствомъ изъ нихъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Правила, которымъ тутъ слѣдуютъ отдѣльныя правительства, но которыя не получили общаго признанія, не могутъ еще быть названы международными обычаями.

Важность обычнаго права — его непосредственная связь съ жизнью—съ тѣми потребностями людей, которыя ихъ производятъ и убѣжденіе въ юридической обязательности его нормъ со стороны примѣняющихъ его лицъ. Все это имѣетъ мѣсто и въ международной сферѣ: въ относящихся сюда обычаяхъ ранѣе и яснѣе всего сказы-

вается фактическое и непрерывное сознаніе о правѣ со стороны государствъ, ихъ практикующихъ. Этою стороною обычаи отличаются отъ правилъ простой международной вѣжливости [comitas gentium, courtoisie internationale], играющихъ на практикѣ большую роль, но лишенныхъ юридической обязательности. Большинство нормъ и институтовъ Международнаго Права возникли и до нынѣ охраняются лишь благодаря обычаямъ, т. е. безмолвному согласію государствъ на ихъ признаніе и соблюденіе. Уже древніе знали нѣкоторыя правила относительно веденія войны. Еще болѣе въ средніе вѣка, благодаря вліянію христіанства и рыцарства установилось различіе между доброю, честною войной [bonne guerre] и разбоемъ [mauvaise guerre]. Отъ временъ рыцарей ведутъ свое начало многія понятія о чести и дисциплинѣ въ современныхъ европейскихъ арміяхъ, объ отношеніяхъ къ врагу и побѣжденнымъ, о неприкосновенности нѣкотораго рода имуществъ и т. д. Доселѣ многія нормы, составляющія право войны, не формулированы еще вовсе или высказываются недостаточно въ международныхъ соглашеніяхъ и въ законахъ государствъ и остаются въ видѣ обычаевъ, такъ-что не безъ основанія брюссельская конференція 1874 г. поставила себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое *законы и обычаи войны*. Въ средніе же вѣка возникло *морское* Международное Право, начиная съ правилъ о товароотправленіи, о морскомъ страхованіи, объ отношеніяхъ между шкиперомъ и матросами и кончая правами нейтральной торговли—все оно сложилось первоначально въ видѣ обычаевъ, скоро утратившихъ свою національную и территоріальную окраску и перешедшихъ въ особые сборники [Consolato del Mare XIV в., Rooles d'Oleron XI в.; Guidon de la Mer XVI ст. Висбійское право XV ст. и т. д.], а позднѣе сдѣлавшихся частью законодательства различныхъ государствъ. Путемъ обычаевъ выработалось далѣе международное договорное и посольское право. Также возникли права, которыми пользуются главы государствъ и ихъ представители на чужой территоріи и въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ вообще. Не меньшую роль игралъ обычай и въ частномъ Международномъ Правѣ.

Изъ всего этого ясно громадное практическое значеніе международныхъ обычаевъ даже для нашего времени: они составляютъ, какъ сказано, большую часть хотя и не писанныхъ, но положительныхъ нормъ Международнаго Права. Это ихъ значеніе проявляется собственно въ двоякомъ направленіи: обычаи представляютъ главное пособіе при примѣненіи и толкованіи спорныхъ международныхъ нормъ: они либо восполняютъ существующіе въ послѣднихъ пробѣлы, либо помогаютъ точнѣе уяснить настоящій ихъ смыслъ. Затѣмъ они содѣйствуютъ отмѣнѣ извѣстныхъ нормъ положительнаго права, пришедшихъ въ несоотвѣтствіе съ реальными требованіями жизни. Было бы весьма желательнымъ собраніе и обнародованіе международныхъ обычаевъ въ одномъ сборникѣ. Эта работа необходимая, но не легкая, ибо соотвѣтствующія нормы обычнаго права слѣдовало бы извлекать изъ

самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: историческихъ прецедентовъ, судебныхъ рѣшеній, постановленій различныхъ законовъ, международной практики и т. д. При все расширяющемся международномъ оборотѣ, обычаи естественно должны уступить въ наше время первое мѣсто другой формѣ Международнаго Права—трактатамъ.

б) *Трактаты* или международные договоры обозначаютъ всякаго рода обязательства, принимаемыя на себя государствами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Намъ нечего на нихъ останавливаться такъ, какъ имъ была посвящена въ этомъ Словарѣ особая статья (Договоры межд. полутомъ 20). Замѣтимъ, только что при изученіи положительнаго Международнаго Права трактаты являются главнымъ источникомъ, ибо они лучше всего свидѣтельствуютъ о воззрѣніяхъ правительствъ въ данное время на ихъ взаимныя права и обязанности. Отъ обычаевъ они отличаются большею точностью и сознательностью выраженныхъ въ нихъ нормъ. Кромѣ вышеназванныхъ актовъ по военному праву заслуживаютъ вниманія слѣдующія договоры и постановленія: оба вооруженные нейтралитета 1780 и 1800 гг., статьи Вѣнскаго акта 1815 г. о международномъ рѣчномъ судоходствѣ, объ осужденіи негроторговли и о рангѣ дипломатическихъ агентовъ, къ послѣднему вопросу слѣдуетъ прибавить ахенскій протоколъ 1818 г. о министрахъ-резидентахъ; парижскій и берлинскій акты (1856 и 1878 гг.) о положеніи Турціи и подвластныхъ ей племенъ, о Дунаѣ и Черномъ морѣ и проливахъ; конвенціи: Берлинская 1885 г. о судоходствѣ по Конго, Нигеру и вообще о торговлѣ и занятіи новыхъ земель въ экваторіальной Африкѣ, Брюссельская 1890 г. о борьбѣ въ тѣхъ странахъ съ торговлею и закрѣпощеніемъ негровъ. Таковы наиболѣе важные общіе международные акты. Къ нимъ должны быть присоединены договоры о различныхъ уніяхъ между государствами и другіе хотя спеціальные договоры по тому или иному вопросу (торговые, о выдачѣ преступниковъ и т. д.), заключенные между двумя или лишь немногими государствами, но торжественные по содержанію. Это указываетъ на общность идей и солидарность интересовъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Много существуетъ *сборниковъ* трактатовъ: общіе, національные и спеціальные, посвященные одному какому-либо отдѣлу Международнаго Права. Сборники эти издаются либо правительствами, либо частными лицами и притомъ печатаются они въ опредѣленные сроки или же просто время отъ времени. Но давно уже было указано на существующую тутъ путаницу, неаккуратность, пробѣлы и на вытекающія отсюда крайнія затрудненія при пользованіи этими собраніями. Очевидно, важное дѣло изданіе трактатовъ должно вестись по раціональному однообразному и напередъ установленному плану и притомъ давать тексты договоровъ во всей точности своевременно и на одномъ для всѣхъ государствъ языкѣ (каковымъ наиболѣе удобнымъ былъ бы французскій). Лучшимъ способомъ осуществленія такой задачи признается даже многими правительствами учрежденіе между государствами уніи. Для этой цѣли была созвана

осенью 1894 г. конференція въ Бернѣ *), которая и выработала планъ подобной уніи для совмѣстнаго и однообразнаго изданія государствами трактатовъ. Къ сожалѣнію дѣло доселѣ на томъ и остановилось, но практическая несостоятельность его такова, что осуществленіе его представляется лишь вопросомъ времени. Важными пособіями при изученіи трактатовъ являются дипломатическіе переговоры и всякаго рода акты, подготовляющіе рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ. Особенную цѣну для уразумѣнія постановленій конгрессовъ и конференцій имѣютъ ихъ протоколы. Также много интереса представляютъ инструкціи, даваемыя правительствами своимъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ иностранными дворами. Французское правительство нынѣ приступило къ печатанію такихъ своихъ инструкцій, выданныхъ имъ до первой революціи.

в) *Рѣшенія Международныхъ судовъ.* Строгіе позитивисты признаютъ только обычаи и договоры источниками Международнаго Права. Но это воззрѣніе слишкомъ узко и исключительно-формальное. Правосознаніе народовъ, безспорно, сказывается и въ ихъ *судебныхъ рѣшеніяхъ*, которыя при свободномъ, малоформальномъ еще характерѣ Международнаго Права не только призваны интерпретировать его нормы, и даже проявлять нѣкоторое творчество въ правѣ. Эта функція суда, само собой разумѣется, лишь вспомогательная и въ той мѣрѣ сокращающаяся, въ какой точнѣе и полнѣе вырабатываются законодательныя нормы и обладать ею могутъ только международные суды. Къ типу таковыхъ, болѣе или менѣе, приближаются: 1. *Призовые суды.* Они учреждаются воюющими для разбора дѣлъ законности взятыхъ ими непріятельскихъ или нейтральныхъ судовъ (призовъ) и руководствуются при этомъ не только мѣстными отечественными законами, но и Международнымъ Правомъ. Сборники ихъ рѣшеній даютъ богатый матеріалъ по всѣмъ вопросамъ какъ войны, такъ и мира. Особенно прославили себя въ призовой юрисдикціи англійскіе и американскіе юристы, но все-таки нельзя видѣть въ ихъ рѣшеніяхъ", какъ дѣлаютъ это ихъ соотечественники, какія-то непреложныя истины. Призовые суды страдаютъ многими крупными недостатками; они временны, носятъ характеръ гораздо менѣе судебный, нежели административный (военно-морской) и суть учрежденія государственныя, а не международныя. Между тѣмъ характеръ судебный и международный долженъ быть выраженъ гораздо рѣзче въ ихъ организаціи и дѣятельности, ибо они, по природѣ своей не административные совѣты, а именно суды, призванные разсматривать часто очень запутанные споры о правѣ, въ которыхъ замѣшаны не одни воюющіе, но и нейтральные граждане и даже государство. Въ этомъ направленіи давно уже трудятся ученые. 2. *Смѣшанные суды въ Египтѣ* возникли въ 1874 г. Они состоятъ частью

*) О ней см. обстоятельную замѣтку въ международной хроникѣ Revue gènér. de Dr. inetrn public., 1895, № 2, p. 221—229.

изъ туземныхъ подданныхъ, частью (въ большинствѣ) изъ лицъ рекомендованныхъ европейскими правительствами и разбираютъ торговые гражданскія и нѣкоторыя уголовныя дѣла между иностранцами разныхъ національностей и между иностранцами и туземцами. Ихъ международный характеръ выражается въ ихъ организаціи и въ тѣхъ кодексахъ, которые имъ даны въ руководство. Суды эти представляютъ любопытную попытку съ одной стороны извѣстнаго объединенія дѣйствующей на Востокѣ юрисдикціи консуловъ, съ другой,—нѣкотораго сближенія на почвѣ права жителей христіанскихъ и восточныхъ странъ.

3. *Международные третейскіе суды* стали чаще учреждаться въ нашемъ столѣтіи. Въ пользу ихъ распространенія на практикѣ существуетъ цѣлая литература. Пока они отличаются еще довольно случайнымъ характеромъ, примѣняются (кромѣ двухъ вышеназванныхъ споровъ: Алабамскаго и о котикахъ въ Беринговомъ морѣ) къ неважнымъ случаямъ и поэтому рѣшенія ихъ не даютъ богатаго матеріала для науки Международнаго Права. Но этимъ судамъ принадлежитъ безспорно будущее въ виду возрастающаго въ цивилизованныхъ народахъ желанія оканчивать свои споры не оружіемъ, не исхищреніями дипломатовъ, а мирно и по справедливости. Но расширеніе сферы дѣятельности этихъ судовъ не мыслимо безъ приданія имъ правильной организаціи и обязательнаго характера. г) *Внутренніе законы государствъ* являются важною дополнительною формою къ доселѣ перечисленнымъ нами главнымъ или прямымъ формамъ Международнаго Права. Они или подтверждаютъ существующія уже международныя нормы, придавая имъ государственную санкцію на извѣстной территоріи, или подготовляютъ имъ дорогу, опережая ихъ въ провозглашеніи новыхъ, назрѣвающихъ уже идей, но не получившихъ еще общаго признанія. Наконецъ, они служатъ подспорьемъ при толкованіи трактатовъ въ видѣ тѣснаго взаимодѣйствія между внутреннею жизнью государствъ и ихъ внѣшними сношеніями. Въ современныхъ законодательствахъ не мало существуетъ отдѣловъ, представляющихъ большія или меньшія между собой сходства именно потому, что ихъ вызвали къ жизни одинаковыя потребности и воззрѣнія. Таковы, напр., законы объ иностранцахъ, пребывающихъ въ странѣ, о консулахъ, морскіе законы и т. д. По идеѣ законы и трактаты не должны другъ другу противорѣчить, но въ случаяхъ коллизій между ними, предпочтеніе на почвѣ собственно международной должно быть отдаваемо трактатамъ, какъ такимъ общимъ нормамъ, которые не подлежатъ отмѣнѣ со стороны противорѣчащихъ имъ законовъ отдѣльныхъ государствъ.

д) *Рѣшенія государственныхъ судовъ* важны въ международной области въ двоякомъ направленіи во 1-хъ, поскольку ими затрогиваются различные вопросы частнаго международнаго права и стоящіе съ ними нерѣдко въ связи споры о подданствѣ, объ эмиграціи, о положеніи и правахъ иностранцевъ и т. п., 2-хъ, рѣшенія государственныхъ судовъ имѣютъ значеніе и для чисто публичнаго Международнаго Права,

когда рѣчь заходитъ, напримѣръ, о правахъ и привиллегіяхъ дипломатическихъ агентовъ и государей на иностранной территоріи, объ отвѣтственности ихъ по недвижимымъ имуществамъ, владѣемыхъ ими заграницей, о правонарушеніяхъ, совершенныхъ воюющими на непріятельской территоріи и проч.

е) *Наука.* Быть можетъ ни въ одной отрасли права, наука не имѣетъ такого большого значенія, какъ въ сферѣ Международнаго Права. Она должна быть признана однимъ изъ главныхъ факторовъ, создавшихъ его. Ея представители не разъ оказывали вліяніе на международныя сношенія и содѣйствовали сложенію нормъ, управляющихъ этими отношеніями. Съ этою цѣлію они не только собираютъ весь положительный матеріалъ, извлекая его изъ перечисленныхъ нами выше источниковъ, но и сводятъ полученныя изъ него нормы въ стройную систему. Они заботятся о распространеніи въ обществѣ здоровыхъ воззрѣній на международныя сношенія и путемъ популярныхъ изложеній, печатнаго и устнаго слова и даже, изучая современную жизнь, нерѣдко выводятъ новыя послѣдствія изъ уже признанныхъ началъ, или прямо высказываютъ новыя идеи, опережая тѣмъ свое время. Это уже творческая дѣятельность науки, которую никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ фантазіей или субъективными иллюзіями, разъ эта дѣятельность опирается на глубокое знакомство съ явленіями реальной жизни и съ законами исторіи и логики. Не менѣе почтенна и практическая роль интернаціоналистовъ: примѣняя международные нормы на практикѣ, содѣйствовать ихъ выясненію и укрѣпленію, поддерживать и расширять добрыя отношенія между всѣми государствами, устранять возникающіе между ними споры и вообще водворять въ ихъ совмѣстной жизни великія начала справедливости и мира. Въ наше время наука Международнаго Права нашла себѣ прекрасный коллективный органъ въ *Институтѣ Международнаго Права,* который возникъ въ 1873 г. по мысли Роленъ-Жекмена, Блюнчли, Муанье и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Это общество частное, вполнѣ научное, въ составъ котораго входятъ выдающіеся интернаціоналисты всѣхъ странъ. Цѣль его содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права въ жизни и наукѣ и спеціально стремиться къ постепенной кодификаціи его началъ. Для сей цѣли члены его почти ежегодно собираются на съѣзды и при немъ состоятъ различные комиссіи, разрабатывающія главнымъ образомъ вопросы новые, интересные въ наукѣ и которые самимъ ходомъ жизни выдвинуты на очередь. Институтъ имѣетъ свои органы: „Ежегодникъ“ и „Обозрѣніе Международнаго Права“, которые являются настольными изданіями для всякаго интересующагося этою отраслью знанія.

ж) *О кодификаціи Международнаго Права.* Подобно всѣмъ остальнымъ областямъ права, Международное достигнетъ наибольшей опредѣленности и выработки лишь подъ условіемъ его *кодификаціи*, т. е. сведенія его нормъ государствами въ одно цѣлое и признанія ихъ для себя обязательными въ качествѣ *международнаго закона* (кодекса. Это—

высшая и завершительная фаза для права вообще и не существуетъ никакого основанія, съ принципіальной точки зрѣнія оспаривать ея цѣлесообразность и справедливость и для Международнаго Права. Въ этомъ направленіи высказываются все чаще и чаще писатели и даже дѣлаются нѣкоторыя попытки правительствами, какъ мы указывали выше. Лица, скептически относящіяся къ кодификаціи Международнаго Права въ цѣломъ его составѣ допускаютъ ее для тѣхъ или иныхъ его отдѣловъ: какъ-то: для права войны, морского консульскаго и т. п. Правительственной кодификаціи должны предшествовать научныя работы этого же рода со стороны частныхъ лицъ. Современное Международное Право можетъ гордиться таковыми: кодексы Блюнчли, Фильда и Фіоре не только обнимаютъ весь предметъ ими излагаемый въ формѣ статей закона, но и принадлежатъ къ лучшимъ научнымъ системамъ въ этой области вообще. Работы Института Международнаго Права являются болѣе или менѣе удачными частями и образчиками для будущей кодификаціи соотвѣтствующихъ отдѣловъ. Засѣдавшія въ Гагѣ въ 1893 и 94 гг., правительственныя конференціи сдѣлали первыя подготовительныя работы къ кодификаціи гражданскаго Международнаго Права. Все это характерныя знаменія времени, указывающія на то, что и въ международной области вопросъ о кодификаціи подвигается впередъ. Вѣроятно, таковая произойдетъ постепенно и частично: отъ назрѣвшихъ и простыхъ отношеній къ болѣе сложнымъ и спорнымъ. Польза подобной работы внѣ сомнѣнія: она должна итти объ руку съ успѣхами международнаго суда въ жизни и обѣ эти задачи, восполняя другъ друга скрѣпятъ прочными юридическими узами самый миръ между государствами.

V. Область примѣненія. По идеѣ Международное Право есть право человѣчества, но, какъ право положительное, оно соединяетъ пока народы Европы и Америки, потому что оно явилось продуктомъ всей ихъ прошлой культурной жизни. Постепенно нормы его распространились на государства Азіи, гдѣ оно дѣйствуетъ лишь частично и только за послѣдніе годы, конвенціи берлинская и брюссельская втянули въ кругъ договорныхъ отношеній между европейскими кабинетами и дикія страны Африки. Поэтому, съ точки зрѣнія обязательности Международнаго Права, народы всего земного міра распадаются на слѣдующія три группы: 1. Европейско-Американскій міръ; 2. народы Азіи, или магометанскій и языческій міръ Востока и 3. всѣ остальныя племена, варвары, почти недостигнувшіе какой-либо государственной организаціи. 1. Международное Право зародилось, какъ извѣстно, въ западной Европѣ въ XVIII стол., когда новыя государства, сложившись, вступили въ правильныя между собою сношенія и когда протестантизмъ утвердилъ принципы духовной и умственной свободы въ жизни народовъ. Тому же факту содѣйствовали, на рубежѣ новаго времени, многочисленныя изобрѣтенія и открытія въ разныхъ сферахъ мысли, открытіе Америки и морского пути въ Индію и вызван-

ныя ими оживленіе всемірной торговли и заведеніе европейцами во всѣхъ частяхъ свѣта колоній. Такимъ образомъ, съ успѣхами европейской цивилизаціи и колонизаціи распространялись начала Международнаго Права на другіе материки. Прежде всего возникли цвѣтущія самостоятельныя государства въ Америкѣ. Сколько ни представляютъ политическихъ особенностей ея республики, сравнительно со странами Европы, но для всякаго очевидно, что сношенія между этими обоими материками должны покоиться на началахъ полнаго равенства и обоюдной независимости, но подъ условіемъ самаго широкаго и дружественнаго между ними общенія. Они—отрасли одного ствола и одна часть, безъ другой, долго не просуществуетъ. Въ этихъ видахъ нельзя не протестовать противъ формулы „Америка—для американцевъ", какъ ее толкуютъ узкіе патріоты и фанатики въ С. Штатахъ. Америка не только обязана Европѣ своимъ населеніемъ и цивилизаціей въ прошломъ, но и все благосостояніе ея въ будущемъ обусловлено тѣснымъ и постояннымъ общеніемъ ея съ Европою. Поэтому С. Штаты, будучи передовою державою на своемъ материкѣ, призваны стоять на стражѣ его независимости и свободы, но они не имѣютъ ни малѣйшаго права ни закрывать Америку для европейскихъ эмигрантовъ и товаровъ, ни вытѣснять европейцевъ изъ принадлежащихъ имъ тамъ владѣній. Это были бы тяжкія нарушенія Международнаго Права, которыя узаконили бы противъ себя, со стороны европейскихъ державъ, самые энергичныя и коллективныя мѣры. С. Штаты до сихъ поръ не принимали участія въ обсужденіи великихъ политическихъ вопросовъ нашего материка, но съ точки зрѣнія права и какъ держава міровая, они вполнѣ могли бы это дѣлать. За то многочисленны договоры, заключенные ими съ государствами Европы и ко многимъ обще-юридическимъ постановленіямъ ихъ они присоединились: къ женевской конвенціи 1864 г., къ почтовому и промышленному союзу (но не къ телеграфному и литературному), къ метрической конвенціи 1875 г., къ парижской 1884 г. объ охранѣ кабелей въ мирное время и т. д. Делегаты Штатовъ засѣдали, но не обязывая свое правительство, на конференціяхъ берлинской 1884—85 г. и на брюссельской 1887—90 г. Съ прорытіемъ Панамскаго канала чрезвычайно важно будетъ установить надъ нимъ не американскій, а обще-международный контроль и управленіе.

2. *Народы Азіи*, хотя и пользуются древнею и богатою культурою, но она покоится на иныхъ основахъ, сравнительно съ европейскою, поэтому начала Международнаго Права къ нимъ примѣняются лишь по стольку, по скольку они высказаны въ заключенныхъ съ ними договорахъ. Съ цѣлью охраны своихъ подданныхъ, пребывающихъ на Востокѣ и не довѣряя мѣстному правосудію, европейскія государства, а за ними и американскіе установили тамъ консульскую юрисдикцію, въ въ силу которой, какъ извѣстно, подданные ихъ подлежатъ въ Азіи не мѣстнымъ, а отечественнымъ судамъ своихъ консуловъ. Въ послѣд-

нее время подымали рѣчь о замѣнѣ этихъ консульскихъ судовъ такими же смѣшанными, какіе введены въ Египтѣ. Это было-бы шагомъ впередъ на почвѣ сближенія въ вопросахъ права между христіанскимъ міромъ и азіатскимъ,—шагомъ во всякомъ случаѣ болѣе осторожнымъ и желательнымъ, нежели простое упраздненіе консульской юрисдикціи, какъ на этомъ настояла Японія въ нѣкоторыхъ своихъ договорахъ (съ Англіей, С. Штатами, Германіей; реформа эта имѣетъ вступить въ силу черезъ нѣсколько лѣтъ).—Лишь въ нашемъ столѣтіи сношенія Европы съ Востокомъ приняли правильный и очень оригинальный характеръ: въ 1856 году на Парижскомъ конгрессѣ Турція принята великими державами „въ составъ европейскаго концерта", причемъ послѣднія заявили о распространеніи на нее нормъ Международнаго Права (avantages du droit publis). Европа думала этимъ путемъ установить надъ нею коллективный надзоръ, ослабить вліяніе на нее Россіи и продлить ея жалкіе дни. Но никакіе договоры не предотвратятъ распаденія „Блистательной Порты". Только одно твердое и напередъ установленное, по справедливости и въ интересахъ всѣхъ, соглашеніе державъ въ состояніи ускорить наступленіе этого желаннаго момента при возможно благопріятныхъ и мирныхъ условіяхъ. Съ половины приблизительно нашего столѣтія вышли изъ своей тысячелѣтней замкнутости Китай и Японія. Послѣдняя особенно быстро стала воспринимать, хотя съ внѣшней стороны, начала европейской культуры. Тѣмъ не менѣе государства Европы въ сношеніяхъ своихъ съ народами Азіи должны бы неуклонно держаться двухъ основныхъ началъ: не смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и высокомѣрно; какъ на людей низшей расы, но соблюдать строго начала нравственности и справедливости. Кромѣ того, не втягивать ихъ никогда въ свои союзы и взаимныя распри. На раздорахъ европейскихъ кабинетовъ строятъ обыкновенно азіатскіе политиканы свою темную игру и оппозицію Европѣ. Особенно слѣдовало бы послѣдней позаботиться о томъ, чтобы не обучать азіатовъ своимъ военнымъ искусствамъ и техникѣ, не посылать къ нимъ собственныхъ инструкторовъ. Вообще хранить свои военныя силы и открытія въ тайнѣ и всѣмъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать дружно и за одно. Тогда европейскимъ народамъ не будутъ страшны никакія полчища Азіи, народы которой, очевидно, вступили уже въ періодъ дряхлости и въ будущемъ призваны, при сохраненіи внутренней независимости, стать подъ болѣе или менѣе строгій надзоръ Европы, что уже сдѣлалось по отношенію Бухары, Хивы, владѣтельныхъ князей Индіи, Индо-Китая и т. д.

3. Относительно, наконецъ, *варваровъ*, или дикихъ племенъ, которые либо достигли лишь низшей ступени государственности, либо ведутъ еще вполнѣ кочевую жизнь, должно замѣтить, что и на нихъ Международное Право призвано простирать охранительную силу своихъ нормъ. Но это выражается лишь въ признаніи за ними ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и въ уваженіи заключенныхъ съ ними сдѣ-

локъ и договоровъ. Нельзя не отмѣтить въ сношеніяхъ европейцевъ съ варварами значительнаго поворота къ лучшему въ нашемъ столѣтіи: предпринята энергическая борьба съ торговлею неграми и съ рабствомъ вообще, а въ эти послѣдніе годы европейскіе правительства признали своею обязанностью заботиться о матеріальномъ и духовномъ благосостояніи туземцевъ Африки во всѣхъ тѣхъ ея странахъ, гдѣ они утвердятъ свою власть или протекторатъ. Въ этихъ видахъ они высказываютъ желаніе покровительствовать духовнымъ, научнымъ и филантропическимъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ указанную цѣль, бороться вездѣ съ устарѣлымъ институтомъ рабства и прямо запрещаютъ даже въ большой части Африки подвозъ къ туземнымъ ея населеніямъ огнестрѣльнаго оружія и спиртныхъ напитковъ, а также торговлѣ ими (акты берлинской конференціи 1885 г. и особенно брюссельскій 1890 г.). Это постановленія прекрасны; только надо ихъ примѣнять во всей строгости, а сферу ихъ дѣйствія не ограничивать одною Африкой (или даже „договорнымъ бассейномъ Конго"), но распространить на всѣхъ варваровъ вообще.

VI. **Литература** по Международному Праву чрезвычайно богата: въ ней принимаютъ участіе выдающіеся писатели всѣхъ народовъ. Богатое содержаніе Международнаго Права излагается то въ многотомныхъ трактатахъ, то въ сжатыхъ учебникахъ для начинающихъ, то въ научныхъ словаряхъ. Новые вопросы, постоянно возникающіе въ этой области съ ходомъ самой жизни, разрабатываются въ безчисленныхъ монографіяхъ, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести современной науки и въ спеціальныхъ журналахъ.

Само собою разумѣется, мы можемъ указать здѣсь лишь на самыя главныя явленія.

Писателей по Международному Праву обыкновенно распредѣляютъ по ихъ *національности*, но вѣрнѣе группировать ихъ по *методу* и *научному направленію*. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть раздѣлены на четыре большія категоріи, смотря по тому: изслѣдуютъ ли они *исторію* международныхъ сношеній, или подвергаютъ достигнутые уже въ наукѣ результаты *критическому анализу*, или даютъ *юридическую конструкцію* всѣмъ ея положительнымъ элементамъ, или же стремятся, наконецъ, облечь свое изложеніе въ наиболѣе совершенную для каждаго права форму *кодификаціи*.

1. По *исторіи* международныхъ сношеній наиболѣе капитальнымъ трудомъ, несмотря на многочисленныя отступленія, является сочиненіе Лорана (Laurent. Etudes surl'histoire 18 vls, 1850—70). Глубокая мысль, богатыя указанія на литературу, блестящее изложеніе; останавливается на 1815 г.—Нѣсколько устарѣла, но хороша книга Мюллеръ-Іохмуса, посвященная древнимъ государствомъ (Müller-Iochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum 1848). Довольно полную картину международныхъ отношеній въ средніе вѣка даетъ *Нисъ* (*Nys*. Les origines du dr. intern. 1894 г.) Полной такой исторіи для новаго времени не существуетъ.

Въ русской литературѣ слѣдуетъ отмѣтить работы *Каченовскаго* (кн. II его курса 1886, исторія, доведена до реформаціи); *Иванова* (характеристика международныхъ отношеній и Международнаго Права въ историческомъ развитіи, 1874) и *бар. Таубе* (Исторія зарожденія современнаго М. П.—Средніе вѣка. Т. I, 1894 г.),

2. *Критическое направленіе* характеризуетъ особенно нѣмецкую науку и является тамъ одною изъ формъ *философскаго* метода. Главою писателей этой школы выступилъ Кальтенборнъ (*Kaltenborn*. Kritik des Völkerrechts, 1847). Хорошая оцѣнка писателей съ точки зрѣнія ихъ системы и основныхъ научныхъ положеній и блестящій очеркъ собственныхъ воззрѣній на эти капитальные пункты. Продолжателями его являются Бульмерингъ [Bulmerincq. Die Systematik des Völkerrechts 1858 и Praxis, Theorie und Codification des Völkerr. 1874] и Гейльборнъ [Heilborn System des Völkerr. aus dessen Grundbegriffen entviekelt, 1896, останавливается особенно на воззрѣніяхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ государственниковъ].

3. *Положительно научныя* обработки Международнаго Права отмѣчены въ наши дни, главнымъ образомъ, *юридическимъ методомъ*. Этотъ пріемъ сталъ господствующимъ съ появленія книги Гефтера (1-е нѣм. изд. 1844), хотя зачатки его можно прослѣдить гораздо ранѣе. Писатели этого направленія извлекаютъ матеріалы изъ трактатовъ, исторіи и другихъ проявленій ихъ въ дѣйствительной жизни и придаютъ имъ, сообразно съ ихъ природою и потребностями современнаго общества, юридическую норму и систему, тщательно выдѣляя ихъ отъ примѣси съ началами морали и политики. Изъ небольшихъ учебниковъ по дѣльности и ясности выдѣляются: въ нѣмецкой литературѣ—руководства Гарейса (*Gareis*). Institutionen des Völk. 1889; перев. на русскій языкъ Казанскимъ 1893) и Бульмеринга (Bulmerincq. Völkerreht 1884), а во французской Рено (Renault. Introduction à l'étude de dr. intern. 1879) и Лёсеръ (*Leseur*). Introduction á un cours de dr. intern. public. 1893). Но лучшею и наиболѣе обстоятельною обработкою дѣйствующаго Международнаго Права съ точки зрѣнія практики государствъ должно быть признано обширное руководство *Гольцендорфа*, изданное имъ въ сотрудничествѣ съ тринадцатью большей частью нѣмецкихъ интернаціоналистовъ (Holtzendorff. Handbuch des Völkerr. 4 Bde. 1885—89. Къ нему Указатель). Первый томъ посвященъ обширному введенію, гдѣ излагается (Гольцендорфомъ) исторія международныхъ сношеній до Вестфальскаго мира и Ривье) очеркъ литературы по Международному Праву (наиболѣе полный изъ существующихъ). Весьма обширны трактаты Кальво (Calvo Le dr. intern. théorique et pratique 4 édit., 5 vls 1887—88, (по богатству содержанія и практическому направленію безцѣнное пособіе для дипломатовъ, консуловъ, юристовъ) и Прадье-Фодере (*Pradier-Fodêrê*) Traité de dr. intern. public européen et americain. 6 большихъ томовъ, но еще не окончено; 1885—94. Изъ итальянскихъ сочиненій долженъ быть рекомендованъ прекрасный трудъ Фіоре (*Fiore*. Trattato di diritto inter-

nazionale publico 3 vol. 3 edit. 1887—91; есть французскій переводъ), а изъ англійскихъ Гооль (*Holl* A. Treatise of International Law 4 edit. 1895)— Много новыхъ курсовъ вышло за послѣднее время во Франціи и явилась книга Уестлека (перев. на франц.).

На русскомъ языкѣ существуютъ два хорошія сочиненія, обнимающія всю систему Международнаго Права: обстоятельный, переведенный на многіе иностранные языки курсъ *Мартенса*. (Современное М. П. цивилизованныхъ народовъ 2 т. Изд. 3. 1895—96) и Пособіе *Даневскаго* (Пособіе къ изученію исторіи и системы М. П. 1892).

4. *Опыты кодификаціи* сдѣланы доселѣ тремя первоклассными писателями, труды которыхъ должны быть отнесены вообще къ лучшимъ изложеніямъ Международнаго Права по глубинѣ и точности мысли, по ясности и красотѣ языка. Это кодексы Блюнчли (*Bluntschli* Modernes Völkerr. 3 Aufl 1878, есть русскій переводъ; Фильда (*Field*, International Code. 2 edit. 1876, есть франц. пер.) и Фіоре (*Fiore* Ordinamento Giuridico della Società degli Stati. 1890, есть также франц. пер.).

5. *Журналы*. Существуетъ три прекрасныхъ научныхъ журнала, которые ставятъ себѣ задачею теоретическую и практическую разработку вопросовъ Международнаго Права и возможно широкое распространеніе свѣдѣній о немъ въ средѣ образованнаго общества. При строгой научности помѣщаемыхъ въ нихъ статей, послѣднія отличаются живымъ интереснымъ содержаніемъ. Журналы эти суть: Revue de dr. internat. et de législation comparée (изд. Ed. Rolin въ Брюсселѣ; недавно вышелъ указатель къ нему за первое 25-лѣтіе 1869—94). Revue générale de dr. internat. public (изд. Pillet et Fauchille) и Revue de dr. public et de la science politique en France et à l'étranger (изд. Larnaude). Оба послѣднія изданія выходятъ въ Парижѣ съ начала 1894 г.

Догма.

Субъектъ Международнаго Права.

Опредѣленіе субъекта международнаго права. Господствующая теорія. Настоящій субъектъ.

Лицомъ или субъектомъ права называютъ существо, способное имѣть права, т. е. пріобрѣтать, реализировать и вступать, слѣдовательно, во всякаго рода обязательства. Кого считать субъектомъ права въ международной области? Долгое время между писателями по международному праву существовало по этому поводу большое разногласіе. По ученію Гефтера существуютъ три субъекта международнаго права: государства, государи и частныя лица; по ученію Блюнчли и Рено—два, но различные: первый признаетъ субъектами государства и системы государствъ (священный союзъ, пентархія и т. д.), второй—государства и частныя лица. Но въ послѣднее время большинство писателей придерживается теоріи, которая признаетъ международными лицами или субъектами международнаго права исключительно государства. Этой же теоріи въ прежнихъ своихъ трудахъ придерживался извѣстный итальянскій ученый Фіоре, но въ послѣднемъ своемъ сочиненіи субъектами права онъ признаетъ не только государства, но и церкви и отдѣльныхъ людей. Съ господствующей теоріей можно до извѣстной степени согласиться, если обратить вниманіе на то, что въ международной области нормы международнаго права высказываются *государствами* и ими же, такъ или иначе, защищаются.

Передадимъ сущность господствующей теоріи. Для послѣдователей ея представляетъ огромную важность вопросъ о государствѣ.

Большая часть интернаціоналистовъ (Гарейсъ, Фіоре) довольствуются при опредѣленіи государства слѣдующими четырьмя внѣшними признаками: 1) населеніе, 2) занимающее опредѣленную территорію, 3) и управляемое верховной властью, 4) на основаніи законовъ, соединяющихъ эти разрозненные элементы въ одно политическое и юридическое цѣлое.

Нѣкоторое писатели, напримѣръ, Блюнчли, полагаютъ достаточнымъ даже двухъ признаковъ—населенія и верховой власти, хотя бы

въ самой грубой формѣ. Но населеніе, не прикрѣпленное къ землѣ, хотя и управляемое верховной властью, будетъ орда, а не государство.

Для выясненія роли государства въ области международнаго права при опредѣленіи его недостаточно однихъ внѣшнихъ признаковъ; къ нимъ надо присоединить еще внутренніе признаки, а именно: государства 1) суть организмы, 2) суть личности.

Съ точки зрѣнія органической теоріи государства представляютъ собою не механическія скопленія людей, подчиненныхъ какимъ-либо внѣшнимъ законнымъ органамъ, а живыя тѣла, развивающіяся извнутри сообразно народному духу.

Еще важнѣе другой внутренній признакъ—государства суть личности. Личностью можетъ быть только организмъ, но не всякій организмъ можетъ быть личностью. Только такіе организмы суть личности, которые одарены волею и, слѣдовательно, индивидуальны. Въ этомъ смыслѣ и государства суть организмы—личности. Государство, какъ личность, отличается отъ лицъ физическихъ и юридическихъ; эти послѣднія входятъ въ государство—личность, какъ составные элементы, а потому по отношенію къ нимъ государство является личностью сложной. Регулированіе отношеній между государствами—личностями составляетъ задачу международнаго права.

Возвращаясь къ изложенію господствующей теоріи о субъектѣ международнаго права, нужно замѣтить, что она вполнѣ основательно указываетъ на то, что къ субъектамъ международнаго права не могутъ быть отнесены различныя общественныя группы, которыя то предшествуютъ образованію государства, то существуютъ одновременно съ нимъ и въ его границахъ, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. И если нѣкоторые писатели (Блюнчли, Фіоре) признаютъ эти общественныя группы субъектами международнаго права, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти группы пользуются покровительствомъ международнаго права.

Поэтому къ международнымъ лицамъ не должно относить тѣ различныя *общественныя группы* и *союзы*, которые то предшествуютъ образованію государствъ, то, хотя живутъ подъ ихъ сѣнію, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. Нельзя также съ этими лицами смѣшивать *международные органы* или лица и учрежденія, которыя являются представителями государствъ, высказывая ихъ волю.

Отсюда къ субъектамъ международнаго права не относятся:

1. *Дикія племена.* Не имѣя прочной осѣдлости, они ведутъ кочевой образъ жизни. У нихъ нѣтъ прочной территоріи и они въ цѣломъ не доросли еще до настоящей государственной организаціи. Но, какъ показываетъ опытъ, цивилизованныя государства вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ войну и т. д. Эти отношенія опредѣляются болѣе правилами нравственности, чѣмъ требованіями права; однако международное право въ силу своего общечеловѣческаго ха-

рактера, принимаетъ подъ свою охрану личныя и имущественныя права дикарей.

Послѣдніе—хозяева тѣхъ пространствъ земли, которыя они занимаютъ, и преступно лишать ихъ пастбищъ и урочищъ путемъ обмана или насилія. Договоры, съ ними заключенные, должны быть исполнены. Если представится нужда примѣнить къ нимъ репрессаліи, то онѣ при всей строгости, не должны быть безчеловѣчны.

2. *Политическія партіи* съ оружіемъ въ рукахъ стремящіяся къ отдѣленію отъ государства. Онѣ получаютъ иногда частичное признаніе и являются зачаткомъ новаго политическаго тѣла. Но пока борьба длится, онѣ не суть международныя лица, хотя и имѣютъ право на международную охрану, если сами уважаютъ начала этого права. Другими словами, ихъ нельзя считать просто разбойниками и къ нимъ примѣнимы начала не уголовнаго, а военнаго права. Это сказывается въ обращеніи, которымъ должны пользоваться ихъ плѣнные, раненые и больные. Частичное же признаніе выражается въ признаніи ихъ *воюющей стороною* *).

3. *Торговые союзы, общества и компаніи* въ дѣйствительности нерѣдко выступали въ международной области, какъ государства. Они преслѣдовали свои опредѣленныя цѣли, обладали войскомъ или флотомъ и вели войны, а равно вступали въ договоры съ иностранными правительствами. Такъ могло быть въ эпохи слабаго и недостаточнаго развитія государственной организаціи, но теперь эти союзы самостоятельнаго политическаго значенія не имѣютъ, а дѣйствуютъ всегда подъ контролемъ государства, на территоріи котораго они возникли, и которое дало имъ признаніе. Изъ исторіи извѣстны: союзъ германскихъ городовъ, получившій съ 1315 г. названіе Ганзы: Ость-Индская компанія, много содѣйствовавшая утвержденію англичанъ въ Индіи и упраздненная въ 1858 г.; Международная Африканская ассоціація, поставившая себѣ цѣлью съ 1876 г. изслѣдованіе экваторіальной Африки и превратившаяся въ 1885 г. въ независимое, нейтрализованное государство Конго.

4. *Христіанскія церкви* изъ всѣхъ союзовъ имѣютъ наиболѣе самостоятельную отъ государствъ жизнь и организацію. Особенно можно это сказать про католическую церковь съ независимымъ владыкою, папою во главѣ. Въ средніе вѣка она возвышалась надъ государствами и присвоила себѣ немало функцій послѣднихъ. Но и гораздо позднѣе папы въ качествѣ свѣтскихъ государей вступали съ монархами въ соглашенія, извѣстныя подъ именемъ *конкордатовъ*. Тѣмъ не менѣе однако *церковь есть субъектъ* международнаго права; ей по природѣ чужды политическія цѣли и она не располагаетъ матеріальною силой. Конкордаты, строго говоря, не относятся къ области международнаго

*) Такъ, напримѣръ, отдѣлившіеся отъ союза (въ 1861 г.) южные Штаты, были призваны воюющей стороною Англіей и Франціей.

права, а, какъ соглашенія sui generis, должны быть причислены частію къ государственнымъ законамъ, частію къ церковнымъ.

Спеціально папа съ 1870 г. пересталъ быть свѣтскимъ государемъ. Но по италіянскому закону „о гарантіяхъ“ 1871 г. ему оставлены: извѣстный кварталъ въ Римѣ и многія верховныя и почетныя правѣ государей (активное и пассивное посольское право, такъ-называемая внѣземельность и т. д.).

5. Италіянскіе публицисты Лоранъ и др. хотятъ основать въ наше время и международное право по идеѣ *національности*, а не государства. Для нихъ національности суть естественные и живые союзы людей, противополагаемые государствамъ, какъ формамъ искуственнымъ и насильственнымъ. Безспорно, начало національности играетъ большую роль въ современной жизни и политикѣ; оно содѣйствуетъ вѣрному пониманію самаго государства, какъ личности, но оно не можетъ имѣть значенія, приписываемаго ему италіянцами. Національности суть личности, но культурныя и историческія, а не политическія. Лишенныя политической организаціи и воли, онѣ не могутъ быть вслѣдствіе этого международными лицами. Но международное право, видя въ нихъ одинъ изъ основныхъ элементовъ государства, вообще охраняетъ ихъ право на индивидуальность и духовную самобытность. Въ извѣстныхъ случаяхъ, съ точки зрѣнія его началъ, представляется вполнѣ законнымъ оказаніе имъ помощи и даже содѣйствіе къ ихъ политическому освобожденію.

6. Относительно *государей* должно замѣтить, что развѣ въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ вся политическая жизнь народовъ сосредоточивается въ ихъ особѣ (по извѣстной формулѣ: l'Etat c'est moi), можно еще ихъ считать субъектами международнаго права, но въ сущности, съ международной стороны, государи суть не болѣе, какъ представители, верховные органы управляемыхъ ими государствъ. Поэтому послѣднія и должны считаться субъектами постоянными и живыми вопреки смѣнѣ ихъ правителей и династій.

7. Еще болѣе органами въ этомъ смыслѣ, а не лицами являются *дипломатическіе агенты*, отвѣтственные не только предъ своимъ отечествомъ, но и предъ назначившимъ ихъ правительствомъ. Они не столько высказываютъ международныя нормы, сколько примѣняютъ ихъ.

8. *Отдѣльный человѣкъ* также не можетъ быть признанъ субъектомъ международнаго права. Онъ прежде всего пользуется охраною того государства, чей онъ гражданинъ. Международная защита является къ ней дополненіемъ, а иногда замѣною. Впрочемъ, субъектомъ можно считать отдѣльнаго человѣка въ области частнаго муждународнаго права. Тутъ все болѣе сказывается: съ одной стороны—приравненіе иностранцемъ къ туземцамъ (въ гражданскомъ отношеніи), съ другой—стремленіе признать за человѣческой личностью, независимо отъ ея религіознаго, національнаго или сословнаго характера, повсюду извѣстную сумму правъ, вытекающихъ изъ самой ея природы. Такимъ обра-

зомъ мы приближаемся, хотя медленно, но неукоснительно къ тому идеалу всемірнаго гражданства, о которомъ училъ Кантъ.

Такова господствующая теорія, но мы на ней остановиться не можемъ.

Государства, дѣйствительно, высказываютъ и охраняютъ международныя нормы, но не они творятъ ихъ. Международное право есть продуктъ многовѣковой исторической жизни новѣйшаго человѣчества. Оно коренится въ общемъ *сознаніи* цивилизованныхъ народовъ и вырабатывается ихъ *совмѣстной жизнью*. Если бы государство творило его, оно превратилось бы въ внѣшнее государственное право (äusseres Staatsrecht; Droit public externe), какъ его и называютъ многіе ошибочно; но оно имѣетъ собственное, отъ государствъ независимое бытіе. Правительства, высказывая его нормы, то опережаютъ свое время, то обыкновенно отстаютъ отъ него, но нормы эти становятся международными лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ, соотвѣтствуя идеямъ и потребностямъ даннаго времени, были признаны остальными государствами. Поэтому мы и говоримъ, что въ международной области государства высказываютъ право не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ членовъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они входятъ и которое называется *международнымъ союзомъ*. Этотъ союзъ и является лицомъ, создающимъ общее для государствъ право. Въ наше время сюда относятся *государства Европы и Америки*, т. е. народы христіанской или европейской цивилизаціи, но по идеѣ и въ дали временъ онъ призванъ обнять *все человѣчество*. Вотъ настоящій и единственный субъектъ международнаго права. Но говоря о человѣчествѣ, мы разумѣемъ эту идею не въ отвлеченномъ смыслѣ философовъ, а въ въ конкретномъ и историческомъ и добавляемъ: *человѣчество, политически организованное въ государства*, таковъ субъектъ международнаго права; отдѣльныя же государства являются не болѣе, какъ его *носителями, выразителями*.

Лишь эта точка зрѣнія внутренне и принципіально отдѣляетъ международное право отъ государственнаго и возводитъ его на степень совершенно самостоятельной отрасли права. Подобно тому, какъ гражданское право своимъ субъектомъ имѣетъ человѣка, государственное—государство, каноническое—церковь, международное получаетъ особаго, ему свойственнаго, субъекта въ человѣчествѣ.

Изложенная нами теорія отличается отъ господствующей въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Она признаетъ въ принципіальномъ отношеніи особый субъектъ для международнаго права—человѣчество, а не отдѣльныя государства. 2) Она въ основаніи не согласна съ воззрѣніемъ на государства въ абсолютномъ смыслѣ, не согласна съ идеей всемогущества государства. 3) Она признаетъ носителями международной защиты и другія общественныя группы, помимо государствъ, такъ что международной охраной должны пользоваться въ предѣлахъ международнаго союза:

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Съ разрѣш. Проф. Графа Комаровскаго.
Лекціи по международному праву. Листъ 3-й.

церкви, различныя общественныя группы, союзы. Этимъ мы не хотимъ сказать, что эти союзы имѣютъ *въ международномъ отношеніи* равное съ государствами значеніе. Прежде всего для отдѣльнаго человѣка, какъ и для группъ, стоитъ государство, но помимо охраны государственной, для нихъ можетъ и должна быть еще охрана международная; въ области международной человѣкъ является субъектомъ права самъ по себѣ, а не только въ качествѣ гражданина того или другого государства.

Признаніе новыхъ государствъ.

СУЩЕСТВО ПРИЗНАНІЯ. ЕГО ВИДЫ И ФОРМЫ.

Международное право, изучая отношенія между государствами, должно прежде всего остановиться на *главныхъ моментахъ* ихъ существованія. Исторія показываетъ намъ, что государства, подобно всему живому, подлежатъ закону измѣненія и роста, они возникаютъ, подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ и прекращаются. Это ведетъ въ международной области къ ученіямъ: объ ихъ признаніи, правахъ и обязанностяхъ и объ ихъ прекращеніи (преемствѣ).

Вопросы, когда и какъ возникаютъ новыя государства, не относятся къ международному праву; на нихъ отвѣчаетъ либо право государственное, либо исторія.

Въ различныя историческія эпохи дѣйствіемъ различныхъ причинъ вызываются къ жизни новыя политическія тѣла, но въ предѣлахъ международнаго союза процессъ этотъ совершится однимъ изъ трехъ способовъ: 1) *посредствомъ отдѣленія* областей отъ цѣлаго, съ которымъ онѣ до того были связаны и 2) *посредствомъ сліянія* двухъ или нѣсколькихъ государствъ въ новыя политическія тѣла. Новая исторія представляетъ много любопытныхъ примѣровъ того и другого процесса: мы видимъ отдѣленіе въ 1776 г. Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, Южно-Американскихъ республикъ отъ Испаніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Бельгіи отъ Голландіи въ 30-хъ годахъ, государствъ на Балканскомъ полуостровѣ: Греціи, Румыніи, Сербіи и до нѣкоторой степени Болгаріи отъ Турціи, наконецъ, въ 1861 г. чуть не произошло распаденіе Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ на двѣ половины: Южную и Сѣверную. Съ другой стороны мы видимъ, какой результатъ сліянія государствъ, образованіе Итальянскаго корелевства и Германской имперіи. Третій путь образованія новыхъ государствъ, который не подходитъ подъ перечисленныя двѣ главныя категоріи, состоитъ въ томъ, что извѣстныя колоніи и земли, получившія политическую организацію, будутъ признаны мирно со стороны нѣкоторыхъ державъ или даже всего международнаго союза новыми самостоятельными государствами; это есть путь международной инвеституры, признаніе политической самостоятельности за землями, дотолѣ ея не имѣвшими. Таково при-

знаніе въ 1885 г. въ актѣ Берлинскаго конгресса государства Конго самостоятельнымъ со стороны всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Тутъ нѣтъ ни отдѣленія, ни сліянія, а есть признаніе, какъ бы созданіе новаго политическаго тѣла совокупностью другихъ государствъ. Эти различные способы возникновенія государствъ осуществляются то насильственнымъ путемъ, то мирнымъ путемъ договоровъ. Но какъ бы ни возникло государство, оно должно быть признано другими. Многіе отрицаютъ необходимость признанія; для государства, по ихъ мнѣнію, достаточно факта существованія. Главныя основанія своего существованія государство дѣйствительно черпаетъ въ себѣ самомъ, и разъ оно сложилось, то этотъ фактъ, казалось бы, не требовалъ никакого подтвержденія; но это разсужденіе было бы только въ томъ случаѣ вѣрнымъ, еслибы международный союзъ не составлялъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они не могутъ входить безъ согласія его прежнихъ членовъ, разсматривающихъ вопросъ о томъ, способно ли новое государство нести лежащія на немъ права и обязанности. Принципъ этотъ въ 1881 году на Лондонской конференціи формально получилъ признаніе со стороны правительствъ.

Другое заблужденіе относительно признанія состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ государствъ, признающихъ или не признающихъ новый политическій организмъ; такъ это бываетъ на практикѣ, гдѣ каждое государство даетъ признаніе вновь возникающему исключительно по своему усмотрѣнію, руководствуясь своими интересами, симпатіями къ вновь возникающему политическому тѣлу, антипатіями къ старому. Интересы и симпатіи отдѣльныхъ государствъ—вотъ пружины, дѣйствующія въ дѣлѣ признанія. Исторія показываетъ намъ, что всего неохотнѣе даютъ признаніе старыя государства, отъ которыхъ отдѣляются новыя; другія государства—тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе затрогиваются въ страдательномъ смыслѣ ихъ интересы. Чѣмъ государства болѣе прочны во внутреннемъ политическомъ устройствѣ, чѣмъ они развитѣе и чѣмъ болѣе держатся началъ либеральной политики, тѣмъ скорѣе они даютъ признаніе. И наоборотъ, чѣмъ болѣе они слабы и консервативны, тѣмъ неохотнѣе смотрятъ на возникновеніе въ средѣ своей новыхъ членовъ. Такимъ образомъ, признаніе новаго государства дается, обыкновенно, разновременно. Все это показываетъ, что до сихъ поръ практика управляется нетвердыми принципами права, а эластичными соображеніями политики, что до сихъ поръ нѣтъ юридически выработанной теоріи признанія. Эта теорія предполагаетъ два условія: 1) чтобы признаніе давалось по принципамъ, для всѣхъ яснымъ; 2) чтобы оно исходило не отъ отдѣльныхъ государствъ, а отъ всего международнаго союза. Вотъ въ чемъ юридическая теорія признанія должна отличаться отъ настоящей практики. Итакъ, что же такое признаніе? *Подъ признаніемъ слѣдуетъ разумѣть принятіе международнымъ союзомъ въ свою сферу новаго государства на правахъ взаимности и равенства.*

Чрезвычайная трудность примѣненія на практикѣ юридической теоріи признанія заключается въ томъ, что тутъ сталкиваются противоположные и неудобопримиримые интересы троякаго рода: 1) того государства, которое зарождается и требуетъ признанія; 2) интересы того государства, отъ котораго отдѣляется новое; 3) интересы всѣхъ постороннихъ въ этой борьбѣ государствъ.

Вотъ почему необходимо выработать относительно признанія опредѣленную юридическую теорію, которая будетъ служить компасомъ среди этихъ опасныхъ на практикѣ мелей и скалъ.

Отмѣтимъ прежде всего *отрицательные признаки признанія.*

1) Въ немъ нельзя видѣть ни основанія, ни санкціи суверенитета признаваемаго государства. Каждое государство независимо само по себѣ, и каждый народъ, какъ таковой, черпаетъ въ себѣ самомъ право на независимое духовное и политическое бытіе.

2) Въ признаніи не заключается никакого сужденія о *правомѣрности* возникновенія новаго политическаго тѣла. Постороннія государства не судьи въ этомъ дѣлѣ. Исторія учитъ насъ, что государства возникали обыкновенно путемъ революцій и войнъ *). Поэтому къ переворотамъ такого рода начала легитимизма не примѣнимы. Иное быть можетъ въ будущемъ, когда сложится международная организація и принципъ народовластія получитъ серіозное признаніе на практикѣ.

3) Актъ признанія не гарантируетъ *прочности* признаваемаго государства, еще менѣе обозначаетъ онъ заключеніе съ ними *союза*. На практикѣ, конечно, встрѣчаются уклоненія отъ этого правила. Когда Турція была допущена на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. въ составъ „Европейскаго концерта", ей гарантирована цѣлость и неприкосновенность. Но международному праву чуждо такое смѣшеніе признанія съ гарантіею.

4) Международный союзъ долженъ избѣгать двухъ крайностей: 1) слишкомъ поспѣшнаго признанія новаго государства; въ этомъ можетъ заключаться причина вражды къ старому государству, которое можетъ увидѣть въ такомъ признаніи casus belli. Не надо, напримѣръ, чтобы оно было даваемо во время продолжающейся войны за освобожденіе. Тутъ можетъ быть рѣчь только о признаніи косвенномъ. Такъ, Англія увидѣла casus belli, когда французы въ концѣ прошлаго вѣка поспѣшили не только признать Соед. Штаты, но и заключить союзъ съ ними. Греція была признана въ 1827 г. Россіей, Франціей и Англіей, когда Турція не думала отъ нея отказываться. Далѣе, Англія въ 1860 году поспѣшила признать королевство Игальянское, когда неаполитанскій король еще не думалъ отрекаться и жилъ въ Гаэтѣ. 2) Другая крайность заключается въ позднемъ признаніи, въ которомъ высказывается враждебность къ новому политическому тѣлу.

*) Любопытные примѣры вполнѣ мирнаго и правомѣрнаго возникновенія государствъ въ новѣйшее время представляютъ республика Либерія, основанная въ 1821 г. и получившая независимость въ 1847 г., а равно государство Конго, признанное въ 1884—85 г.

Съ положительной же стороны признаніе придаетъ возникающему государству, какъ замѣчено, характеръ болѣе или менѣе сложившейся международной личности, съ которою считаются возможными правильныя международныя сношенія. Давая признаніе, государства должны равно тщательно избѣгать обѣихъ крайностей: слишкомъ поспѣшнаго и слишкомъ поздняго признанія. Въ первомъ лежитъ враждебность по отношенію къ старому государству, отъ котораго новое стремится отдѣлиться *); во второмъ можетъ заключаться нерасположеніе къ новому и неуваженіе къ интересамъ собственныхъ гражданъ, настоятельно требующихъ иной разъ признанія. Чтобы избѣжать по возможности этихъ крайностей, государствамъ слѣдуетъ давать признаніе при существованіи двухъ слѣдующихъ основныхъ условій: 1) когда новое государство дѣйствительно сложилось, т. е. успѣло фактически отвоевать себѣ независимость, установить извѣстное правительство и явиться для постороннихъ, безпристрастныхъ наблюдателей жизнеспособнымъ. 2) Когда оно ясно высказало свое намѣреніе соблюдать существующія нормы международнаго права и лежащія на немъ права и обязанности **).

Но когда считать новое политическое тѣло родившимся?

Практика показываетъ, что старое государство, отъ котораго отдѣлилось новое и которое еще продолжаетъ утверждать о своемъ нарушенномъ правѣ, долго упорствуетъ и не признаетъ новаго государства самостоятельнымъ тѣломъ. Какихъ держаться тутъ правилъ?

Юристы для рѣшенія этого вопроса предлагаютъ обращать вниманіе на обстоятельства, среди которыхъ слагается новое государство и, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы государство было признано, не требуется признанія со стороны стараго государства. Напротивъ, признаніе другихъ государствъ можетъ побудить и старое. Достаточно одной борьбы за независимость и достаточно факта отвоеванія новымъ государствомъ права на независимость.

Второй важный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы признаніе исходило отъ международнаго органа. Пока такого органа на существуетъ. Поэтому отдѣльные члены должны давать признаніе хотя бы на основаніи указанныхъ чисто юридическихъ признаковъ. Но большой шагъ впередъ будетъ сдѣланъ при установленіи международнаго органа, преслѣдующаго данную цѣль. Здѣсь Фіоре высказываетъ такое положеніе: „признаніе новаго государства конференціей или конгрессомъ должно считаться обязательнымъ для всѣхъ государствъ, хотя бы въ

---

*) Далеко не всѣ попытки этого рода вѣнчаются успѣхомъ: кромѣ двукратнаго возстанія Польши въ 1830—32 и 1863 гг. вспомнимъ, что Соединенные Штаты колебались относительно признанія Венгріи въ 1848—49 г. и Кубы въ 1869 г. Въ послѣднемъ случаѣ въ пользу признанія высказалась палата представителей, но оно было отклонено сенатомъ и президентомъ.

**) Эти условія признанія обстоятельно излагаются въ депешахъ англійскаго правительства приводимыхъ у Блюнчли.

этомъ признаніи заключалось какъ бы нѣкоторое поощреніе возставшей, отдѣлившейся части государства".

Однако, на практикѣ всѣ эти теоретическія положенія являются далеко не осуществимыми. Такъ мы стоимъ передъ вопросомъ о признаніи правительства въ Болгаріи. Дѣло въ томъ, что по берлинскому трактату 1878-го года Болгарія была признана внутри независимой, но по статьѣ 3-й того же трактата она должна управляться княземъ, избраннымъ населеніемъ и утвержденнымъ, съ согласія великихъ державъ, Портой. Однако въ трактатѣ не сказано, что должно быть прежде: признаніе ли Порты или согласіе великихъ державъ. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Болгаріи княжитъ Фердинандъ Кобургскій, но ни державы, ни Порта не рѣшаются признать его княземъ. Причина понятна: признаніе со стороны одного государства можетъ вызвать протестъ и даже войну со стороны другого. Для избѣжанія такого порядка вещей, кажется намъ, необходимъ пересмотръ существующаго въ Болгаріи порядка на конференціи державъ, причемъ Болгаріи должно дать право самой устраивать свои внутреннія дѣла и управляться своимъ княземъ, избираемымъ болгарскимъ народомъ безъ вмѣшательства иностранныхъ государствъ; по отношенію же къ другимъ государствамъ Болгарія, подобно Греціи, должна быть признана независимой.

Смотря по *объектамъ* признанія мы различаемъ слѣдующія ихъ *виды*: признаніе новаго государства (прямое), о чемъ уже достаточно было говорено; признаніе части какого-либо государства, съ оружіемъ отстаивающей свободу—воюющей стороною (признаніе *косвенное*) и признаніе новой династіи или же новаго титула.

Здѣсь мы разсмотримъ такъ-называемое косвенное признаніе.

Вопросъ о немъ получилъ животрепещущій интересъ, когда Англія и Франція признали воюющей стороной Южные Штаты, отдѣлившіеся отъ Сѣвера въ 1861—65 гг. Это вызвало негодованіе Вашингтонскаго правительства, но юристы старались тогда доказать, что шагъ, сдѣланный обѣими западными державами, могъ быть оспариваемъ съ точки зрѣнія политики, но никакъ не права.

Теорія косвеннаго признанія покоится на вполнѣ вѣрной идеѣ, что не только войны международныя, но и междуусобныя относятся къ области международнаго права. Послѣднее, какъ увидимъ сейчасъ, выставляетъ нѣкоторые критеріи, дающіе возможность отличить ихъ отъ простыхъ мятежей и разбойническихъ походовъ. Признаніе, о которомъ мы теперь говоримъ, становится необходимымъ, коль скоро въ какомъ-либо государствѣ возстаніе обхватитъ болѣе или менѣе широкую область, такъ что какъ бы раздвоитъ старое государство. Хотя новое государство еще не возникло (вотъ въ чемъ главное отличіе отъ прямого признанія), война продолжается, но выступаютъ уже наружу составные элементы и условія каждаго политическаго тѣла. Международное право признано охранять эти элементы слагающагося новаго

государства подобно тому, какъ гражданское защищаетъ человѣка въ періодъ его утробной жизни.

Отдѣлившаяся отъ цѣлаго область можетъ быть признана воюющей стороною при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда она достигла извѣстной военной организаціи и успѣла установить правительство, хотя бы временное; б) когда она ведетъ войну изъ-за вопросовъ публичнаго права, дѣйствуя какъ бы, по замѣчанію Блюнчли, отъ имени государства, и в) сама соблюдаетъ законы и обычаи войны. Эти черты достаточно ясно указываютъ на различіе возстанцевъ отъ итальянскихъ напр. bri ganti, флибустьеровъ и т. п. шаекъ, которыя, хотя и имѣли нѣкоторую военную организацію, повиновались атаманамъ, но сражались не изъ-за политическихъ идей и дѣйствовали какъ настоящіе головорѣзы.

Послѣдствіями косвеннаго признанія являются: во-первыхъ, обязанность для государствъ, его дающихъ, соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ. Союзъ съ возстанцами или оказаніе имъ помощи есть актъ самостоятельный, о правомѣрности котораго мы говоримъ ниже, въ главѣ объ обязанностяхъ государствъ; во вторыхъ, сторона, признанная воюющею, становится подъ охрану международнаго права, т. е. получаетъ право совершать всѣ дѣйствія воюющаго государства.

Противъ этой теоріи можно возражать съ точки зрѣнія государственнаго права и порядка, видя въ ней какъ бы поощреніе возставшимъ. Но спокойное ея разсмотрѣніе должно привести насъ къ противоположному выводу. Слѣдуетъ помнить, что возстаніе съ указанными признаками никогда не происходитъ безъ вины самого стараго государства. Просвѣщенная политика его правителей должна всегда умѣть предупреждать подобные перевороты. Для возстанцевъ же старое государственное право рушилось, новое же не успѣло еще сложиться, и они поставлены на *перепутьи между безправіемъ* и защитою, даваемою *международнымъ правомъ*. Примѣненіе къ нимъ нормъ государственнаго или еще болѣе уголовнаго права слишкомъ узко, формально и не соотвѣтствуетъ обыкновенно реальной правдѣ событій. Въ интересахъ всѣхъ сторонъ нормы международнаго права являются тутъ наиболѣе справедливыми и человѣчными, скорѣе всего содѣйствуя возстановленію и укрѣпленію мира.

Со стороны *формы* признанія бываютъ *оффиціальныя* и *фактическія*. Первыя состоятъ въ какомъ-либо торжественномъ *заявленіи* со стороны признающаго государства (въ декларацiи, дипломатической нотѣ объ этомъ) или прямо въ дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ о признаніи: открытіе дипломатическихъ сношеній со вновь возникшимъ государствомъ; заключеніе съ нимъ торговыхъ конвенцій и т. п. Это оффиціальное признаніе дается просто безъ оговорокъ *(безусловное)*, или же оно бываетъ *условнымъ*, что мы видимъ, наприм. въ актѣ Берлинскаго конгресса (1878 г.), гдѣ признаніе великими державами независимости Сербіи, Румыніи и Черногоріи обусловлено принятіемъ ими принципа

религіозной и политической равноправности между всѣми ихъ гражданами. Эта оговорка понятна въ соглашеніяхъ съ народами полуобразованными и не нашей цивилизаціи, но съ точки зрѣнія теоріи условное признаніе должно быть отвергнуто.

Фактическое признаніе состоитъ въ томъ, что государство, не предрѣшая вопроса о формальномъ признаніи новаго, въ силу практическихъ соображеній завязываетъ съ нимъ нѣкоторыя сношенія (напримѣръ, торговыя).

По существующей *практикѣ*, въ виду отсутствія международной организаціи, каждое государство отдѣльно и по своему судитъ о времени и цѣлесообразности признанія новаго государства. При этомъ оно руководствуется своими интересами и симпатіями. Нельзя не видѣть въ этомъ самую слабую сторону всего вопроса о признаніи. Если послѣднее обозначаетъ принятіе новаго члена въ семью народовъ или въ международный союзъ, то очевидно, обсужденіе и рѣшеніе этого вопроса должно быть общее, коллективное. Оно должно совершаться по твердымъ *принципамъ права* [международнаго], а не по эластичнымъ политическимъ соображеніямъ того или иного правительства. Иногда въ послѣднее время новыя государства получали признаніе на конгрессахъ и конференціяхъ, и эта форма должна быть признана самой торжественною, но и она имѣетъ значеніе при существующихъ порядкахъ лишь для государствъ, принявшихъ въ нихъ участіе, а не для третьихъ сторонъ.

Основныя права государствъ.

ИХЪ КЛАССИФИКАЦІЯ.

Государства, подобно человѣческой личности, владѣютъ извѣстными правами, которыя либо вытекаютъ изъ самой ихъ природы, либо признаются и установляются ими въ отдѣльныхъ соглашеніяхъ. Отсюда двѣ главныя категоріи этихъ правъ: основныхъ и договорныхъ *).

Первыя такъ называются потому, что будучи выраженіемъ самой природы государствъ, они лежатъ въ основѣ всѣхъ взаимныхъ между ними сношеній. Ихъ называютъ также общими въ томъ смыслѣ, что по идеѣ они въ равной степени общи всѣмъ государствамъ, независимо отъ ихъ политическихъ или историческихъ особенностей. Эти права (вытекая изъ самой природы государства) не нуждаются ни въ какомъ постороннемъ признаніи; они по общему правилу неотчуждаемы и нарушенія ихъ относятся къ самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, составляя

*) Прежніе писатели, а между новѣйшими Пradье-Фодэре, называютъ эти права *абсолютными* и *относительными* (ипотечными). Но эту терминологію нельзя признать вѣрною: государство по самому своему существу не абсолютно. Оно, какъ показываетъ намъ исторія, ограничено въ пространствѣ и во времени: по теоріи же, вытекая изъ условій земной природы человѣка, оно не абсолютно и въ идеѣ. Поэтому никакія абсолютныя права ему и не принадлежатъ; развѣ только ихъ можно назвать, по сравненію съ другими правами, верховными.

въ большинствѣ случаевъ casus belli. При столкновеніи ихъ съ правами договорными они должны брать верхъ. Наконецъ, они обыкновенно не формулируются, а всегда предполагаются.

Въ дѣйствительной жизни, вслѣдствіе политическихъ потребностей, государства находятъ себя иногда вынужденными согласиться на ограниченіе или видоизмѣненіе этихъ правъ, но подобныя стѣсненія должны быть всегда на практикѣ толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ.

Въ настоящей главѣ мы должны говорить лишь объ общихъ правахъ; что касается до договорныхъ, то они установляются, какъ сказано, чаще всего трактатами, но также и обычаями, историческими прецедентами и т. п. Ученіе о нихъ есть въ сущности все международное право въ его отдѣльныхъ институтахъ.

Писатели различно классифицируютъ эти основныя права. Возникающія отсюда противорѣчія происходятъ оттого, что, при перечисленіи названныхъ правъ, они не отправляются отъ какого-либо опредѣленнаго, юридическаго принципа и часто смѣшиваютъ точку зрѣнія государственную съ международною. Новѣйшіе интернаціоналисты (Гольцендорфъ, Гарейсъ) къ основнымъ правамъ государствъ относятъ: 1) право самосохраненія; 2) независимости; 3) право на международныя сношенія, и 4) на уваженіе.

Но намъ кажется, что эту классификацію можно упростить, сведя все дѣленіе правъ къ двумъ группамъ: именно, если обратить вниманіе на природу государствъ и ихъ взаимныя отношенія, то мы увидимъ, что, какъ отдѣльный человѣкъ требуетъ свободы, такъ и государство должно пользоваться свободой въ своей внутренней и внѣшней жизни. Это и есть *суверенитетъ* или верховенство—первое и коренное право государствъ. Но полнота бытія государствъ требуетъ, чтобы они не изолировали себя, а вступили бы въ общеніе съ другими, подобными же имъ, политическими тѣлами. Отсюда второе право на общеніе. Нѣкоторые противъ этого дуализма правъ государства дѣлаютъ возраженіе, говоря, что всякая наука должна имѣть въ своемъ основаніи одинъ верховный принципъ, а не нѣсколько (Бульмерингъ). Намъ однако кажется, что это возраженіе болѣе поражаетъ своею логической стройностью, чѣмъ касается сущности дѣла. Двойственность принциповъ здѣсь только кажущаяся, потому что оба эти принципа соотвѣтствуютъ двумъ сторонамъ жизни одного и того же лица—государства, а именно: внутренней сторонѣ, внутренней независимости государства соотвѣтствуетъ право суверенитета; внѣшней же сторонѣ, выражающейся въ сношеніяхъ съ другими государствами, соотвѣтствуетъ право общенія. Оба эти принципа вытекаютъ изъ природы государства, въ единствѣ котораго и лежитъ единство международнаго права. И какъ безъ принципа суверенитета государство обратилось бы въ тѣло безъ силы или стало бы членомъ федераціи, что бываетъ, но что не необходимо, такъ безъ принципа общенія международное право утратило бы свою реальность и самостоятельность.

Разсмотрѣвъ общія права государства въ ихъ совокупности, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію въ частности права суверенитета.

А. Право суверенитета.

Понятіе.—Права, вытекающія изъ суверенитета *съ государственной* стороны.—Права, основанныя на его *международной* сторонѣ: а) *Право на сохраненіе*. Вопросъ о разоруженіи европейскихъ государствъ. б) *Право на развитіе* Системы протекціонизма и свободной торговли въ международной области. в) *Право на равенство*.

Подъ суверенитетомъ слѣдуетъ разумѣть юридическій принципъ самостоятельности и независимости государствъ, какъ въ ихъ внутренней, такъ и внѣшней жизни.

По идеѣ каждое государство суверенно, ибо въ существѣ его лежитъ требованіе—быть верховнымъ союзомъ людей, населяющихъ извѣстную территорію. Но въ дѣйствительности, конечно, встрѣчаются многочисленныя уклоненія вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ: то мы видимъ государства зависимыя, суверенитетъ которыхъ является какъ бы умаленнымъ, зависящимъ отъ суверенитета другого верховнаго правительства (сюзерена), то государства бываютъ сложными, когда ихъ законы распредѣляютъ функціи суверенитета между центральнымъ, высшимъ правительствомъ и различными мѣстными правительствами ихъ членовъ. Перваго рода явленія характеризуютъ процессы возникновенія или распаденія политическихъ тѣлъ и по существу ненормальны и преходящи. Напротивъ, примѣры второго рода свидѣтельствуютъ о сложности, а иногда и о высшемъ развитіи политической жизни народовъ.

Въ международномъ правѣ суверенитетъ, какъ основный принципъ въ жизни государствъ, получилъ ранѣе всего признаніе и обработку. Долго даже на немъ строили всю систему нашей науки. До сихъ поръ писатели, которые отказались отъ этого крайне односторонняго воззрѣнія и присоединяютъ къ суверенитету еще начало общенія, въ сущности отдаютъ постоянно перевѣсъ первому надъ послѣднимъ, что навѣрно и происходитъ отъ устарѣвшаго нынѣ пониманія самаго суверенитета. Дѣло въ томъ, что принципъ этотъ, сообразно съ традиціями неограниченной монархіи, они все еще принимаютъ въ неограниченномъ, абсолютномъ смыслѣ *). Но тогда онъ перестаетъ быть принципомъ юридическимъ и ведетъ логически къ выводамъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ держатся новѣйшіе отрицатели международнаго права (Лассонъ и Цорнъ) **).

---

*) Даже, напримѣръ, Мартенсъ выражается такъ, „абсолютное въ смыслѣ государственнаго права начало суверенитета опредѣляется въ международномъ общеніи взаимными отношеніями между народами и ими ограничивается".

**) Первый сводитъ все международное право къ внѣшней политикѣ отдѣльныхъ государствъ; второй заявляетъ, будто суверенитетъ и международное право суть два понятія, которыя другъ друга въ принципѣ исключаютъ.

Ограниченность суверенитета и въ государственномъ отношеніи вытекаетъ изъ относительнаго (а не абсолютнаго) характера самого государства, какъ мы говорили выше, и это положеніе наиболѣе подтверждается и разъясняется намъ именно въ международномъ правѣ, которое одно вполнѣ превращаетъ верховенство государствъ въ юридическое понятіе.

Не должно подъ суверенитетомъ разумѣть, читаемъ мы у Блюнчли, абсолютной независимости и свободы государствъ, ибо сами они существа не абсолютныя, а юридически ограниченныя личности. Абсолютизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, противорѣчитъ какъ юридической природѣ современнаго конституціоннаго государства, такъ и общему международному порядку. Противъ международнаго права ни одно государство не можетъ ссылаться на свой суверенитетъ, ибо основаніе этого права покоится не на произволѣ государствъ, а на самой природѣ человѣчества.

Существо современнаго правоваго государства, говоритъ Гольцендорфъ, требуетъ, чтобы его верховные правительственные органы въ отношеніи къ народу сами ограничивали себя нормами закона, а съ международной точки зрѣнія само собой понятно, что ни одинъ державный народъ не можетъ относиться къ существамъ ему подобнымъ, т. е. къ другимъ такимъ же народамъ, исключительно по своему усмотрѣнію и произволу. Вотъ почему мы говоримъ, что какъ въ фактическомъ, такъ и въ нравственномъ юридическомъ, отношеніяхъ въ самомъ понятіи суверенитета лежитъ уже моментъ его ограниченности, но въ смыслѣ самоограниченности. Только установить твердо эту исходную, принципіальную точку зрѣнія, можно понять природу современнаго правового государства, все ученіе о соединеніяхъ государствъ и необходимость завершенія ихъ существованія общею и высшею организаціей международною, съ кодексомъ и судомъ во главѣ.

На суверенитетъ нужно смотрѣть, сообразно съ природой государствъ, съ двухъ сторонъ: съ государственной и съ международной. Это ведетъ къ различной классификаціи вытекающихъ изъ него отдѣльныхъ правъ государствъ.

Въ первомъ отношеніи изъ суверенитета вытекаютъ:

1) Право каждаго государства избирать себѣ извѣстную политическую форму, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его историческому прошлому и его политическимъ и національнымъ потребностямъ въ данное время.

Каждое государство является само себѣ судьею. Ни одно государство поэтому не должно вмѣшиваться по этимъ кореннымъ вопросамъ въ дѣла другого. Это самое главное и наиболѣе священное для каждаго народа право жить политически такъ, какъ онъ понимаетъ свое политическое призваніе, свои политическіе идеалы и свое положеніе среди другихъ народовъ. Къ несчастію,—въ дѣйствительной жизни правительства очень часто понимаютъ это право совершенно

превратно, что ведетъ къ постояннымъ внѣшнимъ вмѣшательствамъ и интервенціямъ одного государства въ дѣла другого. Нечего говорить, что подобное вмѣшательство съ точки зрѣнія права совершенно несостоятельно. Имъ нарушаются основныя права государства. Какъ же однако смотрѣть съ точки зрѣнія международнаго права на множество политическихъ принциповъ и формъ, существующихъ въ жизни? Съ точки зрѣнія международныхъ принциповъ здѣсь можно выставить слѣдующія положенія: различныя политическія формы должны быть признаны равными, потому что всѣмъ имъ присущи извѣстныя прекрасныя стороны и извѣстные недостатки. Поэтому: съ одной стороны—необходима смѣна этихъ политическихъ формъ, а съ другой—ихъ хорошія и дурныя стороны могутъ проявляться очень разнообразно, смотря потому, на какую почву попадутъ эти формы. Въ силу этого тѣ политическія формы должны быть признаны наилучшими, которыя во-1 хъ, болѣе всего соотвѣтствуютъ желаніямъ и потребностямъ каждаго народа въ данную эпоху, а во-2-хъ, лучше всего обезпечиваютъ общій міръ. Это не значитъ, что въ чистой теоріи всѣ политическія формы представляютъ одну общую массу безъ различія.

Мы принимаемъ, что съ точки зрѣнія отвлеченной политической теоріи и съ точки зрѣнія международнаго права лучшей формой является та, которая предоставляетъ своимъ гражданамъ возможность высшей политической свободы и права активнаго участія въ судьбахъ своего отечества. Эти требованія болѣе всего соотвѣтствуютъ чистой идеѣ государства. Но нельзя забыть, что не всѣ народы могутъ ввести у себя сразу политическую форму, удовлетворяющую указаннымъ условіямъ. Во-первыхъ, не всѣ народы доросли до нея; во-вторыхъ, народы вводятъ у себя эту форму постепенно по мѣрѣ воспитанія; въ-третьихъ, достигается установленіе этой формы болѣе всего внутренними усиліями самого народа; она не можетъ быть имъ навязана искусственно. Вотъ почему мы осуждаемъ политическія интервенціи и не только съ точки зрѣнія международнаго права, но съ точки зрѣнія политики, которая съ близорукой точки зрѣнія утверждаетъ, что извѣстная политическая форма, принятая у одного народа, требуетъ поддержки и установленія ея у другихъ для того, чтобы достигнуть однообразія. Но это явилось бы политическимъ порабощеніемъ; вотъ почему съ точки зрѣнія международнаго права надо осудить, какъ попытку французской революціи навязать народамъ демократическое правленіе, такъ и провозглашеніе монархическими кабинетами Европы солидарности въ борьбѣ съ прогрессивнымъ движеніемъ послѣднихъ временъ.

2) Изъ принципа суверенитета вытекаетъ право государствъ на изданіе законовъ и внутреннее управленіе. Каждое государство издаетъ законы, обязательные для всѣхъ лицъ, живущихъ на его территоріи, какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Въ силу этого, никакое дѣйствіе иностранной власти не можетъ получить на чужой террито-

ріи силы безъ согласія правительства этой страны. Поэтому, каждая территорія представляетъ одно политическое и юридическое цѣлое, и всѣ вещи, на ней находящіяся (въ особенности недвижимыя), подчиняются ея законамъ независимо отъ того, кому онѣ принадлежатъ—подданнымъ или иностранцамъ. Иностранныя войска не могутъ безъ разрѣшенія вступать на чужую территорію, хотя бы послѣдняя служила убѣжищемъ извѣстнымъ преступнымъ лицамъ... Иногда пограничныя власти дозволяютъ другъ другу обоюдный обыскъ, но это должно быть предусмотрѣно соглашеніемъ.

Исключеніемъ изъ этого правила являются случаи, оправдываемые или общимъ международнымъ правомъ, или спеціальными соглашеніями, напр. экстерриторіальностью, даруемой иностраннымъ государямъ, посланникамъ, христіанскимъ консуламъ на востокѣ и пр. Въ силу внѣземельности, лица эти признаются пребывающими на своей территоріи и являются не подвластными законамъ той территоріи, гдѣ они пребываютъ. Затѣмъ исключеніе составляютъ и различныя международныя повинности, ограничивающія суверенитетъ въ силу обычая и договора.

3) Право вступать въ сношенія съ другими государствами и для этого назначать особыхъ представителей, которые являются выразителями воли назначившаго ихъ государства (посланниковъ, консуловъ и проч.). Это такъ-называемое jus repraesentationis.

4) Право вести войну и заключать миръ. Но справедливо говоря, съ точки зрѣнія международнаго права, государства должны согласиться ограничить это право ради общей пользы и добра, ради обезпеченія мира. Въ этомъ смыслѣ особенно ясно выражается Фіоре, который говоритъ, что миръ будетъ болѣе обезпеченъ, если государства согласятся ограничить это свое дѣйствительное верховное право—вести войну.

Таковы въ немногихъ словахъ права, вытекающія изъ суверенитета, разсматриваемаго съ точки зрѣнія каждаго отдѣльнаго государства. Они переносятся, само собою разумѣется, и въ международную область; но тутъ они расширяются и скрѣпляются новыми слѣдующими правами на *сохраненіе, развитіе* и *равенство*.

Б. Съ точки зрѣнія международной изъ суверенитета вытекаютъ права—на сохраненіе, на развитіе и на равенство.

а) *Право сохраненія* или безпрепятственнаго существованія есть право и коренное право для всего живущаго, а слѣдовательно и для государства. Оно лежитъ въ основаніи всѣхъ его основныхъ правъ. Собственно, внѣ международнаго союза это право является простымъ фактомъ, но на международной почвѣ оно получаетъ юридическое обоснованіе и охрану. Въ юридическомъ смыслѣ право сохраненія означаетъ право государства на неприкосновенность и цѣлость всѣхъ

составныхъ элементовъ его территоріи, населенія и политическаго строя, а равно и право на защиту отъ опасностей или уже наступивших, или только угрожающихъ ему. Для этого государства должны заботиться о поддержаніи и развитіи своихъ военныхъ силъ на сушѣ и на морѣ. Сюда относятся также мѣры къ поднятію военнаго образованія, устройство арсеналовъ, военныхъ крѣпостей, сооруженіе флота, морскихъ портовъ и т. д. Кромѣ того, могущество государства въ значительной степени можетъ быть подкрѣплено и даже расширено посредствомъ искуснаго заключенія союзовъ. Эти союзы по своей цѣли бываютъ либо охранительные, либо наступательные, либо тѣ и и другіе вмѣстѣ (оборонительно-наступательные). По всѣмъ этимъ вопросамъ государства независимы и могутъ руководиться своими интересами подъ условіемъ уваженія чужихъ правъ. Но поскольку законны въ военномъ дѣлѣ оборонительныя мѣры, постольку наступательныя, состоящія въ посягательствѣ на независимость другихъ народовъ, должны быть отвергнуты. Но гдѣ же провести границу между дѣйствіями оборонительными и наступательными? Конечно, въ теоріи невозможно установить какія-либо твердыя границы; тутъ дѣло практики, дѣло политики обсуждать мѣры правительствъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ; но безспорно, что государства могутъ предупреждать угрожающую имъ опасность и несомнѣнно, что предупрежденія лучшее пресѣченія зла, когда оно уже наступило. Здѣсь надо только дѣйствовать съ большой осмотрительностью, ибо злому умыслу здѣсь открываются двери настежь: наступленіе можетъ прикрыться маскою обороны. Во всякомъ случаѣ оборона должна быть понимаема въ юридическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ военномъ: нападаетъ не тотъ, который первый открываетъ военныя дѣйствія, а тотъ, кто первый вынудилъ принять эти мѣры, нарушивъ права того, кто прибѣгъ къ защитѣ. Вынужденныя дѣйствія—вотъ гдѣ граница между наступленіемъ и обороной. Напримѣръ, иногда бываетъ, что государство вдругъ среди мира начинаетъ вооружаться, стягивать свои войска къ границѣ; въ этихъ случаяхъ остальныя государства, встревоженныя этими мѣрами, имѣютъ право обратиться съ запросомъ къ этому государству, особенно, если эти мѣры выходятъ изъ границъ обыкновенныхъ мѣръ, принимаемыхъ среди глубокаго мира. Въ этихъ случаяхъ отвѣтъ на этотъ запросъ долженъ быть данъ прямой и честный, иначе угрожаемыя государства въ правѣ отвѣчать тѣмъ же самымъ, а отсюда легко могутъ возникнуть натянутость отношеній и даже вспыхнуть война. При спорахъ по поводу отзыванія войскъ или уменьшенія ихъ числа, первымъ должно приступить къ тому государству, которое первымъ начало стягивать войска; здѣсь можетъ быть употребленъ и другой способъ разрѣшенія споровъ: правительства могутъ приступить одновременно въ опредѣленный ими срокъ къ отозванію войскъ отъ границъ; въ настоящее время сдѣлать это чрезвычайно легко при существованіи желѣзныхъ дорогъ.

Здѣсь представляется еще другой важный вопросъ: существуетъ ли для государствъ такъ-называемое право или состояніе крайней необходимости, могущей оправдать нарушеніе правъ другого—jus necessitatis. Еще римляне говорили, что salus populi — suprema lex. Хотя съ одной стороны не слѣдуетъ забывать, что подъ предлогомъ охраненія безопасности государства совершали величайшія насилія и несправедливости, однако, съ другой стороны нельзя не допустить, что такое состояніе крайней необходимости можетъ наступать. Во всякомъ случаѣ здѣсь должно имѣть въ виду, что состояніе крайней необходимости можетъ считаться оправданнымъ лишь тогда, когда опасность дѣйствительно наступила и что всетаки оно ведетъ къ обязанности вознаградить того, чье право было нарушено. Но нельзя оправдать необходимостью занятіе нейтральной стороны въ видахъ болѣе успѣшныхъ дѣйствій противъ противника или насильственнаго прохода чрезъ ея территорію съ цѣлью напасть на врага. Такимъ нарушеніемъ права было бы, въ случаѣ войны, занятіе Бельгіи или Швейцаріи со стороны Германіи или Франціи, даже, если бы первыя и согласились на такое занятіе; нейтральныя государства не могутъ вступать въ этомъ отношеніи ни въ какое соглашеніе съ другими правительствами; они не могутъ располагать своей территоріею, потому что они нейтральны, во имя блага всѣхъ государствъ. Такимъ образомъ, занятіе этихъ странъ воюющими противниками было бы нарушеніемъ: 1) суверенитета данныхъ земель и 2) общаго положенія международнаго права.

Въ исторіи мы видимъ нерѣдко примѣры ограниченія посредствомъ трактатовъ верховенства государствъ. Трактаты эти бываютъ результатомъ несчастныхъ войнъ и по природѣ преходящи, потому что они унизительны для народовъ, задѣваютъ ихъ въ самыхъ священныхъ правахъ и могутъ считаться какъ бы первымъ шагомъ къ ихъ порабощенію. Таковы ограниченія численности войскъ, срытіе старыхъ крѣпостей и запрещеніе сооруженія новыхъ. Особенно богатъ такими ограничительными условіями берлинскій трактатъ 1878 г. Иногда подобныя ограниченія дѣлаются отъ имени международнаго союза въ виду общаго блага; тогда эти ограниченія, особенно среди мира, не могутъ считаться унизительными ни для кого. Напримѣръ, по лондонскому трактату 1867 г. положено было срыть крѣпости Люксенбурга, что едва не вызвало войны между Франціей и Пруссіей. Подобныя ограничительныя условія желательны относительно всѣхъ міровыхъ дорогъ (Босфоръ и Суэцкій каналъ).

В. Право на развитіе.

Второе основное право государствъ, также вытекающее изъ ихъ суверенитета, есть право на развитіе. Въ сущности оно неразрывно связано съ правомъ на самосохраненіе, коренясь въ природѣ личности.

Для личности существовать, жить—значитъ развиваться, совершенствоваться, т. е. раскрывать тѣ особенности, которыя заложены въ нее самой природою. Государства, будучи личностями, имѣютъ опредѣленную физіономію, могутъ развиваться, совершенствоваться, т. е. проявляютъ всѣ духовные элементы своего существа.

Переходя на почву болѣе конкретную, почву права, мы скажемъ, что подъ правомъ на развитіе должно разумѣть право государствъ на преуспѣяніе въ области политической и экономической. Подробное разсмотрѣніе этого ученія относится къ области политики; право же призвано только указать на его границы и предѣлы осуществленія.

Относительно развитія государствъ въ политической области слѣдуетъ замѣтить, что каждое изъ нихъ имѣетъ право на совершеніе тѣхъ реформъ въ своей политической жизни, которыя оно признаетъ необходимыми: такъ они имѣютъ право измѣнять свою политическую форму, соединяться съ другими, сродственными имъ народами, отдѣляться и т. д. Установляемая иногда зависимость одного правительства отъ другого, даже опека, представляютъ не болѣе, какъ уклоненіе отъ суверенитета и строгихъ началъ международнаго права—уклоненіе, могущее найти себѣ объясненіе въ историческихъ условіяхъ того или иного государства.

Такою же свободой пользуются государства и въ сферѣ экономической. Здѣсь на нихъ падаетъ забота о развитіи торговли, отъ открытіи для нея новыхъ путей и рынковъ, о заведеніи колоній, устройствѣ эмиграцій, о расширеніи и содержаніи въ исправности путей сообщенія и портовъ и допущеніи судоходства по рѣкамъ; сюда же относятся рѣшенія вопросовъ объ учрежденіи порто-франко и всѣхъ прочихъ сложныхъ вопросовъ таможенной политики.

Къ сожалѣнію, государства узко понимаютъ свои экономическіе интересы: въ своей хозяйственной политикѣ они придерживаются системы протекціонизма; многіе отождествляютъ даже эту систему съ патріотизмомъ. Система эта смѣнила предшествовавшую ей систему свободной торговли. Эта послѣдняя господствовала въ западной Европѣ въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія и вела къ заключенію между государствами коммерческихъ трактатовъ и договорныхъ тарифовъ, которыми и опредѣлялись и торговыя отношенія. Впрочемъ, Россія и Сѣв. Штаты были искони враждебны этой системѣ и держались протекціонизма, идеи котораго съ франкфуртскаго мира 1871 г. получили въ Европѣ снова очень большое распространеніе. Въ Германіи ихъ поборникомъ явился князь Бисмаркъ, а во Франціи—Тьеръ и его единомышленники. Понемногу примѣръ увлекъ и остальныя правительства, такъ что за традиціи свободной торговли, и то не всегда, послѣдовательно стоятъ еще пока Англія, Бельгія и Швейцарія.

Протекціонизмъ въ связи съ той цѣлью, которую онъ преслѣдуетъ, называется еще охранительной системою. Мы понимаемъ тѣ серіозные мотивы, которые заставляютъ правительства обратиться иной разъ къ

нему. Имѣются въ виду или фискальные интересы, или правительства думаютъ съ помощью его лучше всего охранить національную промышленность ихъ иностранной конкуренціи, обезпечивъ за ней внутренніе рынки. Однимъ изъ способовъ достиженія при протекціонизмѣ намѣченныхъ цѣлей являются, въ противоположность договорнымъ тарифамъ при системѣ свободной торговли, тарифы независимые или автономные, издаваемые правительствами односторонне, подобно законодательнымъ актамъ. Эти тенденціи сами по себѣ серіозны и при извѣстныхъ условіяхъ справедливы; но должно помнить, что онѣ по существу своему временны и, доведенныя до крайности, несправедливы и опасны.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обѣихъ экономическихъ системъ, какъ съ національной, такъ и международной точекъ зрѣнія, мы должны отдать предпочтеніе системѣ свободной торговли, понимаемой въ національномъ и умѣренномъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія собственно національнаго благосостоянія не слѣдуетъ забывать, что фискальныя цѣли охранительной системы представляютъ не болѣе, какъ палліативъ при современныхъ чудовищныхъ размѣрахъ расходовъ на военное дѣло; сколько бы не увеличивали таможенные доходы, сколько бы не измыслили новыхъ налоговъ, все это непроизводительно поглотитъ милитаризмъ, въ самыхъ корняхъ подкашивая народное благосостояніе. Съ какой преступной легкостью заключаются въ наши дни новые военные займы, предоставляя потомству разсчитываться за всѣ ошибки нашей близорукой и безумной политики. Съ уничтоженіемъ милитаризма ненужны были бы фискальные пошлины протекціонизма.

Вторая задача протекціонизма—охрана національнаго труда. Нельзя утверждать, будто послѣдній поддерживается главнымъ образомъ столь искусственной и внѣшней мѣрою, каковы высокія пошлины на иностранные товары. Окрѣпшая вполнѣ и развившаяся промышленность не должна бояться никакой конкурренціи. Но протекціонизмъ не въ состояніи, кромѣ того удовлетворить интересамъ различныхъ классовъ населенія и различныхъ областей одного и того же государства. Онъ питаетъ антагонизмъ какъ въ національной, такъ и въ международной жизни. Округа земледѣльческіе, въ избыткѣ производящіе хлѣбъ, нерѣдко нуждаются въ заграничныхъ рынкахъ; напротивъ, мѣстности фабричныя и промышленныя требуютъ высокихъ пошлинъ, чтобы безъ соперничества сбывать свои издѣлія въ странѣ. Напр., Сѣв. Штаты держатся чрезвычайно высокихъ ввозныхъ пошлинъ и въ то же время вынуждены отправлять огромныя количества хлѣба на европейскіе рынки. Интересы земледѣльческой Венгріи и промышленной Австріи діаметрально противоположны.

Наконецъ, охранительныя пошлины не могутъ абсолютно предохранить страну отъ наплыва иностранныхъ товаровъ; это дѣлается только тайными, обходными путями и ведетъ къ широкому развитію контрабандной торговли. Отсюда нескончаемыя пререканія съ сосѣдями.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Съ разрѣш. Проф. Графа Комаровскаго.
Лекціи по международному праву. Листъ 4-й.

Вслѣдствіе высокихъ пошлинъ потребители осуждаются или на проіобрѣтеніе худшихъ товаровъ, или на большія издержки сравнительно съ дѣйствительной стоимостью. Наконецъ, въ природѣ этихъ пошлинъ лежитъ требованіе ихъ постояннаго возвышенія. Національная промышленность, разъ къ нимъ привыкшая, будетъ все считать себя недостаточно огражденной и требовать отъ правительствъ—то увеличенія пошлинъ, то распространенія ихъ на новыя отрасли народнаго труда. Вопросъ представляется еще болѣе серіознымъ съ точки зрѣнія международной. Тутъ вполнѣ подтверждается вѣрность изрѣченія: summum jus—summa injuria. Дѣло въ томъ, что государство, которое только по собственному усмотрѣнію то повышаетъ, то понижаетъ свои тарифы, дѣйствуетъ, конечно, вполнѣ правомѣрно; но такія повышенія и пониженія тарифа могутъ задѣвать интересы другихъ государствъ, которыя, въ свою очередь, могутъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ тарифамъ, и вотъ начинается тарифная война между народами, война экономическая, глухая, не признанная, но тѣмъ не менѣе неумолимая при сохраненіи внѣшнихъ признаковъ мира. Въ состояніи такой борьбы находятся, напримѣръ, въ настоящее время Россія и Германія, Италія и Франція.

Намъ говорятъ въ утѣшеніе, будто эта экономическая борьба вполнѣ совмѣстима съ политическимъ миромъ, но это совершенно невѣрно. Если при тарифной войнѣ нѣтъ кровопролитныхъ сраженій, то они ежеминутно могутъ возникнуть изъ нея. Экономическая рознь въ сильной степени увеличиваетъ антагонизмъ между государствами. Справедливо называетъ одинъ талантливый публицистъ Швейцаріи—Дрозъ такое состояніе Европы экономической анархіей. Охарактеризовавъ его мѣткими чертами, онъ ставитъ на видъ противорѣчіе, сказывающееся въ политикѣ европейскихъ государствъ, которыя на берлинской конференціи 1885-го года торжественно провозгласили для экваторіальной Америки начала свободной торговли и судоходства, а между тѣмъ у себя дома всячески стараются провести экономическое разобщеніе и обособленіе. Поэтому онъ предлагаетъ, чтобы они, наконецъ, признали свою экономическую взаимную солидарность и въ видахъ добрыхъ между собою отношеній, а равно общаго мира, согласились облагать иностранные товары пошлиною, не превышающей 10% ихъ цѣны, за исключеніемъ тѣхъ только предметовъ, которые представляютъ фискальный интересъ, напр. спиртъ, табакъ и т. д. Затѣмъ желательно, чтобы были свободны отъ пошлинъ или облагались невысоко всѣ предметы первой необходимости для населенія, а также сырье для фабрикъ и разныхъ отраслей промышленности. При этомъ авторъ оговаривается, что идеаломъ экономическихъ сношеній народовъ надо признать свободу обмѣна, понимаемую, конечно, въ увѣренномъ и относительномъ смыслѣ. Народы должны дорости до нея постепенно и добровольно усвоить себѣ ея начала.

Дрозъ въ этой прекрасной статьѣ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ

и мечтаетъ объ установленіи между государствами (конечно Европы) экономической уніи, въ родѣ такихъ союзовъ по телеграфному и почтовому дѣлу. Не посягая на независимость отдѣльныхъ государствъ, осуществленіе этой идеи ввело бы съ общаго согласія въ экономическую политику нѣкоторыя общія правила; это обстоятельство, въ свою очередь, укрѣпило бы миръ экономическій и вмѣстѣ съ нимъ и политическій [1]).

Мы отступили нѣсколько отъ нашей задачи, но поступили такъ въ виду жгучести вопроса, разобраннаго нами. На первомъ планѣ тутъ должны работать юристы и экономисты; юристы не могутъ молчать тамъ, гдѣ дѣло касается общаго мира.

Государства, сказали мы выше, могутъ свободно развивать всѣ свои духовныя, политическія и экономическія силы. Пока дѣло идетъ объ ихъ внутреннемъ развитіи, никто не въ правѣ останавливать его или препятствовать ему, но писатели колеблются въ своихъ мнѣніяхъ, когда рѣчь заходитъ не объ ихъ внутреннемъ развитіи, а о расширеніи владѣній (о присоединеніи новыхъ территорій, колоній и т. д.). Могутъ ли государства, угрожаемыя ростомъ одного изъ нихъ, воспротивиться этому росту силою и, въ случаѣ крайности, первыми объявить ему войну? Въ виду таинственности и лживости политики, тутъ конечно, болѣе всего умѣстны мѣры предупрежденія и система искусно составленныхъ союзовъ. Возможность нападенія еще не составляетъ сама по себѣ юридическаго основанія для войны: война является законнымъ способомъ обороны только въ случаѣ нарушенія права.

Рѣшеніе этого вопроса можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) стремленіе къ всемірному могуществу съ чьей бы то ни было стороны составляетъ посягательство на свободу и независимость всѣхъ остальныхъ народовъ и даетъ имъ право обороны или войны противъ того, кто его проявляетъ; 2) энергично должно быть осуждено всякое незаконное расширеніе территорій, но нельзя не признать законность такихъ расширеній, которыя совершаются мирно, сообразно съ принципами международной справедливости и съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

c) Право на равенство.

Право на равенство есть 3-е право, вытекающее изъ суверенитета. Фактически государства чрезвычайно отличаются другъ отъ друга: они

1) Нельзя обойти молчаніемъ двухъ крупныхъ попытокъ, сдѣланныхъ государствами на нашихъ глазахъ въ дѣлѣ приближенія къ указанной уніи. Въ концѣ 1889 г. въ Вэльмюдтонѣ состоялся такъ-называемый панамериканскій конгрессъ. На этомъ конгрессѣ присутствовали представители отъ пятнадцати американскихъ республикъ; на конгрессѣ должна была быть установлена экономическая унія между этими государствами. Попытка эта не удалась, такъ какъ Соединенные Штаты добивались закрытія съ помощью высокихъ таможенныхъ пошлинъ всѣхъ рынковъ Новаго Свѣта для европейскихъ товаровъ, а это было выгодно однимъ только С. Штатамъ, и попытка не удалась. Болѣе успѣха стремленіе къ экономической уніи имѣло въ Европѣ: въ 1891 г. Германія, Австрія, Италія, Швейцарія и Бельгія заключили между собою торговые договоры съ значительными выгодами для подданныхъ.

не равны по величинѣ, могуществу, богатству, политическому строю и всему своему духовному развитію. Это является основаніемъ ихъ политическаго неравенства, которое, оказываясь на каждомъ шагу въ жизни, проявляется въ ихъ дѣеспособности. Но нельзя это неравенство возводить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, въ юридическій принципъ. Подобно тому, какъ люди при всемъ разнообразіи ихъ способностей и общественнаго положенія равны передъ закономъ, такъ и государства въ области международнаго права равны между собою въ качествѣ самостоятельныхъ духовныхъ единицъ, т. е. народовъ, въ нихъ живущихъ и черезъ нихъ дѣйствующихъ. Собственно, принципъ равенства между государствами— въ началѣ взаимности, которая управляетъ внѣшними сношеніями государствъ. Само собою разумѣется, что это начало примѣнимо лишь между народами европейской культуры: государства, только отчасти вошедшія въ международный союзъ, пользуются равенствомъ съ остальными его членами постольку, поскольку ихъ внутреннее развитіе дѣлаетъ возможнымъ эту взаимность. Въ силу начала взаимности и вытекающаго изъ него права на равенство, ни одно государство не можетъ требовать правъ или привиллегій, въ которыхъ оно отказываетъ другимъ. На этомъ основаніи каждое государство имѣетъ право наравнѣ съ другими принимать участіе въ общихъ дѣлахъ; каждому въ международномъ союзѣ слѣдуетъ предоставить только одинъ голосъ; причемъ должно отвергнуть принятую въ нѣкоторыхъ сложныхъ государствахъ систему усиленныхъ голосовъ или, наоборотъ, дробей и долей ихъ, смотря по могуществу ихъ членовъ. Далѣе, принципъ равенства требуетъ устраненія всякаго преобладанія одного члена международнаго союза надъ другимъ, и если на практикѣ установляется такое преобладаніе, то оно есть всегда результатъ конкретныхъ отношеній между сторонами, которое не подрываетъ общаго правила и, какъ исключеніе, должно быть трактуемо въ ограничительномъ смыслѣ. Поэтому, при установленіи международной организаціи требуется допускать въ составъ ея представителей всѣхъ государствъ съ разными голосами. Это не значитъ, что слабыя государства наравнѣ съ могущественными принимаютъ одинаковое активное участіе въ рѣшеніи международныхъ дѣлъ; дѣеспособность государствъ не равна, потому что не равны ихъ политическія силы; но при обсужденіи этихъ дѣлъ имъ долженъ быть данъ такой же голосъ, какъ и всѣмъ остальнымъ государствамъ. Фактически руководительство въ международныхъ дѣлахъ всегда принадлежало великимъ державамъ. До послѣдняго времени наиболѣе важныя политическія дѣла въ Европѣ рѣшалъ совѣтъ великихъ державъ, называвшійся по числу ихъ пентархіей; нынѣ совѣтъ этотъ обратился въ шестидержавіе, такъ какъ къ нему присоединилась Италія. Не смотря на то, что почти вся политическая и военная сила принадлежитъ этимъ шести державамъ (Россія, Германія, Англія, Франція, Австрія и Италія), онѣ не могутъ по своему произволу распоряжаться судьбами другихъ, слабѣйшихъ госу-

дарствъ иначе, какъ при слѣдующихъ условіяхъ: а) съ согласія самихъ слабѣйшихъ государствъ; и б) дѣйствуя строго въ предѣлахъ международнаго права. Большее равенство между великими державами и остальными существуетъ при обсужденіи вопросовъ соціальныхъ и культурныхъ. Тутъ нерѣдко устанавлялись между ними общія соглашенія и, какъ увидимъ ниже, даже союзы.

Фактическое наравенство государствъ установило между ними извѣстную іерархію. Въ силу обычаевъ, трактатовъ и подъ давленіемъ иной разъ обстоятельствъ, государства стали различаться какъ по своему политическому значенію, такъ и по носимому ихъ правителями титулу. Международная вѣжливость внесла въ эти различія множество оттѣнковъ и разнообразныхъ формъ, выражающихся въ сношеніяхъ и встрѣчахъ ихъ представителей.

Эти различія въ почетѣ играли громадную роль въ эпоху процвѣтанія въ Европѣ абсолютизма и господствовавшаго тогда при дворахъ этикета. Нерѣдко возникали между представителями различныхъ державъ оживленные споры о первенствѣ или предсѣданіи (droit de préséance). Все это сильно измѣнилось въ наше время, но еще и теперь государства дѣлятся на государства, пользующіяся *королевскими почестями* и не пользующіяся ими. Государствами съ королевскими почестями называются тѣ, представители которыхъ носятъ высшіе титулы, имѣютъ особые гербы и различныя церемоніальныя отличія, которыя имѣютъ право назначать дипломатическихъ агентовъ перваго класса, т. е. пословъ. Къ этимъ государствамъ относятся всѣ тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ императоры, короли и великіе (курфюрсты) герцоги Прежде сюда же причислялись папы, Германскій союзъ и великіе курфюрсты. Представители этихъ государствъ пользовались всегда высшимъ почетомъ и правомъ предсѣдательства. Впрочемъ, королевскими почестями, не смотря на ихъ названіе, никогда не пользовались однѣ только монархіи: онѣ всегда также принадлежали и могущественнымъ республикамъ. Такъ и въ наше время почести эти принадлежатъ Франціи, Соедин. Штатамъ и Швейцаріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что эти отличія по рангу не должны ослаблять высшаго юридическаго начала — равенства всѣхъ народовъ.

В. Право общенія.

Опредѣленіе.—Фазисы его историческаго развитія.—Разумныя основанія общенія.—Практическіе выводы.—Вопросъ о международной организаціи.

Вторымъ основнымъ правомъ государствъ въ международномъ союзѣ является *право общенія*. Подъ нимъ мы разумѣемъ юридическій принципъ сношеній между государствами, не случайныхъ сношеній и не временныхъ, а правильныхъ, покоящихся на началахъ равенства и взаимности и болѣе или менѣе организованныхъ. Если суверенитетъ

есть юридическій принципъ независимости государствъ, то общеніе обозначаетъ юридическій же принципъ ихъ взаимныхъ сношеній или солидарности. Послѣднее начало не отрицаетъ перваго, но въ качествѣ кореннаго и высшаго принципа всего международнаго права умѣряетъ его практическія проявленія и ставитъ его въ юридическія рамки. Не безъ основаній поэтому его называютъ иногда принципомъ объективнымъ, вытекающимъ изъ всего строя международной жизни, въ противоположность суверенитету—принципу субъективному, коренящемуся въ природѣ и волѣ отдѣльныхъ государствъ.

Слѣдуетъ строго отличать общеніе отъ сношеній вообще. Писатели позитивисты, упускающіе это изъ вида, говорятъ о существованіи права общенія во всѣ эпохи исторіи и у всѣхъ народовъ. Но это грубое заблужденіе; сношенія между народами дѣйствительно существовали, но эти сношенія далеко не были тѣмъ, что въ наше время понимается подъ международнымъ правомъ общенія. Внѣшнія сношенія народовъ XVII ст. отличались крайне субъективнымъ характеромъ; временныя и случайныя—они возникали и исчезали исключительно по волѣ сторонъ, которыя, кромѣ своихъ личныхъ выгодъ, ничего другого не признавали. Но главное, эти сношенія не вытекали изъ общаго правосознанія, а также изъ опредѣленныхъ общихъ имъ всѣмъ интересовъ; безъ этихъ же условій немыслимо правильное международное общеніе. Вотъ почему мы говоримъ, что сношенія между народами, существовавшія съ давнихъ поръ, не есть общеніе въ современномъ смыслѣ этого слова, а представляютъ собою лишь наиболѣе юную и несовершенную форму его.

Общеніе есть средній строго юридическій выводъ между двумя противоположными воззрѣніями, существовавшими до него у народовъ на ихъ взаимныя отношенія: между ихъ изолированностью съ одной стороны и стремленіемъ къ взаимному порабощенію съ другой. Принципъ общенія, уважая индивидуальныя особенности и независимость отдѣльныхъ народовъ, соединяетъ ихъ на равныхъ правахъ въ одно гармоническое цѣлое, скрѣпленное юридическими началами.

Въ наукѣ общеніе получило признаніе и обработку, сравнительно говоря, недавно, а именно не ранѣе 40-хъ годовъ нашего столѣтія и болѣе всего благодаря стараніямъ нѣмецкихъ юристовъ. До этого времени международное право строили исключительно на идеѣ суверенитета государствъ. Кальтенборнъ, указавъ на всю односторонность этого воззрѣнія на международное право, прибавилъ къ суверенитету, какъ субъективному началу, другое высшее—начало общенія, называемое имъ объективнымъ. Затѣмъ Р. Моль въ превосходной монографіи ставитъ разработку этого принципа главной задачею нашей науки, а Залѣнискій сдѣлалъ попытку выяснить его экономическую сторону и отношеніе къ суверенитету. Кромѣ того Бульмерингъ и Ѳ. Мартенсъ говорятъ о немъ также болѣе или менѣе обстоятельно. Новѣйшіе нѣмецкіе писатели разумѣютъ его подъ рубрикой „право государства на

сношенія", которое они также причисляютъ къ основнымъ правамъ. Не смотря на все это, принципъ общенія далеко не получилъ еще въ нашей наукѣ того преобладающаго значенія, которое ему должно принадлежать. Писатели какъ-будто все еще боятся отвести ему первенствующее въ принципіальномъ отношеніи мѣсто передъ суверенитетомъ и предоставляютъ его по старымъ привычкамъ послѣднему.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, принципъ общенія, его должно изучать съ трехъ различныхъ сторонъ: съ исторической, теоретической или философской и практической.

Фазисы историческаго развитія общенія. Историческое разсмотрѣніе общенія чрезвычайно важно и относится собственно къ исторіи международныхъ сношеній, но и мы не можемъ обойти его молчаніемъ: оно даетъ намъ возможность лучше понять этотъ принципъ. Исторія приводитъ насъ къ двумъ выводамъ: 1) общеніе не есть измышленіе теоріи, а есть продуктъ всей исторической жизни новѣйшаго человѣчества и 2) оно послѣдовательно прошло черезъ нѣсколько стадій развитія, прежде чѣмъ стало слагаться въ самостоятельный принципъ права и притомъ международнаго, какъ его центральная и верховная идея. Ранѣе всего общеніе зародилось между народами Европы въ области религіи. Еще въ средніе вѣка, въ періодъ феодализма, когда отсутствовала государственная власть въ современномъ значеніи, христіанская церковь явилась первымъ и сильнымъ элементомъ, связавшимъ народы Европы въ одно цѣлое. Не зная національныхъ или иныхъ земныхъ границъ, она неустанно проповѣдывала въ эти грубые вѣка разъединенія и вражды объ единствѣ и братствѣ людей. Папство сдѣлалось величавымъ внѣшнимъ выраженіемъ этой идеи единства. То же сказалось въ международныхъ церковныхъ собраніяхъ (соборахъ), въ введеніи каноническаго права, какъ особой цѣльной системы права, исходившаго отъ церкви и, наконецъ, въ крестовыхъ походахъ, которые впервые объединили лицъ разныхъ сословій и національностей въ одной, общей для всѣхъ, религіозной цѣли. Почти въ то же время торговля была второю связывающей силою. Не находя себѣ защиты отъ территоріальныхъ властей, подвергаясь, напротивъ, повсюду нападеніямъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, торговые люди должны были сами позаботиться о своей безопасности. Въ городахъ возникли ихъ союзы, которые скоро вышли за предѣлы тогдашнихъ политическихъ или, вѣрнѣе, феодальныхъ единицъ. Могущественнѣйшій изъ этихъ союзовъ Ганза былъ государствомъ своего рода съ федеративными формами, но существовали и многіе другіе подобные союзы. Всѣ они держались помимо всякой, правительственной власти, дѣйствіями торговыхъ сословій, самостоятельно вели войны, заключали договоры, такъ что жизнь ихъ весьма интересна и съ международной точки зрѣнія. Въ этой области экономическихъ интересовъ сложилось болѣе всего путемъ обычая и практики морское и торговое право, имѣвшее международное значеніе и дошедшее до насъ въ различныхъ сборникахъ, изъ

которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется consolato del mare. За религіею и торговлею слѣдуетъ политика. Еще въ періодъ Германско-Римской имперіи европейскіе народы соединялись нѣкоторыми общими, но весьма слабыми узами, носившими, впрочемъ, характеръ порабощенія единой монархической власти и образованіе новыхъ политическихъ тѣлъ, не только вступившихъ въ постоянныя взаимныя сношенія, но и сознавшихъ себя членами одного политическаго цѣлаго, получившаго характерное названіе „системы политическаго равновѣсія". Явились органы для этихъ внѣшнихъ сношеній и на общихъ собраніяхъ стали рѣшаться дѣла, болѣе или менѣе общія для народовъ нашего континента. Общеніе, существовавшее въ средніе вѣка на религіозной почвѣ, теперь перешло въ почву политическую и стало связывать уже государства и ихъ гражданъ. Мало-по-малу принципъ общенія началъ освобождаться отъ неустойчивыхъ политическихъ разсчетовъ и слагаться въ *настоящую систему права*—это четвертый и высшій фазисъ его развитія. Предшествующія ему сношенія, вызывающіяся религіозными, торговыми или политическими интересами, вовсе имъ не упраздняются, но дополняются и скрѣпляются болѣе дѣйствительной охраною права. Въ общемъ можно сказать, что этотъ фазисъ наступилъ съ французской революціей и характеризуетъ нашъ вѣкъ, но еще далекъ отъ завершенія. Въ общемъ ходѣ его развитія, какъ въ развитіи всѣхъ великихъ идей и учрежденій, замѣчаются сильныя колебанія между движеніями поступательными и попятными.

Какъ бы то ни было, но общеніе въ сферѣ права обусловливается двумя основными чертами: 1) выдѣленіе изъ политики нѣкоторыхъ твердыхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ (подъ политикой мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ совокупность политическихъ правилъ), и 2) установленіемъ особыхъ чисто *международныхъ органовъ и союзовъ*. Въ настоящее время общеніе оказываетъ огромное вліяніе на всѣ отрасли государственной дѣятельности (законодательную, административную и судебную), а посредствомъ союзовъ объединяетъ даже и самыя государства, хотя и въ тѣсной сферѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ интересовъ съ соціальнымъ характеромъ. Союзы эти напоминаютъ аналогичное явленіе среднихъ вѣковъ, но есть между ними и важное различіе: тогда они возникали вслѣдствіе слабости и даже отсутствія государственной власти по иниціативѣ частныхъ лицъ, сословій и городовъ, а теперь сами государства, могущественныя и организованныя, вступаютъ по отдѣльнымъ вопросамъ въ союзы между собою, понимая, что этимъ путемъ они полнѣе и скорѣе удовлетворятъ интересамъ своихъ гражданъ, нежели односторонними законами и мѣропріятіями. Разобщенныя глубоко по политическимъ вопросамъ, они въ сферѣ соціальныхъ интересовъ соглашаются какъ бы составить одну территорію, управляемую однообразными нормами. Такими являются союзы: почтовый, телеграфный, промышлен-

ный, литературный и т. д. Число ихъ призвано расти, а собственная ихъ организація крѣпнуть и развиваться.

Но и независимо отъ этихъ союзовъ, мы видимъ, что государства силою вещей приводятся къ тому убѣжденію, что исполненіе лежащихъ на нихъ задачъ требуетъ, чтобы они оказывали другъ другу содѣйствіе. Замыкаясь только въ предѣлахъ своей территоріи и игнорируя сосѣдей, они тяжко погрѣшаютъ прежде всего противъ собственныхъ гражданъ. Интересы самосохраненія, торговли и научнаго образованія вынуждаютъ народъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ, и чѣмъ эти сношенія правильнѣе и организованнѣе, т. е. болѣе облечены въ форму правового общенія, тѣмъ болѣе выигрываетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Каждое государство, напр., заинтересовано въ томъ, чтобы подданные его могли посѣщать учебныя заведенія, научныя и художественныя сокровищницы другихъ государствъ, участвовать на международныхъ съѣздахъ различнаго рода и т. д. Борьба со многими общественными бѣдствіями (эпидеміями, эпизоотіями, голодомъ и т. д.) ведется отдѣльными правительствами тѣмъ успѣшнѣе чѣмъ дружнѣе ему помогаютъ другія. То же сдѣдуетъ сказать о регулированіи переселенческаго дѣла, о болѣе успѣшномъ отправленіи правосудія и т. д. Все это требуетъ международныхъ трактатовъ и учрежденій, число которыхъ и умножается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Учреждаются международныя комиссіи по нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ управленія (рѣчныя, парижская метрическая коммиссія, санитарная инспекція въ Константинополѣ) и дѣлу вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ.

Обращаясь отъ управленія къ области законодательной, мы замѣчаемъ здѣсь аналогичное явленіе: съ одной стороны не только растетъ число трактатовъ, но и умножаются нормы положительнаго международнаго права, а съ другой все большее и большее число этихъ нормъ входитъ въ законы различныхъ государствъ. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій прочности международнаго права. Брюссельская конференція сдѣлала извѣстныя постановленія, изложенныя ею въ особой декларації, которая, какъ извѣстно не была признана правительствами, но начала, ею превозглашенныя, приняты позднѣе въ законахъ нѣкоторыхъ правительствъ. Въ Англіи до акта натурализаціи 1870 года господствовалъ въ теченіе многихъ столѣтій взглядъ, что ея граждане никогда не могутъ выйти изъ ея подданства, такъ что тысячи англичанъ, эмигрировавшихъ въ Америку и другія страны и тамъ натурализовавшихся, продолжали считаться въ Англіи ея подданными и, въ случаѣ войны, подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны иностранцы, какъ бы долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались для англійскаго суда и закона иностранцами. Нечего говорить, какъ это противорѣчитъ международному общенію, будучи уродливымъ проявленіемъ территоріальнаго самодержавія. И вотъ, по закону 1870 года каждому англичанину дозъ

волено отказаться отъ подданства Англіи, а иностранцамъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи предоставлено право принимать англійское подданство.

Другой характерный примѣръ представляетъ гражданское уложеніе Италіи 1865 года. Мы видимъ тутъ замѣчательную попытку изложенія въ отдѣльныхъ статьяхъ закона тѣхъ началъ частнаго международнаго права, которыя, вытекая изъ принципа общенія, основывались до этого на теоріи юристовъ и судебной практикѣ. Русскій законъ еще въ прошлое царствованіе уравнялъ въ гражданскомъ отношеніи иностранцевъ съ природными подданными (за нѣкоторыми исключеніями), но все еще не регулировалъ сообразно съ принципами общенія выходъ изъ русскаго подданства.

Но и этого мало; юристы уже давно мечтаютъ о возможности *общаго международнаго законодательства* по такимъ вопросамъ, которые возникая изъ мірового торговаго оборота, не отмѣчены узко національнымъ характеромъ и могутъ удобно подлежать однообразной кодификаціи. Этому сочувствуютъ и нѣкоторыя правительства: въ 1878 году Германія выступила съ предложеніемъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ объ изданіи общаго вексельнаго устава. Германія въ 1874 году предложила издать общій законъ относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Оба предложенія, говоритъ Мартенсъ, были приняты весьма сочувственно большинствомъ державъ и, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ получатъ практическое осуществленіе. Швейцарія взяла на себя иниціативу въ международномъ регулированіи нѣкоторыхъ частей фабричнаго законодательства.

Въ сферѣ судебной власти также замѣчено усиленіе общенія между современными государствами. Не одно изъ нихъ не можетъ, хотя бы на своей территоріи, игнорировать ни законовъ, ни дѣйствій иностранныхъ государствъ; приходится съ ними постоянно считаться и даже обращаться къ содѣйствію иноземныхъ судовъ и властей. Это вытекаетъ изъ широкаго развитія современнаго гражданскаго оборота. Часто приходится для лучшаго констатированія вины какого-либо преступника обращаться къ иностраннымъ судамъ съ просьбами объ отобраніи или свидѣтельскихъ показаній, или о сообщеніи другихъ какихъ-либо свѣдѣній и т. п. Правительства соглашаются между собою относительно опредѣленныхъ случаевъ и формъ прямыхъ сношеній между ихъ судами. Отъ этого только болѣе обезпечивается внутренній порядокъ и уваженіе къ закону на территоріяхъ контрагентовъ. Правительства заключаютъ между собою многочисленныя конвенціи о выдачѣ преступниковъ; такъ преслѣдованіе виновнаго, успѣвшаго скрыться на иностранную территорію, становится возможнымъ лишь съ вѣдома и содѣйствія властей этой территоріи. Судамъ одного часто приходится примѣнять законы другого по поводу тяжебныхъ дѣлъ между иностранцами или между ними и своими подданными. Если про-

исходитъ столкновеніе между иноземнымъ закономъ и мѣстнымъ, не разрѣшимое съ точки зрѣнія суверенитета даннаго государства, суды по необходимости примѣняютъ начала частнаго международнаго права, которое также, какъ и публичное, все покоится въ началѣ общенія.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ принципъ общенія содѣйствуетъ урегилированію сношеній не только между государствами, но и ихъ подданными. Различныя общественныя группы, общины, торговыя компаніи и т. п., законно существующія въ своей странѣ, получаютъ право на признаніе и содѣйствіе своимъ интересамъ и въ другихъ государствахъ. Говоря иначе, въ качествѣ юридическихъ лицъ, имъ дозволяется и тамъ владѣть имуществомъ, защищать свои права въ судебномъ порядкѣ, имѣть своихъ агентовъ и т. д.

Итакъ, историческое разсмотрѣніе общенія показываетъ намъ, что оно постепенно расширяется на новыя области жизни и внутренно все крѣпнетъ. Будучи продуктомъ не отвлеченной теоріи, а дѣйствительной жизни, оно имѣетъ *глубокія разумныя основанія*, раскрытіе которыхъ составляетъ задачу теоріи.

Разумныя основанія принципа общенія. Общеніе вытекаетъ изъ самой природы государства, какъ физической матеріальной, такъ и духовной. Страны различаются между собою чрезвычайно по тѣмъ дарамъ, которыми надѣлила ихъ природа. Разныя мѣстности производятъ различные продукты; многіе изъ нихъ, не достающіе въ одной странѣ, изобилуютъ въ другой. Отсюда вытекаетъ необходимость и полезность обмѣна, а слѣдовательно, и общенія между народами. Съ развитіемъ культуры потребности людей становятся болѣе многочисленными и искусственными, а земля, между тѣмъ, истощается; въ однѣхъ странахъ часто не хватаетъ земли для населенія, а въ другихъ наоборотъ, не хватаетъ рукъ для обработки ея. Въ странахъ, бѣдныхъ землею, развивается обрабатывающая промышленность, а въ странахъ, богатыхъ ею,—добывающая; такимъ образомъ хозяйства этихъ странъ взаимно дополняютъ другъ друга и взаимно необходимы другъ другу; отсюда, государства вынуждаются къ постояннымъ между собою сношеніямъ. Понемногу національныя хозяйства находятъ себѣ дополненіе и расширеніе въ *идеѣ мірового хозяйства*. Экономическая зависимость народовъ другъ отъ друга усиливается, становится и въ этой области необходимымъ раздѣленіе труда между отдѣльными политическими единицами; необходимымъ же является правильный обмѣнъ продуктовъ ума и труда, а послѣдній немыслимъ безъ юридическаго международнаго порядка.

На этой идеѣ *общей экономической солидарности народовъ* покоится общеніе, какъ на твердой естественной скалѣ.

Другое основаніе принципа общенія, не менѣе важное, чѣмъ физическія особенности государствъ, это ихъ духовная природа. Современная наука справедливо признаетъ государства за личности живущихъ въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствующихъ народовъ. Но никакая

личность не можетъ жить обособленно, внѣ общенія и содѣйствія другихъ ей подобныхъ личностей. Право, регулирующее отношенія между личностями вообще, регулируетъ ихъ и между государствами и опредѣляетъ ихъ совмѣстное бытіе. Но такое совмѣстное бытіе не обозначаетъ поглощеніе одной личности другою; полному уподобленію ихъ и слитію въ одну массу нельзя сочувствовать: случись это съ государствами, тогда исчезло бы и самое международное право. Личность, индивидуальность есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ исторіи человѣчества; народы, какъ политическія личности, одарены извѣстными способностями и имѣютъ каждый свою опредѣленную задачу въ великой семьѣ человѣчества. Въ этомъ отношеніи правы національности, когда онѣ съ удареніемъ говорятъ о самобытныхъ, индивидуальныхъ дарахъ народовъ; но онѣ не правы, когда обостряютъ эти особенности до какой-то принципіальной между ними вражды. Поэтому намъ кажутся печальнымъ заблужденіемъ мысли Данилевскаго (Россія и Европа) о неотразимой будто бы борьбѣ (въ смыслѣ истребительной войны) между Россіею, какъ представительницею славянскаго культурнаго типа, и Европою, составляющею германо-романскій типъ. Объяснить этотъ взглядъ можно только тѣмъ, что Данилевскій, очевидно, и понятія не имѣетъ о международномъ правѣ. Личности призваны, по свидѣтельству исторіи и по требованію разума, не къ изолированности и не къ взаимному истребленію (ибо тогда онѣ перестали бы быть нравственными единицами), а къ взаимной помощи и восполненію другъ друга. Въ древности и въ средніе вѣка, когда разобщеніе и враждебность возводились въ законъ внѣшнихъ сношеній, это до такой степени противорѣчило природѣ человѣка, что за отсутствіемъ правильныхъ сношеній они устанавливались насильственнымъ путемъ: война понижала воздвигавшіяся китайскія стѣны, клала свою печать на торговлю и, такимъ образомъ, приводила народы, хотя насильственно, въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, устанавливала между ними нѣкоторое общеніе. Въ наше время общеніе сдѣлалось кореннымъ принципомъ международнаго права и призвано устанавливать сношенія между народами мирными и нравственными путями.

Практическіе выводы. Изъ вышесказаннаго вытекаютъ весьма важные практическіе выводы: 1) *ни одно государство не имѣетъ права совершенно изолировать себя или другое государство отъ остальныхъ.* Этимъ оно поставило бы себя внѣ международнаго права и, доводя идею свою суверенитета до послѣдней крайности, погрѣшило бы противъ своей природы. Иное дѣло временное закрытіе какой-нибудь границы въ силу необходимости (въ случаяхъ войны, возстаній, эпидемій) или прекращеніе также на время сношеній съ какимъ-либо отдѣльнымъ государствомъ большей частью вслѣдствіе не признанія совершившихся въ немъ политическихъ переворотовъ. Такъ Екатерина II-я не хотѣла нѣкоторое время поддерживать сношенія съ Франціей послѣ казни Людовика XVI. Въ настоящее время Россія не имѣетъ ника-

кихъ сношеній съ Болгаріей. Такого рода переправы въ сношеніяхъ не должны подрывать принципа общенія.

2) Въ силу же принципа общенія государства не въ правѣ не допускать иностранцевъ на свои территоріи. Смотря по своимъ экономическимъ или политическимъ потребностямъ, правительства придерживаются различныхъ системъ. Такъ мы видимъ, что иногда правительства совершенно закрывали свою территорію для иностранцевъ. Допетровская Россія по общему правилу была закрыта для иностранцевъ. Иногда, наоборотъ, правительства вызываютъ къ себѣ иностранцевъ, поощряя ихъ различными льготами, давая преимущества однимъ иностранцамъ передъ другими. Съ точки зрѣнія международнаго права слѣдуетъ замѣтить, что наиболѣе справедливымъ является одинаковое обращеніе съ иностранцами всѣхъ національностей и уравненіе ихъ въ гражданскомъ правѣ съ природными подданными; политическія же права не должны быть имъ предоставлены. Изъ этого общаго правила допускаются изъятія, но они должны быть мотивированы и состоять въ согласіи съ международнымъ правомъ. Допуская иностранцевъ на свою территорію, государства имѣютъ двоякаго рода обязанности: а) радѣя о пользѣ своихъ гражданъ, они должны слѣдить, чтобы иностранцы не эксплоатировали мѣстное населеніе, и б) они должны слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранцы не угрожали безопасности другихъ сосѣднихъ государствъ. Это относится особенно къ Швейцаріи, которая славится своимъ правомъ убѣжища. Надо удивляться такту и мужеству этой маленькой республики, которая старается лавировать между признаніемъ за иностранцами права убѣжища, дающаго имъ возможность укрываться отъ своихъ властей, и между необходимостью оказывать уваженіе къ иностраннымъ правительствамъ, обязывающее не держать у себя какъ бы подземнаго лагеря, враждебнаго имъ. Право убѣжища необходимо получаетъ въ предѣлахъ международнаго права извѣстныя юридическія границы. Отсюда необходимость надзора и контроля надъ иностранцами.

3) Ни одно государство не должно лишать другое пользованія путями сообщенія и тѣми удобствами, которыя вытекаютъ изъ его географическаго положенія. Первое право въ прежнее время называлось jus transitus или passagii innoxii; въ настоящее время оно никѣмъ не оспаривается. Нарушеніе этого права вело бы къ насильственному обособленію государства. Но если нельзя съ точки зрѣнія международнаго права обособлять себя, то еще менѣе можно дѣлать это съ другими. Поэтому государства, отрѣзанныя другими отъ морей, имѣютъ естественное право требовать себѣ отъ сосѣдей свободнаго доступа къ нимъ (таковы Швейцарія, Боливія и Парагвай); они могутъ имѣть свой торговый флотъ и свои стоянки на нихъ, такъ какъ моря и океаны суть достояніе всего человѣчества.

Относительно выгодъ, связанныхъ съ географическимъ положеніемъ страны, надо имѣть въ виду совмѣстное владѣніе или, по край-

ней мѣрѣ, пользованіе рѣками, озерами, общими нѣсколькимъ государствамъ· ни одно изъ нихъ не должно лишать другія государства возникающихъ отсюда выгодъ (относительно рыболовства и сообщеній) или производить какія бы то ни было работы безъ согласія прочихъ сосѣдей. Изъ начала равенства, подкрѣпляемаго принципомъ общенія, вытекаетъ требованіе одинаковаго для всѣхъ пользованія океаномъ и его сокровищами, а равно всѣми путями сообщенія, признаваемыми нынѣ международными.

4) Общеніемъ требуется, чтобы государства по возможности не препятствовали взаимной, свободной торговлѣ. Каждое изъ нихъ, руководствуясь собственными потребностями, заботится о мѣрахъ для охраны національной промышленности и для оживленія торговли; но эти мѣры не должны превращаться въ совершенный запретъ иностраннаго ввоза.

5) Нѣкоторыя формы торговыхъ сношеній, прямо осужденныя положительнымъ международнымъ правомъ (торговля неграми и подобная ей куліями) должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны всѣхъ государствъ не только въ предѣлахъ ихъ территорій, но и повсюду, съ правомъ привлеченія виновныхъ къ отвѣту, къ какой бы національности они не принадлежали. Словомъ, общеніе со стороны его практическаго примѣненія можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: оно призвано всячески содѣйствовать *свободѣ движенія лицъ, вещей и идей по всему земному шару*.

Общеніе, какъ принципъ юридическій, не можетъ быть абсолютнымъ; точно также, какъ и принципъ суверенитета, оно подлежитъ ограниченіямъ. Прежде всего общеніе умѣряется сообразно общей справедливости, требующей устраненія неравенства положенія въ союзѣ: государство не обязано поддерживать сношенія, которыя представляютъ ему однѣ только тягости, а всѣ выгоды падаютъ на другое государство. Другое ограниченіе вытекаетъ изъ принципа самосохраненія, въ силу котораго государство можетъ отклонить сношенія, которыя поставили бы его въ зависимость отъ другихъ государствъ. Тутъ общеніе, въ свою очередь, умѣряется суверенитетомъ, подобно тому, какъ суверенитетъ умѣряется общеніемъ.

Итакъ, общеніе есть правовой порядокъ сношеній между государствами. Оно нисколько не отнимаетъ у нихъ обязанности заботиться о благѣ и безопасности собственныхъ гражданъ: самодѣятельность есть первое условіе для развитія индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ; но общеніе указываетъ на необходимость для послѣднихъ въ области права, какъ и въ мірѣ нравственномъ, оказывать другъ другу содѣйствіе.

Вопросъ о международной организаціи. Общеніе получитъ точное и вполнѣ юридическое выраженіе лишь тогда, когда введена будетъ *международная организація*. Существующіе въ настоящее время международные органы очень несовершенно соотвѣтствуютъ этой идеѣ,

будучи органами главнымъ образомъ внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ. Организація же, о которой мы говоримъ, должна, не подрывая самостоятельности народовъ, создать для ихъ общей жизни такую форму, которая предоставила бы ихъ объединеніе не въ политическомъ отношеніи. Организація эта не можетъ быть скол комъ съ какой бы то ни было формы внутренне—государственнаго быта, но сообразно съ сложными потребностями и условіями международнаго союза, она должна выработаться изъ жизни самаго этого союза. На это нужно много времени и усилій; дѣло науки прокладывать для нея путь въ сознаніи и жизни народовъ. Справедливо видятъ въ этомъ высшую конечную проблему международнаго права, какъ науки. Только при существованіи правильной международной организаціи общіе интересы государствъ и самый миръ между ними получаютъ должное признаніе и охрану, тогда только будетъ найдено гармоническое соотношеніе между суверенитетомъ и общеніемъ, независимостью и солидарностью народовъ—этими двумя коренными идеями государственнаго и международнаго права.

Значеніе измѣненій, претерпѣваемыхъ государствами.

Въ параграфѣ первомъ мы разсматривали государство, какъ субъектъ международнаго права; во второмъ—его основныя права. Теперь намъ остается разсмотрѣть различныя видоизмѣненія, которымъ подвергается государство во время своего существованія, и, наконецъ, прекращеніе его бытія.

Государства, какъ намъ уже и раньше приходилось говорить, суть организмы и, какъ таковые, подвергаются всякаго рода измѣненіямъ. Измѣненія эти можно свести къ двумъ группамъ: а) измѣненіямъ политическимъ и б) территоріальнымъ. Къ первой группѣ относятся перемѣны, касающіяся политическаго строенія государства. Мѣняются не только отдѣльныя лица, династіи, но и формы правленія. Общее правило при всѣхъ этихъ перемѣнахъ то, что онѣ не вліяютъ на юридическія отношенія государствъ, въ которыя вступили они до перемѣнъ. Правило это логически вытекаетъ изъ представленія о государствѣ, какъ международной личности. Государство, какъ международная личность, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Впервые принципъ исторической и юридической непрерывности государства—личности былъ провозглашенъ голландскимъ писателемъ Бинкегукомъ. Торжественно признанъ былъ этотъ принципъ въ протоколахъ лондонской конференціи 1830 г. по случаю отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи.

Трактаты, заключенные государствомъ, не теряютъ своей обязательности, не смотря ни на какіе внутренніе перевороты. Если бы обязательства, въ которыя вступило государство, теряли свою силу вмѣстѣ съ перемѣною правителей, династій или формъ правленій, то

это было бы отличное средство погашать тягостныя для народа обязательства.

Государство обязано соблюдать договоры, заключенные какъ законнымъ правительствомъ, такъ и правительствомъ, узурпировавшимъ власть. Для международнаго права безразлично, законно ли правительство съ точки зрѣнія государственнаго права или не законно; представителемъ народа оно считаетъ то правительство, которое фактически въ данную минуту обладаетъ верховной властью въ государствѣ. Съ точки зрѣнія международнаго права фактическое правительство законно, если не нарушаетъ основныхъ началъ международнаго права, и не законно, если нарушаетъ ихъ.

Положенія, указанныя относительно политическихъ перемѣнъ государства, не суть достояніе только теоріи, но съ давнихъ поръ признаются на практикѣ. Во время англійской революціи въ XVII вѣкѣ Кромвель и принцъ Оранскій признали договоры Карла V. Первая французская республика не считала себя свободной отъ обязательствъ, принятыхъ на себя Людовикомъ XV и его предшественниками.

Конечно, въ международной практикѣ бывали случаи, представлявшіе собою исключеніе изъ указаннаго общаго положенія, но они встрѣчали энергичный отпоръ со стороны международнаго союза. Такъ, напримѣръ, когда министръ иностранныхъ дѣлъ второй французской республики Ламартинъ торжественно объявилъ въ декларацiи, что республика не признаетъ постановленій вѣнскаго трактата, то великія державы выражали энергичный протестъ по этому поводу и Франція должна была уступить.

Исключеніе изъ общаго правила относительно обязательности договоровъ, независимо отъ измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, составляютъ, во-первыхъ,—соглашенія между правителями, носящія личный характеръ, во-вторыхъ обязательства правительствъ, не получившихъ международнаго признанія. Какъ на примѣръ личныхъ соглашеній между отдѣльными правителями можно указать на соглашенія между Людовикомъ XIV и Яковомъ II Стюартомъ или на договоръ между Наполеономъ III и Максимиліаномъ по поводу поддержанія престола послѣдняго.

Съ другой стороны обязательства, принятыя на себя Костюшкою въ 1794 г. и Кошутомъ въ 1849 г., потеряли силу вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, такъ какъ партіи, въ глазахъ которыхъ они стояли, не получили международнаго признанія. Но когда Гессенскій курфюрстъ отказался отъ договоровъ, заключенныхъ его предшественникомъ, королемъ Вестфальскимъ, узурпировавшимъ власть, великія державы потребовали ихъ исполненія, такъ какъ правительство Вестфальскаго короля было признано международнымъ союзомъ.

Вторая группа измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, обнимаетъ собою территоріальныя измѣненія. Государства то лишаются какой-либо части своей территоріи, то присоединяютъ къ ней земли

иного государства. При территоріальныхъ измѣненіяхъ, какъ и при политическихъ, весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о вліяніи этихъ измѣненій на государство, какъ международную личность. По общему правилу государство остается тою же личностью, съ тѣми же правами и обязанностями, какія принадлежали ему до территоріальныхъ измѣненій. Правило это признано не только теоріей, но и практикой международныхъ отношеній XIX вѣка.

Пруссія по тильзитскому миру 1807 г. лишилась цѣлой трети своихъ владѣній; однако, съ одной стороны, это не помѣшало ей остаться независимымъ государствомъ и королевствомъ, а съ другой — не освободило ее отъ обязательствъ, заключенныхъ ею до мира. Королевство Саксонское потеряло въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ половину своихъ владѣній; Австрія потеряла свои богатѣйшія провинціи Ломбардію и Венецію; первую въ 1832 году, вторую въ 1866 году. Значительныя территоріальныя измѣненія потерпѣла Турція по берлинскому договору въ 1878 году и другія государства Балканскаго полуострова.

Утрачиваются государствами территоріи или вслѣдствіе внѣшней несчастной войны или путемъ внутренней, междуусобной. Въ первомъ случаѣ территорія переходитъ къ побѣдившему государству, во второмъ отдѣлившаяся территорія или образуетъ новое государство или присоединяется къ одному изъ существующихъ.

При переходѣ территорій отъ одного государства къ другому весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, переходятъ ли вмѣстѣ съ территоріей права и обязанности одного государства къ другому и если переходятъ, то въ какихъ размѣрахъ. По общему правилу всѣ обязательства, спеціально лежавшія на утраченной или отдѣлившейся территоріи, переходятъ къ новому государству. Обязательства эти могутъ быть раздѣлены на мѣстныя и личныя. Мѣстными обязательствами называются такія, которыя прикрѣплены къ самой отходящей территоріи, которыя возникаютъ, напримѣръ, изъ частно-правовыхъ владѣніи прежняго государства въ данной мѣстности. Когда, напримѣръ, Германія по Франкфуртскому трактату приняла на себя всѣ желѣзныя дороги въ Эльзасъ-Лотарингіи, то она приняла вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ лежавшія на нихъ долговыя обязательства.

Подъ личными обязательствами разумѣются такія обязательства, въ силу которыхъ населеніе утраченной территоріи можетъ требовать отъ новаго государства соблюденія тѣхъ своихъ правъ, которыми оно пользовалось въ старомъ государствѣ. Эти обязательства не имѣютъ большого значенія: государства соблюдаютъ ихъ обыкновенно только въ томъ случаѣ, если они не противорѣчатъ интересамъ народа.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, должны ли утраченныя или отдѣлившіяся области участвовать въ уплатѣ общаго государственнаго долга своего прежняго отечества или нѣтъ. Обра-

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Съ разрѣш. Прос. Графа Комаровскаго.
Лекціи по международному праву. Листъ 5-й.

щаясь къ трактатамъ, заключавшимся по поводу территоріальныхъ измѣненій, слѣдуетъ замѣтить, что они въ этомъ отношеніи колеблются, хотя замѣчается болѣе рѣшительная тенденція въ пользу уплаты.

Нельзя не признать переложеніе части государственнаго долга на отходящую территорію вполнѣ справедливымъ, такъ какъ утраченная или отдѣлившаяся область несомнѣнно пользовалась выгодами этого долга до отдѣленія. Бельгія въ 1830 году при отдѣленіи отъ Голландіи обязалась выдавать ей ежегодно по пяти милліоновъ франковъ на уплату государственнаго долга, накопившагося за періодъ времени отъ Вѣнскаго конгресса до 1830 года. Хотя сумма, которую обязалась уплачивать Бельгія, не велика, но важно уже то обстоятельство, что былъ признанъ принципъ участія отошедшей области въ уплатѣ общаго государственнаго долга прежняго государства. По Цюрихскому трактату Сардинія обязалась уплатить часть Австро-Ломбардскаго долга, потому что къ ней была присоединена Ломбардія — богатѣйшая провинція Австрійской монархіи. По Берлинскому трактату Болгарія, Сербія и Черногорія обязались уплатить часть турецкаго долга.

Однако нужно замѣтить, что возложеніе на отходящую территорію части государственнаго долга справедливо въ томъ только случаѣ, если она пользовалась выгодами общаго государственнаго долга.

Вопросъ о томъ, какія начала должны быть положены въ основаніе разверстки государственнаго долга, есть дѣло практическаго обсужденія. Юристы утверждаютъ, что при такой разверсткѣ должны быть приняты во вниманіе величина отходящей территоріи, ея экономическое благосостояніе, численность населенія и т. д. Мы съ своей стороны прибавимъ, что должна быть произведена по возможности оцѣнка той пользы, которую извлекла изъ общаго государственнаго долга отходящая область.

Иногда области переходятъ отъ одного правительства къ другому на извѣстныхъ условіяхъ. Условія эти заключаются государствомъ, пріобрѣтающимъ область, или съ государствомъ, отъ котораго эта область отходитъ, или съ ея населеніемъ. Условія эти заносятся въ трактаты по обычной терминологіи дипломатовъ на „вѣчныя времена“. Нарушеніе этихъ условій, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, дѣлаетъ недѣйствительнымъ право государства на пріобрѣтенную область, но ученіе новѣйшихъ писателей несогласно съ этимъ взглядомъ на условія соединительнаго акта. Профессоръ Мартенсъ слѣдующимъ образомъ аргументируетъ для оправданія нарушенія этихъ условій. Онъ указываетъ на то, что само населеніе своимъ поведеніемъ иногда даетъ законный поводъ для нарушенія названныхъ условій; кромѣ того все въ мірѣ подчинено закону развитія, не могутъ оставаться неизмѣнными никакіе законы и договоры; они должны соотвѣтствовать потребностямъ даннаго времени и общества, но общество развивается, развиваются и потребности его, такъ что, если бы законы оставались неизмѣнными, то они, очевидно, вызвали бы застой въ общественной

жизни. Нельзя отрицать вѣрности взгляда профессора Мартенса,— этотъ взглядъ справедливъ, какъ общее начало; спорятъ о тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, при которыхъ правительства получаютъ право на измѣненіе договоровъ и присоединительныхъ актовъ.

Разбираемый нами вопросъ имѣетъ особое практическое значеніе для Россіи. По Ништадскому миру Швеція отдала Россіи Остзейскій край, но на условіяхъ, въ которыхъ выговаривались привиллегіи для дворянства и духовенства этого края.

Въ послѣднее время въ виду преобразованій, производимыхъ нашимъ правительствомъ въ этомъ краѣ, дворянство и духовенство, требуя неприкосновенности своихъ правъ и привиллегій, не разъ ссылались на постановленія этого древняго соединительнаго акта; на условіяхъ же было присоединено къ Россіи въ 1709 году великое княжество Финляндское.

Въ заключеніе ученія о территоріальныхъ измѣненіяхъ, мы скажемъ нѣсколько словъ вообще о завоеваніяхъ.

Казалось бы, что цивилизованнымъ государствамъ пора отказаться отъ завоеваній; въ наше время не должны происходить насильственные переходы цѣлыхъ областей отъ одного государства къ другому; такіе переходы могутъ допускаться только въ томъ случаѣ, если они добровольны, т. е. совершаются съ согласія населенія области. Противъ этого возражаютъ обыкновенно, что прекращеніе завоеваній не мыслимо, такъ какъ оно тѣсно связано съ исчезновеніемъ войны, а объ этомъ-де мы можемъ только мечтать. Требовать прекращенія завоеваній, не уничтожая войны, это значитъ, господствующему мнѣнію, требовать уничтоженія слѣдствій, не требуя уничтоженія причины.

Вопросъ весьма важный и сложный, но мы не можемъ по недостатку времени разобрать его, какъ онъ того заслуживаетъ, но не можемъ совершенно и умолчать о немъ. Нельзя согласиться съ тѣмъ общепринятымъ взглядомъ, что насильственный переходъ земель отъ одного государства къ другому непрерывно связанъ съ войною. Говорятъ, что пока существуетъ война, необходимо должно быть и вознагражденіе побѣдителю въ видѣ завоеваній. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ необходимости вознагражденія побѣдившему государству. Но нельзя ли найти другихъ способовъ вознагражденія помимо отнятія областей? Мы съ своей стороны можемъ предложить вмѣсто отнятія области временное владѣніе ею. Срокъ этого владѣнія долженъ быть таковъ, чтобы въ теченіе его побѣдившее государство могло вознаградить себя за расходы по веденію войны. Расходы эти вполнѣ можно исчислить, но при этомъ надо принимать въ разсчетъ только прямые расходы, прямо относящіеся къ войнѣ, а не косвенные. Расходы должны опредѣляться не самимъ побѣдившимъ государствомъ, а третейскимъ судомъ изъ представителей нейтральныхъ государствъ. По удовлетвореніи претензій побѣдителя, область, если пожелаетъ, мо-

жетъ возвратиться къ своему старому отечеству. Какъ просто былъ бы рѣшенъ вопросъ относительно Эльзасъ-Лотарингіи, если были примѣнены изложенныя нами начала. Что касается правъ присоединяемой на время области, то они должны быть опредѣлены на основаніи общихъ правилъ о территоріальныхъ измѣненіяхъ. Ограниченіе правъ населенія присоединяемой области во всякомъ случаѣ должно производиться законодательнымъ путемъ, причемъ должно сообразоваться не только съ интересами государства, присоединяющаго область, но и съ интересами населенія этой области, такъ какъ оно не мертвая масса, не инвентарь и пользуется международною охраною подобно всему остальному человѣчеству.

Прекращеніе существованія государствъ.

Въ этомъ параграфѣ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о прекращеніи бытія государства и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя оно влечетъ за собою.

Прежде всего мы должны указать тѣ способы, которыми прекращается жизнь государственнаго организма. Мы не будемъ останавливаться на элементарныхъ явленіяхъ изъ этой области, такъ какъ они въ наше время почти совершенно невозможны, хотя о нихъ и упоминаютъ нѣкоторые интернаціоналисты (Гефкенъ, Гарейсъ). Такъ напримѣръ, существованіе государства прекратится, если его территорія будетъ затоплена: это, напримѣръ, можетъ случиться тогда, если государство расположено на островѣ. Тоже самое произойдетъ, если вымретъ все населеніе или будетъ уничтожено непріятелемъ, или уведено въ плѣнъ, какъ это сдѣлали, напр., ассиріяне по отношенію къ евреямъ. Наконецъ, государственная организація можетъ распасться путемъ анархіи. Всѣ указанные способы смерти государства, за исключеніемъ развѣ послѣдняго, совершенно немыслимы въ наше время среди цивилизованныхъ народовъ.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою смерть государства, и главнымъ образомъ вопросъ о томъ, существуетъ ли преемство или наслѣдованіе въ отношеніи государствъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣсколькими ученіями. Гарейсъ отвергаетъ преемство, какъ общее правило. Оно, по его мнѣнію, нарушаетъ суверенитетъ государствъ. „Нельзя“, говоритъ онъ; „заставлять государства принимать на себя обязательства, которыя могутъ даже противорѣчить ихъ интересамъ. Другое дѣло, если государство соглашается на преемство, тогда на него переходятъ не только права, но и обязанности, лежащія на изчезнувшемъ государствѣ“.

Теорія эта несостоятельна, такъ какъ основаніе преемства лежитъ въ международномъ правѣ, а международное право преслѣдуетъ интересы не одного какого-либо государства, а всѣхъ государствъ, всего международнаго союза.

Ривье отличаетъ частно-правовыя отношенія отъ публично-правовыхъ. Первыя переходятъ на преемника. Ко вторымъ онъ относитъ: а) договоры о дружбѣ, судоходствѣ, выдачѣ преступниковъ и т. д. Всѣ принадлежащія къ этой группѣ юридическія отношенія государства, предполагающія продолженіе его существованія, исчезаютъ вмѣстѣ съ его политическою *личностью*; б) другія публично-правовыя же отношенія тѣсно связаны съ самой *территоріею*. Къ нимъ относятся международныя повинности, лежащія на территоріи, акты объ опредѣленіи границъ и проч; всѣ подобнаго рода юридическія отношенія переходятъ на новое государство.

И дѣйствительно, возможно ли, чтобы государство исчезло цѣликомъ безъ всякаго слѣда? Оно исчезаетъ, какъ политическая международная личность, но его основные элементы остаются и переходятъ на другое государство, наслѣдующее ему. Тутъ повторяется великій космическій законъ, что въ природѣ ничего не пропадаетъ, что матерія остается, измѣняются только ея формы. Вотъ почему намъ кажется наиболѣе правильнымъ взглядъ Мартенса. Всѣ международныя права и обязанности, по его ученію, лежавшія на умершемъ государствѣ, должны переходить къ его преемникамъ. Но это преемство не вліяетъ на наслѣдующее государство, какъ на международную личность; оно остается тѣмъ же субъектомъ международнаго права; ему долженъ принадлежать только одинъ голосъ при рѣшеніи международныхъ вопросовъ. Затѣмъ наслѣдующее государство принимаетъ на себя всѣ обязательства умершаго безъ соображенія актива наслѣдства съ его пассивомъ. Это послѣднее обстоятельство рѣзко отличаетъ наслѣдованіе по международному праву отъ наслѣдованія по гражданскому.

Все наслѣдство Мартенсъ дѣлитъ на: а) обязательства и трактаты и б) публичныя имущества (пути сообщенія, общественныя учрежденія и т. д.), имущества фиска или государственныя имущества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (капиталы, домены и т. д.)

Трактаты и обязательства переходятъ на слѣдующее государство всѣ безъ исключенія. Публичныя имущества также передаются по наслѣдству, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что новое государство можетъ пользоваться ими только въ духѣ и направленіи стараго. Наконецъ, государственныя имущества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, переходятъ въ полную собственность новаго государства и оно можетъ пользоваться ими по своему собственному усмотрѣнію.

Практика международныхъ отношеній, вопреки теоріи Гарейса, постоянно признавала и признаетъ преемство между государствами. Когда итальянскій король прекратилъ существованіе Папской области въ 1866 г., онъ принялъ на себя всѣ обязательства, заключенныя папою, какъ свѣтскимъ государемъ.

Если существуетъ преемство между физическими и юридическими лицами въ гражданскомъ правѣ, то оно должно существовать

и по отношенію къ международнымъ личностямъ въ международномъ правѣ. Могутъ исчезать договоры и союзы, тѣсно связанные съ умершимъ государствомъ, какъ политическою личностью, но всѣ остальные договоры и обязательства переходятъ на новое государство.

Если государство достается нѣсколькимъ преемникамъ, то дѣлается разверстка правъ и обязательствъ исчезнувшаго государства на основаніи общихъ юридическихъ началъ. Основное правило при разверсткѣ таково: сначала дѣлятъ главное, потомъ второстепенное; затѣмъ принимается во вниманіе величина присоединяемой области, количество населенія, его податная способность и т. д.

Когда въ 1797 году былъ положенъ конецъ существованію Польши, какъ самостоятельнаго государства, произошла разверстка ея между Россіей, Австріей и Пруссіей. Въ 1815 г. отошла къ Россіи и остальная часть Польши (герцогство Варшавское).

Ученіе о международныхъ договорахъ *).

До сихъ поръ мы говорили о субъектахъ и объектахъ международнаго права въ отдѣльности. Юридическія отношенія устанавливаются между ними посредствомъ договоровъ или обязательствъ, къ которымъ мы теперь и обращаемся. Международныя обязательства облекаются большею частію въ форму трактатовъ. Трактатъ есть договоръ, заключаемый между отдѣльными государствами для опредѣленія ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Duorum vel plurium in idem consensus. Въ этомъ отдѣлѣ международное право наиболѣе соприкасается съ частнымъ, и общія начала послѣдняго относительно обязательствъ приложимы и къ нашему предмету, конечно, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ различій, вытекающихъ уже изъ самой природы международнаго права. На такое различіе намъ слѣдуетъ уже указать при самомъ началѣ. Ученіе о трактатахъ соотвѣтствуетъ ученію о договорахъ въ гражданскомъ правѣ. Но послѣдніе получаютъ свою высшую санкцію въ законѣ извѣстнаго государства. Этого положительнаго авторитета въ международномъ правѣ нѣтъ. Откуда же беретъ начало обязательная сила международныхъ договоровъ. Контрагенты здѣсь—юридическія личности вполнѣ другъ отъ друга независимыя и не признающія надъ собою никакого положительнаго закона. Писатели далеко несогласны между собою относительно этого важнаго пункта: одни выводятъ обятательную силу договоровъ изъ требованій пользы (Бентамъ), другіе—изъ предписаній разума (какъ его постулатъ, Кантъ). Но понятіе о „пользѣ“ слишкомъ эластично;—о „разумѣ“ же очень

*) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen 1874. Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenvertrage 1880. Laghi. Teoria dei trattati internazionali Thl. I. Общее ученіе о трактатахъ 1882. Unger. Ueber die Gultigkeit von Staatsvertagen (Grunhut's Zeitschr. B. VI S. 349).

отвлеченно и допустимо развѣ въ области чистаго умозрѣнія. Гефтеръ основываетъ обязательную силу договоромъ на добровольномъ согласіи контрагентовъ: ein Vertrag an sich setzt nur durch die Einheit dec Willens ein Reht и прибавляетъ: folglich auch nur nur so lange diese Einheit dauert.

Но и это мнѣніе не вѣрно: оно даетъ объективнымъ началомъ международнаго права слишкомъ тѣсное, субъективное основаніе: одна свобода воли, говоритъ Блюнчли, не дѣлаетъ еще договоры обязательными на томъ основаніи, что тогда всякій актъ воли создавалъ бы право (so müsste alles Gewollte Reehe sein). Если consensus творитъ обязательства, то всякое измѣненіе въ немъ, или dissensus разрушалъ бы ихъ.

Поэтому необходимо признать, что обязательная сила договоровъ вытекаетъ изъ верховнаго закона общежитія. Воля государствъ творитъ право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того юридическаго порядка (gemeinsame Rechtsordnung), который основывается не на произволѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ. Обязательность договоровъ вытекаетъ прямо и съ логическою необходимостью изъ основныхъ положеніи права, обезпечивающаго мирное сожитіе народовъ. На этомъ основаніи уже древніе говорили:—Pacta sunt servanda usu, Ein Mann ein Wort и т. п.

Основныя условія трактатовъ.

Основныя условія международныхъ договоровъ касаются трехъ пунктовъ: 1) субъектовъ трактатовъ; 2) ихъ объектовъ или содержанія и 3), самой ихъ формы, какъ совершенія, такъ и утвержденія или ратификаціи.

1) Кто можетъ заключать международные договоры?

Очевидно отвѣтъ на этотъ одинъ: заключать трактаты могутъ только субъекты международнаго права или каждое государство отдѣльно и самостоятельно существующее. Государства полусамостоятельныя и вассальные только отчасти пользуются этимъ правомъ. Договоры главнаго государства (сюзерена) часто и для нихъ обязательны. Члены союзнаго государства обыкновенно лишены права заключать договоры: оно принадлежитъ союзу, но въ союзѣ государства каждый членъ въ этомъ отношеніи свободенъ, на сколько это однако не противорѣчитъ цѣлямъ цѣлаго союза. Въ первомъ отношеніи достаточно указать на штаты Сѣверо-Американскіе и на кантоны Швейцаріи по конституціи 48 года: во второмъ—на отдѣльныя нѣмецкія государства по союзному акту 1815 года. Иногда и государства вполнѣ самостоятельныя ограничиваютъ себя въ свободѣ заключать трактаты: это бываетъ при союзахъ, опредѣляющихъ болѣе или менѣе тѣсно сферу ихъ политической дѣятельности.

Самостоятельность есть единственное условіе компетенціи для заключенія трактата: всѣ остальныя условія, опредѣляющія фактически государства, не измѣняютъ ея: какъ напр., религія, форма правленія, могущество и т. д. Уже Гроцій доказываетъ, что въ заключеніи трактатовъ могутъ дѣйствовать и государства нехристіанскія, а Ваттель говоритъ: La loi naturelle seule regit les traite's des nations; la difference de religion y est absolument étrangere.

Но государства, какъ личности юридическія, нуждаются въ представителяхъ, которые уже дѣйствуютъ отъ ихъ имени- вопросъ о томъ, кому непосредственно предоставляется власть заключать трактаты, рѣшается по началамъ государственнаго, а не международнаго права. Общее положеніе здѣсь слѣдующее: власть эта принадлежитъ только дѣйствительному представителю государства, кто бы онъ ни былъ, значитъ и узурпатору. Въ неограниченныхъмонархіяхъ это право принадлежитъ государю, въ республикахъ—президенту, сенату или исполнительному совѣту. Трактатъ недѣйствительный въ этомъ отношеніи по началамъ государственнаго права, не дѣйствителенъ и въ международной сферѣ. Поэтому мы должны обращаться каждый разъ къ конституціи, извѣстной страны, если желаемъ рѣшить вопросъ, кто въ ней имѣетъ право заключать договоры. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ президентъ можетъ только тогда заключать трактатъ, когда $^2/_3$ голосовъ въ Сенатѣ изъявятъ на то свое согласіе. По современной конституціи Германской имперіи (отъ 16 апрѣля 71-го г.) заключеніе трактатовъ предоставлено императору, но не иначе, какъ съ согласія союзнаго совѣта и утвержденія рейхстагомъ (Zustimmung des Bundesraths und Genehmigung des Reichstags). Въ конституціонныхъ монархіяхъ трактаты, чтобы были дѣйствительны, должны быть контрасигнованы отвѣтственнымъ министромъ, иногда утверждены палатою.

Въ республикахъ главѣ испольнительной власти (президенту) принадлежитъ какъ бы неполная власть вступать въ международные договоры. Для этого требуется предварительное согласіе какого-либо органа законодальной власти (напримѣръ, сената).

Нѣкоторыя конституціи требуютъ утвержденія палатъ для трактатовъ, возлагающихъ на государство финансовыя обязательства, или требующія уступки территорій, а для остальныхъ предписываютъ только сообщеніе ихъ палатамъ.

Если требуется утвержденіе палатъ, договоры, заключенные безъ этого условія, не дѣйствительны не только съ государственной, но и съ международной точки зрѣнія. Вопросъ же о простомъ сообщеніи ихъ палатамъ не имѣетъ значенія для ихъ дѣйствительности. Но нѣтъ нужды, чтобы трактаты совпадали съ внутренними законами государствъ. Они не дѣлаются отъ этого не дѣйствительными, хотя суды лишаются возможности ихъ прилагать, когда рѣчь заходитъ, напримѣръ, о правахъ частныхъ лицъ. Государство, заключившее такой договоръ, можетъ привлечь къ отвѣтственности лицъ, сдѣлавшихъ это, но оно

остается отвѣтственнымъ предъ другимъ контрагентомъ. Верховный судъ Нью-Іорка высказалъ даже мысль, что трактатъ, не согласный съ извѣстнымъ закономъ государства, равносиленъ отмѣнѣ этого закона. Во всякомъ случаѣ, говоритъ Фіоре, для государства, заключающаго трактатъ, изъ послѣдняго тѣмъ самымъ вытекаетъ обязательность согласовать съ нимъ свои законы.

Иногда бываетъ, что отъ имени государства заключаетъ трактатъ лицо, не уполномоченное на это отъ своего отечества. По аналогіи римскаго права такое лицо называется sponsor, а обязательства, имъ заключаемые, sponsiones.

Такія sponsiones государство не обязываютъ до тѣхъ поръ, пока оно ихъ само не утвердитъ, но и sponsor, если только онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и безъ злого умысла ни къ чему не обязывается: онъ можетъ лишь стараться о полученіи ратификаціи со стороны своего государства для веденныхъ имъ переговоровъ, но, въ случаѣ неуспѣха, не подлежитъ отвѣтственности. Въ Римѣ наоборотъ sponsor не утверждался, sponsor выдавался головою (Регулъ). Въ критическія минуты такія sponsiones бываютъ необходимы: знаменитый примѣръ въ новѣйшей исторіи представляетъ конвенція генерала Іорка отъ 30-го декабря 1812 г., не только заключенная, но и приведенная въ исполненіе безъ полномочія. Прусскій корпусъ самовольно отдѣлился отъ главной арміи Франціи и занялъ нейтральныя квартиры. Чрезвычайныя обстоятельства вполнѣ оправдали впослѣдствіи умное распоряженіе Іорка.

Наконецъ трактаты получаютъ обязательную силу подобно договорамъ въ гражданскомъ правѣ только тогда, когда лица, ихъ заключавшія, дѣйствовали свободно, а не подъ вліяніемъ принужденія, обмана или заблужденія. Но въ международной сферѣ вопросъ этотъ усложняется соображеніемъ въ томъ, могутъ ли государства дѣйствовать подъ вліяніемъ принужденія, и на сколько тогда обязательны договоры? Фіоре отвѣчаетъ категорически: всякій договоръ, заключенный народомъ подъ вліяніемъ насилія, eo ipso не дѣйствителенъ. Мнѣніе это очевидно крайнее и очень опасное, потому что оно узаконяетъ войны и дѣлаетъ дѣйствительное ихъ окончаніе возможнымъ лишь подъ условіемъ полнаго порабощенія противника. Всѣ мирные трактаты оно превращаетъ въ самыя неопредѣленныя и шаткія перемирія. Во второмъ изданіи своего международнаго права Фіоре однако говоритъ, что нравственное давленіе на государство (вслѣдствіе, напримѣръ, войны) не можетъ считаться основаніемъ для оспариваемости трактата, ибо въ дѣйствительности всегда будетъ трудно доказать, что нравственное насиліе съ одной стороны было непреодолимо и безъ достаточнаго юридическаго основанія, а съ другой—будто бы не было возможности ему противостоять. Въ этихъ случаяхъ справедливо говорили римляне: quamvis coactus voluit, att men voluit. Иначе стали бы не мыслимы мирные договоры между народами и войны оканчивались бы всегда совершеннымъ порабощеніемъ или истребленіемъ слабѣйшей стороны.

Довольно темно и неопредѣленно рѣшаетъ этотъ вопросъ Гефтеръ: не всякое принужденіе, говоритъ онъ, и насиліе ведетъ къ недѣйствительности договоровъ, но лишь такое насиліе, которое способно сломить самую сильную волю и прямо угрожаетъ физическому или нравственному существованію государства, такъ что долгъ самосохраненія вынуждаетъ его уступить.

Гораздо рѣзче и послѣдовательнѣе выражается Брюнчли: въ частномъ правѣ угроза и принужденіе уничтожаютъ силу договора, но въ международномъ—существуетъ предположеніе, что государства сами собою всегда дѣйствуютъ свободно, если только ихъ уполномоченные дѣйствуютъ лично свободно. Поэтому обязательны и тѣ договоры, которые заключило государство, принужденное къ тому войною или силою обстоятельствъ. Иногда самые колегіальные органы верховной власти могутъ быть на столько въ состояніи несвободы, что трактаты, ими утвержденные, вслѣдствіе этого не дѣйствительны. Такъ польскій сеймъ, въ послѣдніе дни республики, долженъ былъ утверждать договоры въ то время, какъ войска окружали залы его засѣданій.

2. Другія условія дѣйствительности трактатовъ относятся къ ихъ объекту или содержанію. Гефтеръ называетъ это justa causa договоровъ. Предметомъ (causa) международныхъ обязательствъ можетъ быть все, что только принадлежитъ къ области международныхъ отношеній и оборотовъ. Само собою разумѣется, что каждое государство можетъ обязываться только относительно тѣхъ вещей и правъ, которыя состоятъ въ его власти и распоряженіи. Общее положеніе здѣсь состоитъ въ томъ, что трактатъ не можетъ заключать въ себѣ такихъ условій, которыя противны нравственности и справедливости. Какъ часть нравственности право не можетъ предписывать безнравственнаго. При этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятія народовъ о нравственности мѣняются и совершенствуются по мѣрѣ ихъ развитія. Служа конкретнымъ выраженіемъ юридическихъ истинъ въ извѣстной эпохѣ, трактаты уже по этому вслѣдствіе чисто внутренней причины должны смѣняться. По воззрѣніямъ современнаго человѣчества не дѣйствительными слѣдуетъ признать трактаты, которые захотѣли бы узаконить невольничество, осужденное уже почти всѣми государствами; b) или которые объявили бы безправными иностранцевъ; c) хотѣли бы воспрепятствовать свободнымъ сношеніемъ народовъ между собою по международной территоріи, т. е. ограничить принципъ свободы морей и международныхъ рѣкъ; d) не дѣйствительны трактаты, стѣсняющіе свободу вѣроисповѣданій, какъ она признана на вестфальскомъ и вѣнскомъ конгрессахъ, или узаконяющіе религіозное преслѣдованіе; e) трактаты, имѣющіе цѣлію универсальное владычество извѣстнаго государства; f) вообще нарушающіе права третьей стороны или направленные къ порабощенію другого государства, способнаго къ жизни. Новый договоръ не долженъ противорѣчить старому, еще неотмѣненному. Наконецъ, все договоры заключаются въ предположеніи знаменитой оговорки: rebus sic stantibus.

Это—одинъ изъ самыхъ темныхъ и щекотливыхъ вопросовъ договорнаго права. Трактаты обыкновенно заключаются на вѣчныя времена. Но это—пустая и опасная фраза. Противорѣчіе уже скрывается въ прилагательномъ „вѣчный“, приложенномъ къ слову „время“. Какъ историческія формы проявленія права, договоры, по самой своей природѣ, вѣчными быть не могутъ. Государства обязываются договорами въ виду извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, и договоры обязательны, когда они согласны съ послѣдними. Поэтому, существенное измѣненіе во взаимномъ положеніи сторонъ прекращаетъ между ними трактаты, исполненіе которыхъ является не возможнымъ или опаснымъ.

Австрія отказалась отъ конкордата 1855 г. вслѣдствіе превозглашенія папою Піемъ IX въ 1870 г. догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника.

Поэтому „на вѣчныя времена“ въ сущности должно обозначать: пока времена и обстоятельства существенно не измѣнились. Каждый договоръ заключается при извѣстныхъ условіяхъ, измѣненіе въ которыхъ естественно ведетъ къ измѣненію, прямо или косвенно, самого договора. Вотъ смыслъ оговорки: rebus sic stantibus.

Исчислить всѣ частные случаи, когда rebus mutatis, договоры измѣняются, невозможно: здѣсь требуется прежде всего bona fides, ибо невѣрность даннымъ обѣщаніямъ чрезвычайно подрываетъ кредитъ государства. Даже отжившія формы договоровъ, говоритъ Бернеръ, заслуживаютъ того уваженія, которое оказывается высокому покойнику. Иногда договоры становятся невыносимыми, вслѣдствіе происшедшихъ перемѣнъ въ конституціи. Тутъ государственное право приходитъ въ столкновеніе съ международнымъ. Какъ поступить въ такихъ случаяхъ? Требовать, чтобы договоры абсолютно задерживали политическую жизнь народовъ, невозможно. Въ случаѣ ихъ коллизіи съ основными государственными законами они дѣлаются невыполнимыми. Обязательная сила договоровъ, говоритъ Блюнчли, должна однако уступить основному праву государства на его существованіе и необходимое развитіе. Въ прусскомъ манифестѣ 9 октября 1806 г. эта мысль выражена такъ: Vor allen Tractaten haben die Nationen ihre Rechte.

3. Переходимъ теперь къ формамъ совершенія договоровъ и разсмотримъ этотъ вопросъ сперва съ внутренней, а потомъ съ внѣшней стороны.

а) Для того чтобы договоръ вступилъ въ силу, былъ совершенъ, требуется два основныхъ условія: 1, намѣреніе одной стороны, ясно выраженное, принять на себя извѣстное обязательство по такому то или такому предмету; и 2, другая сторона должна также ясно и несомнѣнно принять обѣщаніе первой.

Изъ этихъ двухъ основоположеній легко вывести дальнѣйшія послѣдствія: всякое одностороннее обѣщаніе (pollictatio) не даетъ еще другой сторонѣ право требовать исполненія этого обѣщанія, даже если бы обѣщаніе было дано торжественнымъ образомъ и уже при-

ступленно отчасти къ его выполненію. Иногда до заключенія самого договора стороны опредѣляютъ въ предварительномъ соглашеніи основанія, на которыхъ онѣ хотятъ заключить этотъ договоръ (partum de contrahendo). Это есть обѣщаніе. Вообще, покуда договоръ находится въ формѣ предварительныхъ совѣщаній, онъ не имѣетъ никакой юридической обязательности. Договоръ не возникаетъ еще также въ томъ случаѣ, если идутъ только предварительные переговоры, хотя и приведшіе уже къ соглашенію сторонъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ. Если въ трактатѣ нѣсколько постановленій главныхъ и дополнительныхъ, между собою связанныхъ—и отдѣльныхъ, необходима заключительная декларація или протоколъ, констатирующіе согласіе сторонъ на счетъ всего договора.

Молчаніе одной стороны при извѣстныхъ дѣйствіяхъ другой также не выражаетъ еще формальнаго согласія первой и не можетъ считаться договоромъ, ибо молчаніе въ юридическомъ отношеніи обозначаетъ только склонность, готовность къ чему-либо, но никакъ не твердое намѣреніе, которое одно, если ясно выражено, даетъ начало договорамъ. Наконецъ, и такъ называемые предположительные договоры или презумптивныя конвенціи—когда одна сторона дѣйствуетъ на основаніи какого-либо юридическаго принципа, предполагая, что и другая сторона будетъ дѣйствовать согласно съ этимъ принципомъ—не создаютъ договоръ въ прямомъ смыслѣ, но остаются въ области факта. Словомъ, пока обѣ стороны явно и формально не выразили свою волю, договоры обязательной силы не имѣютъ.

Договоры совершаются уполномоченными государствъ, дѣйствующими по инструкціямъ своихъ правительствъ. Но они вступаютъ вполнѣ въ силу лишь съ момента ихъ торжественнаго утвержденія (ратификаціи) верховною властію. Въ ратификаціи лежитъ окончательная провѣрка договора. Вопросъ о ней имѣетъ огромное не только юридическое, но и политическое значеніе и не мало занималъ публицистовъ. Впрочемъ, мнѣніе послѣднихъ о ней довольно разнообразны.

Въ гражданскомъ правѣ дѣйствія повѣреннаго въ предѣлахъ его довѣренности обязательны для вѣрителя. Но эта аналогія не приложима къ международному праву, гдѣ дѣло идетъ не о частныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, а великихъ вопросахъ государственной жизни. Гроцій дѣлаетъ различіе между тайными инструкціями (arcana mandata) и явными (instrumentum procuratorium). Государь обязанъ подтвердить то, что совершено его уполномоченнымъ согласно съ его явными инструкціями. Ваттель того мнѣнія, что въ международныхъ дѣлахъ весьма опасно давать кому бы то ни было безграничныя полномочія и что въ силу этого договоры не дѣйствительны до ратификаціи, но что отказъ въ ней необходимо предполагаетъ самыя серьезныя основанія. Мартенсъ (петербургскій профессоръ) допускаетъ, что для обязательности договора ратификація настолько же необходима, насколько необходима санкція для закона. Но едва-ли можно съ нимъ

согласиться, когда онъ далѣе утверждаетъ, что въ исключительныхъ случаяхъ право ратификаціи можетъ быть поручено извѣстнымъ лицамъ, или особымъ повѣреннымъ. Такъ, напримѣръ, во время войны главнокомандующему дается иногда полномочіе не только на самостоятельное заключеніе картелей, но предварительнаго мира, даже право привести предположенныя мирныя условія въ исполненіе, не дожидаясь утвержденія государя.

Кромѣ того, санкція договоровъ ввѣряется иногда управителямъ дальнихъ и пограничныхъ провинцій (у насъ туркестанскій генералъ-губернаторъ пользуется этимъ правомъ въ отношеніи договоровъ съ средне-азіатскими властями, а въ Англіи вице-король Остъ Индіи). Нѣтъ надобности въ ратификаціи, когда въ неограниченныхъ монархіяхъ государи сами непосредственно заключаютъ другъ съ другомъ договоръ. (Въ этой формѣ заключили между собой весьма важный оборонительный и наступательный союзъ Екатерина II и Іосифъ II, обмѣнявшись письмами въ 1781 г.).

Виттонъ допускаетъ отказъ въ ратификаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда уполномоченные не дѣйствовали согласно съ своими предписаніями и кромѣ того, когда 1, выполненіе договора невозможно по физическимъ или нравственнымъ причинамъ; 2, когда окажется такое заблужденіе, что договоръ самъ по себѣ можетъ считаться не состоявшимся и 3, когда между заключеніемъ договора и его ратификаціею совершаются важныя перемѣны въ обстоятельствахъ. Гефтеръ считаетъ ратификацію простымъ подтвержденіемъ того, что уполномоченный не переступалъ данныхъ ему инструкцій. Отказъ въ ратификаціи, даже если послѣдняя уже послѣдовала отъ одной стороны, подрываетъ кредитъ такъ поступающаго государства, но составляетъ въ сущности не правонарушеніе, а просто не совсѣмъ ловкій поступокъ (eine Incorrectheit). Отказъ въ ратификаціи по Мартенсу, необходимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, когда уполномоченные, предписавшіе договоръ, превысили свои полномочія; 2, когда окажется, что предписаніе его было результатомъ насилія надъ волей уполномоченныхъ лицъ или состоялось вслѣдствіе ихъ обмана или ошибки; 3, когда компетентное государственное учрежденіе (парламентъ, конгрессъ, государственный совѣтъ) не дастъ согласія на принятіе договора. При этомъ вполнѣ софистично его мнѣніе, что если верховная власть утвердитъ договоръ безъ спроса такого компетентнаго учрежденія, то другой контрагентъ имѣетъ право требовать его исполненія; 4, когда произошло существенное измѣненіе въ обстоятельствахъ, при которыхъ договоръ подписанъ (напримѣръ, лишеніе престола государя, отъ имени котораго велись переговоры, уничтоженіе самаго предмета договора и т. п.).

Причины отказа хорошо перечисляются, какъ мы видѣли у Виттона и Вурма, но ихъ можно привести къ тому общему началу, что договоры, заключенные къ явному вреду государства, могутъ быть спра-

ведливо лишаемы ратификаціи. Что касается до значенія ратификаціи, то лишь она сообщаетъ вполнѣ законную силу трактату. Но обыкновенно обязательность договора начинается съ момента его подписанія уполномоченными, а не утвержденія его верховною властью Ratihabitio retro trahiiur ad iuitium negotii. Этого мнѣнія держатся большинство публицистовъ: Гефтеръ, Виттонъ, Бернеръ и Блюнчли. Положеніе это, говоритъ послѣдній, вытекаетъ изъ того соображенія, что обыкновенно всѣ отношенія контрагентовъ опредѣляются уже къ моменту подписанія договора, а обмѣнъ ратификацій слѣдуетъ позже и не въ одно время. Капустинъ держится противоположнаго мнѣнія: если не существуетъ спеціальныхъ условій, говоритъ онъ, то каждое государство имѣетъ право считать трактатъ обязательнымъ для себя только съ того времени и въ той формѣ, въ какой онъ ратификованъ верховною властью. Также говоритъ Маргенсъ: до своего утвержденія международный договоръ есть не болѣе, какъ проектъ обязательства или простое обѣщаніе, не имѣющіе юридической силы, и поэтому его дѣйствіе должно начинаться только съ момента ратификаціи. Этого мнѣнія держится и Фіоре. Стороны могутъ признать договоръ обязательнымъ и съ момента его подписанія.

Практика также колеблется между этими двумя мнѣніями, болѣе, однако, придерживаясь перваго. Въ 1 ой статьѣ парижскаго трактата 1856 г. сказано: Il y aura, à dater du jour de l'echange des ratifications du présent traite, paix et amiié etc. Тоже самое встрѣчаемъ въ базельскомъ мирѣ 1795 г. Напротивъ въ конвенціи Россіи, Англіи, Австріи и Прусіи съ Турціею отъ 15-го іюля 1840 г. для спасенія послѣдней отъ Магмета-Али, въ особомъ протоколѣ четырехъ державъ сказано, что всѣ мѣры, обозначенныя во 2-й статьѣ конвенціи, должны быть приведены въ исполненіе немедленно, не дожидаясь ратификаціи. Эти мѣры состояли въ движеніи войскъ и флотовъ для защитъ Константинополя.

в) Съ внѣшней стороны относительно формы совершенія трактатовъ должно замѣтить слѣдующее: международные договоры могутъ быть совершены въ любой формѣ, ясно выражающей волю контрагентовъ. Обыкновенно письменная форма предпочитается и надо сказать, что она наиболѣе удобная. Пейронъ и Щмальцъ требуютъ ее даже безусловно, но съ этимъ не согласуются практика и большинство писателей по нашему предмету. Мартенсъ говоритъ, что словесная форма вполнѣ возможна для международныхъ договоровъ, но конституціонные порядки въ современныхъ государствахъ мало для нея благопріятны. Одно изъ внѣшнихъ формальныхъ условій состоитъ въ провѣркѣ полномочій лицъ, которымъ поручено вести переговоры.

Въ прежнія времена договоры получали свою обязательную силу не сами по себѣ, а отъ религіи. Они ставились подъ особое покровительство боговъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ томъ отношеніи, что практика обыкновенно начинается словами: „Во имя

святой и нераздѣльной Троицы", а если заключаются съ мусульманами—словами: „Во имя Всемогущаго Бога". Затѣмъ во введеніи обозначаются имена государей, вступающихъ въ договоръ и уполномоченныхъ, заключающихъ его. Самый corpus scripturae излагается по статьямъ: сначала идутъ общія обязательства, потомъ частныя, средства исполненія, обезпеченія и т. п. Статьи обозначаются числами. Наконецъ, слѣдуютъ подписи уполномоченныхъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединяются ратификаціи.

Послѣ общихъ статей помѣщаются иногда статьи отдѣльныя, и секретныя. Послѣднія не допускаются по американскому законодательству. Всѣ международные договоры пишутся въ настоящее время на французскомъ языкѣ.

Актъ договора копируется въ нѣсколькихъ экземплярахъ, instruments, по числу договаривающихся сторонъ. При означеніи имени государей и ихъ уполномоченныхъ всегда держатся начала альтерната. Для обязательной силы договора не требуется его обнародованіе, хотя опубликованные трактаты скорѣе выполняются, чѣмъ тайные.

Въ конституціонныхъ государствахъ договоры не подлежатъ публикаціи ранѣе утвержденія ихъ палатами. У насъ всѣ трактаты публикуются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ точно такъ же, какъ законы Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта. Секретныя статьи и договоры не публикуются, но и они должны быть сообщены всѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыхъ могутъ касаться.

3. Обезпеченіе трактатовъ.

Во внѣшней формѣ происхожденія трактата лежитъ принципъ договорный, который вообще не чуждъ всякаго рода государственнымъ актамъ, но по своей внутренней силѣ, по своему приложенію и послѣдствіямъ, трактатъ имѣетъ характеръ закона: онъ есть конкретное выраженіе общихъ началъ международнаго права, выработанныхъ цивилизаціею извѣстной эпохи.

Хотя простой, безыскусственный голосъ совѣсти предписываетъ даже необразованному человѣку свято блюсти разъ данное слово, pacta sunt servanda и fides etiam hosti servanda, но сильные политическіе интересы весьма часто побуждаютъ государство къ нарушенію заключенныхъ ими договоровъ. Поэтому съ давнихъ поръ практика старалась обезпечить договоры различными способами. Исчислимъ вкратцѣ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Присяга государей была обыкновеннымъ способомъ обезпеченія трактатовъ въ средніе вѣка и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Такъ присягою были подтверждены мадридскій договоръ между Францискомъ I и Карломъ V 1526 г.; миръ въ Камбре 1529 г.; въ Шато-

Камбрези 1559 г.; мюнстерскій—1648 г.; пиринейскій—1659 г.; рейсвикскій—1697 г. и т. д. Послѣдній примѣръ такой присяги мы встрѣчаемъ въ 1777 по поводу трактата между Франціей и Швейцаріей въ Солотурнѣ. Значеніе присяги въ средніе вѣка сильно было поколеблено папами, присвоившими себѣ право освобождать отъ нея государей и нерѣдко за деньги. Такъ Юлій II освободилъ отъ присяги Фердинанда Католика. Левъ X и Климентъ VII дозволили Франциску I нарушить мадридскій договоръ. Это заставило многихъ государей оговариваться, что они не будутъ обращаться къ папамъ съ просьбами объ освобожденіи ихъ отъ присяги. Впрочемъ присяга не придаетъ договорамъ собственно юридическаго освященія и безъ нея они одинаково обязательны для контрагентовъ. Какъ чисто религіозный обрядъ, присяга можетъ связывать только лица, которыя ее принесли, но не государство, какъ юридическую личность.

2. Закладъ и залогъ (оккупація) чаще всего употребляются при трактатахъ денежныхъ. Заклады вещей (движимости) съ цѣлью обезпечить исполненіе договора встрѣчались рѣдко (закладъ Польшею своихъ коронныхъ брилліантовъ Пруссіи). Залогъ же состоитъ въ занятіи войсками одного государства части территоріи другого, пока послѣднее не исполнитъ своего обязательства. Обычай давать залогъ съ теченіемъ времени вывелся, потому что государства не допускали овладѣнія заложенною провинціею въ случаѣ неисполненія обязательствъ. Одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ залога между государствами представляетъ Пруссія въ 1808 г.: она отдала Франціи свои крѣпости Штенинъ, Кюстринъ и Глогау въ обезпеченіе уплаты 140 милліоновъ франковъ.

Часто правительства предоставляютъ частнымъ лицамъ, своимъ кредиторамъ въ видѣ залога тотъ или другой источникъ государственныхъ доходовъ, обезпечивающій исправное погашеніе займа и уплату %. Такими залогами пользуются, напримѣръ, англійскіе и французскіе кредиторы Турціи и Египта.

Юридическія отношенія между государствами—залогодателемъ и залогосодержателемъ не вполнѣ подходятъ подъ понятіе о залогѣ въ гражданскомъ правѣ. Различіе выражается какъ въ предметѣ, такъ и дѣйствіи этого рода обязательствъ. Предметомъ международнаго залога является территорія государства, а не частная собственность. Затѣмъ, тогда какъ въ частно правовыхъ отношеніяхъ просроченный залогъ обыкновенно подлежитъ продажѣ; въ отношеніяхъ международныхъ, въ случаѣ неисполненія обязательствъ, заложенная (занятая) территорія присоединяется къ владѣніямъ оккупанта.

3. Заложники (otages, Seiseln) употреблялись также въ средніе вѣка и до XVIII столѣтія. Теперь же употребляются только въ военное время и въ отношеніяхъ съ полуобразованными народами. Послѣдній примѣръ ихъ относится къ 1748 г., когда въ обезпеченіе ахенскаго мира Англія отправила во Францію заложниками—лордовъ

Суссекса и Каткарта. Они жили въ Парижѣ совершенно свободно и черезъ годъ возвратились въ отечество. Въ заложники обыкновенно избирались высоко-поставленныя лица. Они ограничиваются, въ время задержанія, въ своей личной свободѣ, но не отвѣчаютъ если отечество ихъ не выполнитъ договора, своимъ имуществомъ или же жизнію. Поэтому всякая строгость противъ нихъ неумѣстна. Если они умираютъ во время своего задержанія, отечество ихъ не обязано поставить новыхъ заложниковъ, ибо этого рода обезпеченіе договоровъ есть личное и съ самими личностями естественно прекращающееся.

Гарантіи трактатовъ; такъ называются особыя условія въ договорахъ, въ силу которыхъ одно государство принимаетъ на себя обязательство подать другому помощь въ случаѣ нарушенія гарантируемаго трактата. Вопросъ о гарантіяхъ весьма важенъ и сложенъ на практикѣ; онъ вызывалъ безчисленные споры и даже враждебныя столкновенія между государствами. Но до спеціальнаго его изученія мы должны сказать предварительно нѣсколько словъ о содѣйствіи третьихъ государствъ при заключеніи трактатовъ. Случаи такого содѣйствія или вступничества слѣдующіе: а) предложеніе добрыхъ услугъ (bona officia) для открытія переговоровъ между двумя сторонами или для окончанія ихъ и заключенія самаго договора. Эта форма вступничества особенно употребительна въ военное время, когда третье нейтральное государство предлагаетъ двумъ враждебнымъ державамъ возстановить между собою прежнія миролюбивыя отношенія и для этой цѣли беретъ на себя иниціативу ихъ сближенія. Когда предлагающее свои услуги государство вступается за одну изъ сторонъ и проситъ о болѣе выгодныхъ для послѣдней условіяхъ и т. д. Все это имѣетъ совершенно добровольный характеръ и не создаетъ никакихъ юридическихъ обязанностей ни для той или другой договаривающейся стороны, ни для государства, дѣлающаго предложеніе своихъ услугъ. Вообще, это предложеніе дѣлается, какъ по собственной волѣ нейтральнаго государства, такъ и по просьбѣ одной изъ договаривающихся сторонъ.

б) Посредничество (mediatio) создаетъ гораздо болѣе юридическихъ отношеній, чѣмъ первая форма вступничества. Оно состоитъ въ томъ, что третье государство по собственной иниціативѣ или по приглашенію заинтересованныхъ сторонъ беретъ на себя участіе въ ихъ переговорахъ. Въ этомъ случаѣ посредникъ не ограничивается общимъ предложеніемъ своихъ услугъ, но выступаетъ съ собственными проектами и активно вліяетъ на весь ходъ переговоровъ. Но дѣятельность его исключительно мирнаго характера: средства насильственныя, угрозы для принужденія къ соглашенію онъ употреблять не можетъ. Такъ называемое вооруженное посредничество (каково было посредничество Англіи, Франціи и Россіи въ силу Лондонскаго трактата 6 іюля 1826 между Турціей и Грецією) есть уже вмѣшательство и первый шагъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, за

Лондонскимъ трактатомъ послѣдовалъ 20 октября 1827 г. бой Наваринскій.

с) Гарантія *), поручительство въ прямомъ смыслѣ. Поручительство основывается на сознаніи государствами солидарности своихъ интересовъ, въ виду которой они и принимаютъ на себя обязательство обезпечить отдѣльно или сообща исполненіе даннаго трактата, защитить право извѣстнаго народа или охранить извѣстное положеніе вещей (statu quo).

По существу своему гарантія есть дополнительный договоръ, и судьба его связана съ главнымъ. Однако, если гарантія вызвана интересами всего международнаго общенія, она является уже не дополнительнымъ договоромъ, а самостоятельнымъ актомъ. Въ средніе вѣка гарантія носила своеобразный, чисто-феодальный характеръ: договоры обезпечивались тѣмъ, что могущественные вассалы и подданные своими обѣщаніями подтверждали договоры, заключенные ихъ государями, и, въ случаѣ вѣроломства послѣднихъ, открыто противъ нихъ возмущались. Такіе вассалы назывались conservatores pacis, warandi, garants).

Теперь сами государства принимаютъ на себя обезпеченіе договоровъ. Хотя гарантія представляетъ высшую форму обезпеченія, которую можетъ получить трактатъ въ международной сферѣ, но исторія показываетъ намъ, что будучи въ свою очередь новымъ договоромъ, гарантія естественно подлежитъ той же шаткости и неопредѣленности, которыми вообще отличаются международные договоры. Уже Фридрихъ Великій говоритъ о ней Toutes l'es garanties sont comme de l,ouvrage defiligrane, plus propres á satisfaire les yeux, qu'a étre de quelque utilité. Одинъ изъ знаменитыхъ примѣровъ непрочности гарантіи представляетъ прагматическая санкція Карла VI, принятая и утвержденная почти всѣми европейскими державами. Вопреки всѣмъ гарантіямъ Польша сдѣлалась жертвою многократныхъ раздробленій. Извѣстный семейный договоръ между французскими, испанскими и сицилійскими бурбонами 1761 г. не далъ первымъ помощь Испаніи и Сициліи и даже не удержалъ ихъ на престолѣ Франціи.

Главная причина непріятности гарантій заключается въ томъ, что интересы гарантирующаго государства съ теченіемъ времени мѣняются и во вторыхъ, въ томъ, что положеніе его независимо, и оно часто къ выполненію своихъ обязательствъ не можетъ быть принуждено. Нерѣдко обстоятельства такъ измѣняются, что при наступленіи casus foederis гарантировавшее государство отказываетъ въ своей помощи. Что дѣлать тогда заинтересованной сторонѣ? Объявить войну вѣроломному союзнику и вмѣсто одного врага получить двухъ? Поэтому гарантіи падаютъ сами собой, коль скоро исчезли интересы ихъ вызвавшіе. При существованіи, напротивъ, важныхъ интересовъ государства вступаютъ въ дѣло и безъ предварительныхъ гарантій. Собственно теорія о нихъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ:

*) Berner Yolkerrechtliche Garantie (Staatsworter Buch IV, 65).

1) Предметомъ гарантіи можетъ быть каждое юридическое отношеніе, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія дѣла государства. Исторія представляетъ намъ гарантіи мирныхъ трактатовъ (нимвегерскій—1679 г., рисвикскій—1697 г., ахенскій—1748 и мн. др.); трактатовъ, опредѣляющихъ границы извѣстныхъ государствъ (договоръ 21 мая 1855 г. между Франціей, Англіей, Швеціей и Норвегіей о нераздѣльности обѣихъ сѣверныхъ державъ) трактатовъ о престолонаслѣдіи (утрехтскій миръ 1713., договоры о престолонаслѣдіи въ Неаполѣ и Сициліи—1736 г., въ Австріи—1748, Испаніи 1808 г. и т. д.); трактатовъ объ устройствѣ государства (напр., гарантія германской конституціи 1647 г. со стороны Франціи и Швеціи,—польской—1875 г. со стороны Австріи, Пруссіи и Россіи,—конституціи германскаго союза 1815 г. со стороны всѣхъ державъ, подписавшихъ актъ Вѣнскаго конгресса).

Вообще конституція извѣстной страны можетъ быть предметомъ иностранной гарантіи въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ; а) когда одно государство гарантируетъ другому неприкосновенность его конституціи противъ третьей стороны. Нарушеніе конституціи послѣднею вызываетъ для гаранта право и обязанность интервенціи. b) Когда гарантія дается государю и народу вмѣстѣ противъ измѣненія конституція собственно внутренними ея врагами, какъ въ 1-мъ случаѣ врагами внѣшними. Цѣль гарантіи заключается здѣсь въ противодѣйствіи какой нибудь отдѣльной антиконституціонной партіи. Но если конституція измѣняется по добровольному соглашенію государя съ народомъ—гарантія не даетъ права вмѣшательства. c) Когда государь обязывается предъ другою державою не измѣнять государственнаго строя своей страны. Нарушеніе этого обѣщанія даетъ, говорятъ, иностранному государству право вмѣшательства. Мы видимъ, даже въ нашемъ столѣтіи нѣсколько примѣровъ такихъ гарантій трона противъ угрожающихъ ему народныхъ движеній. Особенно итальянскіе государи думали утвердить свои престолы, поставивъ ихъ подъ гарантіи австрійскаго абсолютизма; таковы напр., договоры между Наполеономъ и Австріей отъ 15 іюня 1815 г., между Тосканой и Австріей отъ 15 іюня того же года, между Моденой и Австріей отъ 24 декабря 1847 г. и др. Такіе договоры недѣйствительны ipso jure они причиняютъ безполезное, ненужное униженіе для страны, принимающей гарантію. Въ минуту дѣйствительной опасности когда колеблется тронъ, конституція не поддержится иноземною гарантіею, а за то въ обыкновенное время послѣдняя даетъ иностранной державѣ оскорбительное право контролировать каждый шагъ страны, подчинившейся ея гарантіи, мѣшать ея свободному внутреннему развитію и результатомъ своимъ имѣетъ установленіе въ этой странѣ пагубнаго недовѣрія между правительствомъ и народомъ. Обязанность государя измѣнить конституцію своей страны во всякомъ случаѣ стоитъ выше его обязанности исполнить договоръ, создающей такую гарантію. Сводя все сказанное къ общему результату, мы должны измѣтить, что всѣ иноземныя гарантіи тѣхъ или другихъ консти-

тущій должны быть осуждены: слабыя государства черезъ это становятся жертвою иноземныхъ вмѣшательствъ и лишаются болѣе или менѣе внутренней независимости, а государства сильныя не нуждаются въ гарантіяхъ, да и не задерживаются послѣдними въ свободномъ проявленіи своей политической жизни.

2) Относительно самихъ *контрагентовъ* въ разсматриваемыхъ нами договорахъ бываетъ два случая; либо сами контрагенты даютъ другъ другу взаимную гарантію въ неприкосновенности ихъ постановленій противъ третьихъ лицъ, либо третья, договору не причастная сторона принимаетъ на себя гарантію извѣстнаго трактата и обѣщаетъ даже силою принудить къ его выполненію ту сторону, которая первая нарушитъ статьи этого трактата. Примѣръ гарантій перваго рода мы видимъ въ мирномъ договорѣ Оливскомъ 1660 г., гдѣ всѣ договаривающіяся стороны гарантировали другъ другу постановленія этого мира. Ахенскій миръ 1748 г. взаимно гарантированъ 8-ю державами, его подписавшими и т. д. Напротивъ державы—посредственницы приняли на себя гарантію Тешенскаго мира, заключеннаго въ 1779 г. между Австріей и Пруссіей. Блюнчли даетъ даже различное названіе обоимъ видамъ гарантій: первый видъ онъ называетъ Garantiebeschluss, второй Bürgschaftsgarantie, и прибавляетъ, что въ первомъ случаѣ права и обязанности гарантіи существуютъ самостоятельно для каждаго гаранта, а во второмъ они поставлены въ зависимость отъ того государства, въ пользу котораго дается гарантія.

3) Гарантіи проявляются обыкновенно въ двухъ *формахъ*: либо условія о нихъ высказываются въ самомъ же главномъ договорѣ, опредѣляющемъ права и обязанности контрагентовъ; тогда они составляютъ прибавленіе къ инструменту договора; либо гарантіи излагаются въ особомъ дополнительномъ договорѣ, имѣющемъ тогда характеръ акцессорнаго, добавочнаго. Первая форма примѣняется особенно тогда, когда гарантію даютъ сами контрагенты взаимно другъ другу; если же она (гарантія) дается третьимъ постороннимъ государствомъ, то возможны одинаково обѣ формы. Иногда позднѣйшій договоръ, въ особой статьѣ подтверждаетъ договоръ болѣе древній. Спрашивается, какъ относится гарантія къ нимъ обоимъ, т. е. гарантія, данная позднѣйшему договору, простирается ли eo ipso и на древнѣйшій? Практически вопросъ этотъ получилъ извѣстность по поводу гарантіи Тешенскаго мира 1779 г. Россіею. Въ 12 ст. этого трактата включенъ Вестфальскій миръ слѣдующею оговоркою; „возобновляются и подтверждаются трактаты Вестфальскій, Бреславскій, Бершинскій и Дрезденскій такъ, какъ бы они были внесены слово въ слово въ настоящій актъ". На этомъ основаніи Россія, по замѣчанію Капустина, признавала себя всегда защитницей и охранительницей не только мира Тешенскаго, но также и Вестфальскаго. Мы также находимъ мнѣніе это правильнымъ, хотя нѣмецкіе публицисты конца прошлаго столѣтія, а между новѣйшими Бернеръ и утверждаютъ, что оговорка, подобная нами приве-

денной, еще не дѣлаетъ древнѣйшій договоръ составною частью (integrirenden Bestandtheil) новѣйшаго.

4) При опредѣленіи взаимоотношеній гаранта къ гарантируемому надобно прежде всего заботиться о томъ, чтобы гарантія не уничтожала самостоятельности и свободы послѣдняго. Отсюда вытекаютъ слѣдующія положенія; гарантъ (поручитель) можетъ дѣйствовать въ пользу гарантируемаго не иначе, какъ по его приглашенію и въ предѣлахъ, дозволяемыхъ международнымъ правомъ. Въ случаѣ неуспѣшности его усилій гарантъ не обязанъ къ вознагражденію заинтересованной стороны. Онъ вообще не вступаетъ въ мѣсто другого контрагента. Онъ не можетъ принуждать къ выполненію обѣ стороны, развѣ будутъ прямо затронуты его собственныя права или права всего международнаго союза. Самъ по себѣ права вмѣшательства на основаніи гарантіи онъ не имѣетъ. Гарантируемый можетъ добровольно отступиться отъ своего права, либо захотѣть собственными силами его поддерживать:—въ обоихъ случаяхъ гаранту нечего дѣйствовать. Но съ другой стороны гарантируемый не можетъ требовать, чтобы гарантъ толковалъ извѣстный договоръ именно въ его смыслѣ. Тутъ легко возникаютъ разногласія.—Какъ ихъ рѣшить? Очевидно ни одна сторона не обязана уступить другой; если гарантъ толкуетъ договоръ поставленвый подъ его охрану иначе, чѣмъ гарантируемый, онъ всегда можетъ воздержаться отъ дѣйствія; если онъ далъ гарантію двумъ сторонамъ, онъ окажетъ помощь той изъ нихъ, съ которою самъ согласенъ. Далѣе же этого онъ не можетъ идти, онъ можетъ присвоить себѣ роль судьи, независимо стоящаго надъ партіями и имъ предписывающаго свое собственное мнѣніе о casus foederis.

5) *Мѣра* гарантіи рѣдко опредѣляется; большею частью гарантъ обѣщаетъ содѣйствовать извѣстному дѣлу всѣми своими силами. Конечно и такое обѣщаніе по природѣ своей имѣетъ характеръ вспомогательный т. е. предполагаетъ, что гарантируемый обязанъ прежде всего дѣйствовать собственными силами и что гарантъ, по возможности исполнившій лежавшія на немъ обязанности, не подлежитъ отвѣтственности за неуспѣхъ, т. е. отъ него нельзя требовать вознагражденія за убытки.

6) Гарантъ самъ по себѣ не имѣетъ права помѣшать контрагентамъ измѣнить или даже совершенно уничтожить главный договоръ. Этимъ прекращаются и его обязанности, существующія впрочемъ всегда подъ условіемъ salvo jure tertii. Гарантія не съ международнымъ характеромъ, а съ государственнымъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если въ сложномъ государствѣ центральное правительство приняло подъ свою охрану для отдѣльныхъ членовъ извѣстную форму правленія: такъ статья 4 американской конституціи 1784 г. гарантируетъ каждому Штату республиканскую форму правленія. Сводя все сказанное нами о гарантіяхъ къ общему результату, мы должны сознаться, что онѣ представляютъ по справедливому отзыву Мартенса, болѣе кажущуюся, нежели дѣйствительную пользу.—„L' utlité en est plus spècieuse que rèelle“.

По *формѣ* гарантіи бываютъ *простыя* и *сложныя*. Простая состоитъ въ томъ, что какое либо третье государство *одно* ручается за исполненіе даннаго договора. Сложная форма поручительства является во 1-хъ въ видѣ *взаимной* гарантіи государствами неприкосновенности своихъ правъ или владѣній (Россія и Франція гарантировали другъ другу по Тильзитскому трактату 1807 г. цѣлость принадлежавшихъ имъ владѣній; Россія и Австрія по Мюнхенгрецкой конвенціи 1833 г. другъ другу спокойное и мирное владѣніе польскими провинціями). Во 2-хъ *Коллективная* гарантія нѣсколькими государствами сообща за сохраненіе извѣстнаго порядка вещей или владѣній и правъ даннаго народа. Трактатомъ 1832 г. Англія, Франція и Россія поручились сообща за независимость Греціи; трактаты Вѣнскій 1815 г. и Лондонскіе 1831, 30 и 67 г. постановили о вѣчномъ нейтралитетѣ Швеціи, Бельгіи и Люксембурга. Въ 1856 г. Австрія, Франція и Англіи гарантировали между собою неприкосновенность Оттоманской Имперіи.

Поручительство прекращается: по соглашенію между гарантами вслѣдствіе отказа того государства, въ пользу котораго оно сдѣлано; истеченіемъ срока дѣйствія договора и, наконецъ, съ уничтоженіемъ объекта гарантій.

4) Юридическое движеніе трактатовъ.

Между своимъ возникновеніемъ и прекращеніемъ трактаты подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ, на которыя мы теперь должны обратить вниманіе.

1) Правильно заключенный договоръ не нуждается въ подтвержденіи (confirmation), но послѣднее сдѣлается необходимымъ, когда возникаютъ сомнѣнія относительно его дѣйствительности и приложенія. Такое подтвержденіе встрѣчается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующій трактатъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ часть позднѣйшаго, новаго трактата. Мы уже видѣли, что по ученію Бернера такое подтвержденіе не уничтожаетъ самостоятельности прежняго договора.

Diese Klausel macht nicht ohne Weiters de alten Vertrag zu einem einvlrle ibten Bestandtheile des neuen, sondern sie bildet nur eine Anerkennug des altern, als eines abgesonderten.

Иногда государи, при восшествіи своемъ на престолъ, объявляютъ, что они будутъ соблюдать всѣ предшествующіе трактаты и такимъ образомъ даютъ имъ новое подтвержденіе. Впрочемъ, такой актъ есть ни что иное, какъ излишняя формальность: трактаты заключаются государствами и потому ихъ обязательность не зависитъ ни отъ лица монарха, ни отъ перемѣны династіи, ни отъ формы правленія: вообще всѣ трактаты, заключенные государствами, обязательны для народа, хотя бы монархія превратилась въ республику или наоборотъ, потому что народъ остается тотъ же при различныхъ правительствахъ.

2) Далѣе, трактаты продолжаются (возобновляются) [renouvelle mentъ, prolongation], когда окончился срокъ ихъ дѣйствія. При этомъ необходимо ясно выраженное согласіе обоихъ контрагентовъ возобновить договоръ. Впрочемъ и молчаливое возобновленіе встрѣчается, но оно можетъ легко дать поводъ къ различнымъ нареканіямъ между контрагентами: является тогда сомнѣніе относительно срока возобновленія. Такимъ образомъ, трактатъ вступаетъ въ новую жизнь либо цѣликомъ, либо въ нѣкоторыхъ частяхъ. Возобновленіе трактата есть собственно заключеніе новаго договора, хотя и сходнаго съ прежнимъ, поэтому оно требуетъ тѣхъ же самыхъ условій, какъ созданіе новаго трактата. Возможность возобновленія договора, заключеннаго на срокъ, обыкновенно оговаривается въ особой статьѣ, при чемъ говориться, что сторона, не желающая продолженія договора обязана предувѣдомить о томъ другую по крайней мѣрѣ за годъ до истеченія срока, въ противномъ случаѣ договоръ считается молчаливо продолженнымъ еще на годъ.

3) Иногда договоры не возобновляются, а лишь возстановляются (retablissement), послѣ того какъ дѣйствія ихъ были пріостановлены на нѣкоторое время въ случаѣ войны или по другимъ причинамъ. Таковы видоизмѣненія, которымъ подвергаются договоры сами по себѣ; впрочемъ дипломатическій языкъ не различаетъ строго только что указанныя нами измѣненія, часто употребляя одинъ терминъ взамѣнъ другаго.

Но иногда трактаты приходятъ въ столкновеніе между собою и это рождаетъ вопросъ о ихъ толкованіи.

Противорѣчіе между трактатами, относящимися къ различнымъ эпохамъ, не удивительно. Отрожая юридическое сознаніе извѣстной эпохи или извѣстнаго народа они измѣняются по мѣрѣ развитія этого сознанія. Lex posterior derogat priori—это положеніе вполнѣ примѣнимо и къ международному праву. Но иногда коллизія возникаетъ и между трактатами, относящимся къ одной и той же эпохѣ. Какія правила толкованія принять въ такихъ случаяхъ?

Общія начала, существующія относительно коллизіи законовъ и договоровъ, прилагаются и къ трактатамъ, т. е. 1, если приходятъ въ столкновеніе два трактата, одинъ дозволяющій что-либо, а другой запрещающій то же самое, то первый долженъ уступить мѣсто второму и во 2-хъ частный трактатъ долженъ имѣть больше силы, чѣмъ общій. Однако послѣднее начало прилагается только къ трактатамъ, имѣющимъ исключительно характеръ договора между двумя государствами. Напротивъ, относительно трактатовъ, касающихся всего международнаго союза, дѣйствуетъ другое начало: необходимо отдать преимущество тому трактату, который болѣе производителенъ, т. е. условія котораго болѣе соотвѣтствуютъ общей пользѣ.

При исполненіи трактатовъ весьма часто восникаютъ вопросы о ихъ дѣйствительномъ смыслѣ, а потому необходимы нѣкоторыя общія

правила относительно толкованія договоровъ. Почти всѣ публицисты Гроцій, Пуффендорфъ, Ваттель и др. занимались этимъ вопросомъ. Знаминитые цивилисты Потье и Дома изслѣдовали его съ чрезвычайною ясностью, и тѣ начала, которыя они установили для частныхъ договоровъ могутъ быть въ извѣстной степени прилагаемы и къ трактатамъ.

При отсутствіи въ международной сферѣ верховной власти, стоящей надъ контрагентами, аутентическое толкованіе трактатовъ исходитъ отъ самихъ государствъ или отъ добровольно выбранныхъ ими посредниковъ (arbitrage). Собственно говоря черезъ это возникаетъ новый трактатъ, поясняющій или исполняющій трактатъ предшествующій.

Въ международной практикѣ встрѣчается и обычное толкованіе, т. е. основанное на прецедентахъ. Вообще aequitas должна прилагаться къ международнымъ вопросамъ болѣе, чѣмъ къ какимъ бы то ни было другимъ юридическимъ вопросамъ. Она должна смягчать строгую логику чисто юридическихъ выводовъ, приводя ихъ въ согласіе съ требованіями живого, матеріальнаго права. Цѣль договора и соотношеніе его частей сами собой указываютъ иногда на неудачность того или другаго выраженія. Все, что ясно, не должно подлежать толкованію—таково одно изъ основныхъ правилъ интерпретаціи уже по Ваттелю. Когда въ трактатѣ встрѣчаются неясность или неполнота, то возникающіе отсюда убытки падаютъ на тѣхъ, кто могли бы лучше выразить свою мысль. Уже римское право въ этомъ отношеніи постановляло: Obscuritas pacti nocet ei, qui apertius loqui potuit.

Договоры, заключенные въ исключительныхъ интересахъ одного изъ контрагентовъ, интерпретируется въ сомнительныхъ случаяхъ въ пользу обремененной стороны. Всѣ международные договоры должны быть толкуемы bona fide; всегда необходимо предполагать, что государства, ихъ подписавшія, имѣли въ виду добросовѣстное ихъ толкованіе и исполненіе.

Наконецъ трактаты могутъ быть предметомъ и ученаго истолкованія. Его дѣлятъ на грамматическое и логическое. Первое бываетъ достаточно только въ томъ случаѣ, когда намѣреніе договаривающихся сторонъ ясно выражено, и вопросъ состоитъ лишь въ пониманіи извѣстныхъ словъ. При этомъ за правило принимается слѣдовать очевидному, обыкновенному смыслу словъ и объяснять его не изъ отдѣльныхъ выраженій, а изъ всего акта.

Логическое истолкованіе имѣетъ въ виду объяснить смыслъ всего трактата, его цѣль и мотивы. Поэтому, каждое отдѣльное выраженіе должно быть понимаемо въ связи со всѣмъ трактатомъ. При логическомъ толкованіи содержанія трактата надо обращать вниманіе на историческое его происхожденіе, на намѣреніе, цѣли и духъ самого договора и на согласіе его постановленій съ господствующими началами международнаго права.

Что касается до аналогіи, то она можетъ быть прилагаема къ трак-

татамъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Съ аналогіей надо обращаться очень осторожно, чтобы какъ нибудь по ошибкѣ не приписать чего либо новаго толкуемому договору.

Перехожу теперь къ одному изъ самыхъ запутанныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ въ нашей наукѣ о классификаціи трактатовъ.

5) Разные виды трактатовъ.

Писатели по международному праву чрезвычайно расходятся между собою во мнѣніяхъ относительно дѣленія трактатовъ на различные роды. Почти каждый изъ нихъ предлагаетъ свою систему дѣленія, и постороннему человѣку не легко выпутаться изъ этого лабиринта другъ другу противорѣчащихъ мнѣній. Оставляя въ сторонѣ за недостаткомъ времени мнѣнія ученыхъ, по этому поводу, мы изложимъ вкратцѣ нашу классификацію.

Международные договоры можно дѣлить или по степени ихъ важности или по предметамъ. Въ первомъ отношеніи мы получимъ конвенціи, трактаты и декларації.

Конвенціи опредѣляютъ одно какое либо отношеніе между государствами или обязываютъ ихъ къ одному извѣстному дѣйствію.

Трактаты устанавливаютъ между ними цѣлый рядъ отношеній.

Декларації высказываютъ отъ имени большинства или всѣхъ государствъ извѣстные общіе принципы международнаго права. Онѣ въ отличіе договорныхъ нормъ носятъ по преимуществу законодательный характеръ. Воля отдѣльнаго государства не можетъ ихъ отмѣнить. Не обязывая государство, ихъ не принявшее, онѣ вполнѣ международные законы, если приняты большинствомъ европейскихъ государствъ.

По предметамъ же трактаты дѣлятся на политическіе, соціальные и юридическіе.

6. Прекращеніе договоровъ.

При всей аналогіи трактатовъ съ договорами по частному праву они представляютъ однако много особенныхъ имъ присущихъ характеристическихъ чертъ, съ которыми отчасти уже познакомились, но которыя особенно ярко выступаютъ въ ученіи о прекращеніи трактатовъ.

Обыкновенно принято заключать трактаты (особенно мирные) на вѣчныя времена. Мы уже имѣли случай указывать на все противорѣчіе такого положенія. Вѣчность договоровъ въ дѣйствительности обозначала бы только политическую смерть народовъ. Договоры, какъ и конституціи, не вѣчны, потому что, соотвѣтствуя извѣстнымъ политическимъ потребностямъ опредѣленнаго народа въ данную эпоху, они необходимо должны мѣняться съ перемѣною тѣхъ обстоятельствъ,

которыми названы. Rebus mutatis падаетъ внутреннее разумное основаніе договора.

По поводу отказа Россіи въ 1870 г. отъ исполненія извѣстныхъ статей Парижскаго трактата Дж. Ст. Милль доказывалъ (Treaty. Obligations въ Tortnightly Review 1 декабря 1870 г.) до какой степени нелѣпо связывать государства вѣчными обязательствами; при этомъ онъ высказалъ то мнѣніе, что разумно можно обязать народъ только договоромъ, заключеннымъ на опредѣленный срокъ, не превышающій жизнь одного поколѣнія.

Но съ другой стороны соблюденіе трактата должно быть гарантировано до послѣдней возможности. Право само по себѣ способно къ жизни и съ жизнью развивается, но это развитіе должно совершаться въ предѣлахъ юридическихъ нормъ. Трактаты прекращаются отъ слѣдующихъ причинъ: 1) исполненіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя составляли его содержаніе, если только трактатъ не обязываетъ къ постоянному дѣйствію; 2) истеченіемъ срока, если договоръ былъ заключенъ на опредѣленное время; 3) взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ (mutuus dissensus отрицаетъ прежній mutuus consensus); 4) отказомъ одной изъ сторонъ, если это разрѣшено въ договорѣ; 5) произвольное нарушеніе договора одною стороною даетъ другой право отступиться отъ него. Въ гражданскомъ правѣ невыполненіе договора даетъ обиженному только право иска, а въ международномъ это уничтожаетъ весь договоръ. Впрочемъ иногда въ трактатѣ сопоставляются различные отдѣльные предметы безъ необходимой внутренней связи, въ такомъ случаѣ при измѣненіи или нарушеніи нѣкоторыхъ статей, остальныя не теряютъ своей силы; 6) договоры прекращаются, когда одинъ изъ контрагентовъ потеряетъ свою самостоятельность или 7), когда ихъ существованіе становится не совмѣстнымъ съ государственнымъ развитіемъ извѣстнаго народа или вообще съ новыми, болѣе гуманными воззрѣніями международнаго права; 8) наконецъ, война не уничтожаетъ существующихъ трактатовъ, а развѣ только пріостанавливаетъ на время ихъ дѣйствіе. Прежде когда война почиталась состояніемъ безправія, полагали, что она прекращаетъ дѣйствіе трактатовъ, и что при возстановленіи мира требуется особенно ясно выраженное условіе о томъ, что всѣ предшествующіе трактаты снова получаютъ свою силу. Такъ выражается еще даже Капустинъ въ своемъ Обозрѣніи. Нынѣ это мнѣніе оставлено лучшими публицистами, видящими и въ войнѣ все таки юридическую борьбу между государствами.

Споры между государствами и мирные способы ихъ рѣшенія.

Общія замѣчанія. Подобно тому какъ въ другихъ областяхъ права, въ международномъ мы видимъ право не только въ состояніи покоя, но и въ состояніи борьбы. Нормы международнаго права нарушаются, оспариваются—отсюда возникаетъ новая сторона въ юридической

жизни. Изъ неправа и тутъ рождается новое право. Такимъ образомъ споры облекаются въ форму процесса, который содѣйствуетъ укрѣпленію права матеріальнаго.

Причины столкновеній между государствами очень разнообразны и мѣняются съ эпохами: онѣ могутъ скрываться въ каждомъ политическомъ, экономическомъ или религіозномъ отношеніи, установляющемся между народами, а иногда являются плодомъ злыхъ инстинктовъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ въ главѣ государствъ. Нарушаются-неотъемлемыя основныя права государствъ и права договорныя: международное положеніе государства не стоитъ въ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ ростомъ; являются новыя потребности и новыя воззрѣнія.

По какимъ бы причинамъ не нарушались нормы международнаго права, онѣ, какъ и гражданскія, требуютъ охраны, принужденія для ихъ защиты. Государства, какъ члены международнаго союза, имѣютъ свои права, которыя должны быть соблюдаемы третьими государствами добровольно, но разъ мирнымъ путемъ онѣ не могутъ быть осуществлены, на сцену является сила, принужденіе, облеченное въ юридическую форму. Государство, интересы котораго нарушены, имѣетъ право требовать возстановленія своихъ правъ, а въ крайнемъ случаѣ и право принудить къ этому обидѣвшее государство. Подъ правомъ принужденія въ объективномъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть совокупность юридическихъ нормъ, которыя обязано соблюдать государство, какъ членъ международнаго общенія, при насильственномъ охраненіи своихъ законныхъ интересовъ и правъ. Въ субъективномъ смыслѣ право международнаго принужденія *есть право каждаго государства охранять принадлежащія ему права и интересы въ области международныхъ отношеній всѣми законными средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи*. Профессоръ Мартенсъ говоритъ, что субъектомъ этого права можетъ быть только государство, какъ юридическое лицо. Отдѣльныя лица, войска и флотъ, на которые въ конкрентныхъ случаяхъ возлагается осуществленіе принужденія въ области международныхъ отношеній, суть органы международнаго управленія, дѣйствующіе отъ имени и подъ отвѣтственностью своего государства. Къ этому нужно однако сдѣлать двѣ поправки: 1) принужденіе не есть проявленіе международнаго правленія, а вѣрнѣе форма международнаго процесса, т. е. юридическій способъ примѣненія силы; 2) это право принужденія должно принадлежать не только отдѣльнымъ государствамъ, но и совокупности ихъ, т. е. международному союзу. Когда этотъ союзъ получитъ свою организацію онъ и въ большинствѣ случаевъ вытѣснитъ право принужденія, принадлежащее отдѣльному государству.

Объектомъ своимъ принудительныя международныя мѣры могутъ имѣть только права и интересы государства. Права и интересы частныхъ лицъ, подданныхъ государства, въ принципѣ и непосредственно не могутъ быть предметомъ международнаго принужденія. Съ точки зрѣнія международнаго права они не суть прямые объекты принужде

нія, ибо все дѣло идетъ тутъ объ отношеніяхъ между государствами; государства въ международной области призваны охранять права подданныхъ и отвѣчать за ихъ дѣйствія. Интересы частныхъ лицъ принимаются здѣсь въ соображеніе лишь настолько, на сколько они затрогиваютъ интересы всего государства.

Средства для разрѣшенія международныхъ столкновеній. Писатели классифицируютъ способы разрѣшенія международныхъ столкновеній чрезвычайно разнообразно, но если положить въ основаніе классификаціи тѣ факторы, которые опредѣляютъ и направляютъ жизнь народовъ вообще, т. е. силу, интересы и право, то всѣ способы защиты будутъ представлять три главныя группы, съ дальнѣйшими ихъ подраздѣленіями:

1) Способы фактическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи силы. Это отдѣльныя принудительныя мѣры, не доходящія еще до войны: реторсіи, репрессаліи, эмбарго, мирная блокада и, наконецъ, крайняя мѣра—война.

2) Средства дипломатическія, которыя отправляются отъ политики и имѣютъ въ основаніи интересы политическіе и экономическіе: непосредственные переговоры, и добрыя услуги и посредничество.

3) Способы юридическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи правъ: Это—третейскіе суды, сперва факультативные, необязательные, потомъ общіе и постоянные; затѣмъ возникаетъ вопросъ о постоянномъ международномъ судѣ.

Дальше мы остановимся на способахъ дипломатическомъ и юридическомъ, какъ единственно мирныхъ способахъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Дипломатическіе способы рѣшенія несогласій. Эти способы покоятся на соображеніяхъ политики и примѣняются дипломатическими агентами. Различіе между ними заключается, во-первыхъ въ томъ, что или сами спорящія стороны стараются уладить недоразумѣнія—это непосредственные переговоры, или же другое, непричастное спору, государство берется за содѣйствіе улаженія спора—это добрыя услуги и посредничество; во-вторыхъ по степени участія третьихъ сторонъ въ улаженіи спора.

А. Непосредственные переговоры. Одна изъ главныхъ задачъ дипломатіи заключается въ томъ, чтобы 1) поддерживать добрыя отношенія между государствами, 2) всячески предупреждать возникновеніе недоразумѣній, 3) устранять причины, когда несогласія между государствами уже возникли. При возникновеніи несогласій между государствами дипломатическіе агенты должны начать переговоры, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы выяснить причины разногласій и постараться уничтожить ихъ. Въ виду большого значенія въ этихъ переговорахъ личныхъ достоинствъ дипломата, который иногда достигаетъ благопріятныхъ результатовъ исключительно благодаря своему умѣнью взяться за дѣло и благодаря расположенію, какимъ онъ пользуется со

стороны правительства государства, съ которымъ ведутся переговоры, дипломаты должны быть personae gratissimae. Итакъ, когда возникнутъ недовольства, первая обязанность дипломатовъ вступить въ переговоры, при этомъ соблюдаются слѣдующія правила: каждое государство должно проявить въ этихъ переговорахъ честность и миролюбіе; это значитъ, что каждое государство должно ясно изложить причины, вызвавшія его неудовольствіе и выслушать, такія же заявленія отъ противника. Далѣе, въ силу принципа равенства архивы всѣхъ государствъ пользуются одинаковымъ довѣріемъ. Переговоры ведутся или письменно, или же прямодипломатами, или же при посредствѣ особо назначенныхъ коммиссій или коммисаровъ. Иногда государства обращаются къ общественному мнѣнію. Это дѣлается чрезъ опубликованіе главныхъ или всѣхъ дипломатическихъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на предметъ спора. Въ свою очередь это ведетъ къ обсужденію послѣдняго періодическою и ученою литературой. Но этотъ способъ выясненія спорнаго вопроса представляется довольно опаснымъ, такъ какъ могутъ быть опубликованы документы и подробности, которые еще больше иной разъ могутъ обострить и безъ того натянутыя отношенія сторонъ. Поэтому обыкновенно о ходѣ переговоровъ, вызванныхъ споромъ, печатаютъ съ большой осторожностью и подробности предаются гласности только по окончаніи переговоровъ. Ривье говоритъ: постоянную опасность для общаго мира представляетъ наблюдаемое во многихъ странахъ черезъ чуръ серьезное значеніе въ государственныхъ дѣлахъ толпы, обыкновенно низко стоящей въ умственномъ отношеніи, а также невысокій уровень прессы, конечно, не исключающій возможности существованія многихъ серьезныхъ органовъ печати. Слѣдуетъ только вспомнить объ ирредентизмѣ и панславизмѣ, зажигательныхъ статьяхъ газетъ въ инцидентахъ Шнебеле, въ консульскомъ инцидентѣ во Флоренціи, въ разногласіяхъ въ Массовѣ, Самоа и др. Дѣло въ томъ, что печать обыкновенно тенденціозна, чаще всего въ узко-національномъ смыслѣ, особенно, когда идетъ рѣчь о такъ называемомъ прирожденномъ врагѣ; печать часто даетъ свѣдѣнія окрашенныя сильною національностью, тенденціею а также партійностью, что дѣлаетъ ихъ крайне смутными, особенно въ странахъ, пользующихся свободой печати; въ палатахъ поэтому поводу дѣлаются жгучіе запросы, ставящіе въ очень неловкое положеніе правителей, которые съ одной стороны должны отвѣтить на запросы, съ другой стороны рискуютъ предать гласности вопросы, которые ради благопріятнаго исхода переговоровъ были обнародованы съ соблюденіемъ крайней осторожности. Впрочемъ, въ дѣлѣ разъясненія споровъ важно не то мнѣніе, которое устанавливается благодаря разъясненіямъ людей знакомыхъ съ практикою и наукою политической жизни.

Мирные переговоры оканчиваются двумя результатами: 1) примиреніемъ, когда одна изъ сторонъ отказывается отъ своего притязанія въ пользу другой или когда она соглашается исполнить ея требованія;

2) компромиссомъ въ широкомъ смыслѣ), въ силу котораго обѣ стороны одновременно отказываются отъ всѣхъ или только отъ нѣкоторыхъ своихъ притязаній. Въ этомъ случаѣ соглашеніе представляется какъ бы среднимъ рѣшеніемъ между ихъ требованіями.

B. Добрыя услуги (bonses offices). Это форма—вступленіе въ споры третьихъ государствъ съ цѣлью подготовить почву для открытія переговоровъ. Мѣра эта либо испрашивается самими спорящими, либо предлагается постороннимъ государствомъ по его собственному почину. Въ обращеніи спорящихъ къ совѣтамъ третьяго безпристрастнаго лица, которое они оба выбрали, лежитъ первый намекъ на идею суда, первоначально чисто нравственнаго, а потомъ и юридическаго по мѣрѣ того, какъ слагаются нормы его дѣйствія и расширяется область его примѣненія. Въ этомъ отношеніи интересенъ 23-й протоколъ Парижскаго конгресса 1856 г., въ который по просьбѣ лондонскаго общества мира было внесено желаніе, чтобы государства при возникновеніи серьезныхъ разногласій, до обращенія къ оружію, прибѣгали къ добрымъ услугамъ дружественныхъ государствъ. Однако это предложеніе не вошло въ самый текстъ договора и осталось только однимъ пожеланіемъ, а слѣдовательно ни для кого обязательной силы не имѣетъ. Однако протоколъ не остался мертвой буквой вполнѣ, хотя къ сожалѣнію онъ былъ примѣненъ крайне неудовлетворительно и не всегда имѣлъ практическій результатъ предъ большими войнами послѣдняго времени. Такъ парижская конференція 1869 г. предотвратила войну между Грецією и Турціей по поводу возстанія на островѣ Критѣ, но съ другой стороны въ 1870 г. отклонила добрыя услуги Англіи—Франція, а С. Штаты во время междоусобной войны 1861—65 г.не приняли посредничества сперва Россіи, а потомъ Франціи. Объ обращеніи къ добрымъ услугамъ въ случаѣ несогласія упоминаетъ и Берлинская конвенція 1885 г. (статья 1. ст. 8).

C. Посредничество (mèditation) отличается въ нѣкоторомъ отношеніи отъ добрыхъ услугъ и еще болѣе отъ третейскаго суда (arbitrage). Добрыя услуги должны только облегчать спорящимъ вступить въ переговоры другъ съ другомъ, на ходъ и результатъ которыхъ они собственно не признаны вліять. Посредничество же обозначаетъ не только вступленіе третьяго посторонняго государства въ эти переговоры, но и самостоятельное въ нихъ участіе, а часто даже и направленіе ихъ съ цѣлью справедливаго уложенія спора для обѣихъ сторонъ. Цѣль его въ результатѣ та же, какъ и третейскаго суда: привести спорящія государства къ мирному соглашенію; но между ними есть различіе по существу: третейскій судъ даетъ въ предѣлахъ своего полномочія настоящія рѣшенія юридически обязательныя для сторонъ,—посредникъ предлагаетъ совѣты, которые въ нравственномъ и политическомъ отношеніи могутъ имѣть большой вѣсъ, но которые стороны всегда вольны примѣнять или отклонять. Кромѣ того посредничество можетъ простираться на всѣ отношенія государствъ, а третейскому суду под-

лежатъ вопросы, могущіе сдѣлаться предметомъ юридическаго разсмотрѣнія и рѣшенія. Наконецъ третейскій судья избирается спорящими сторонами, посредникъ же самъ можетъ предложить свои услуги, и при разсмотрѣніи спора, не связанъ никакими положительными правилами; онъ долженъ только пользоваться довѣріемъ обѣихъ сторонъ и не играть двойственной роли. Словомъ, его дѣятельность является главнымъ образомъ политическою, предпринимаемой государствами по ихъ усмотрѣнію въ интересахъ мира.

Посредникъ, какъ уже замѣтилъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними. Задача его—не отысканіе строгаго правила, а возможно справедливое возстановленіе мира. Для этого требуется отъ него много условій: прежде всего полное безпристрастіе равное довѣріе къ нему обѣихъ сторонъ:политическій тактъ и умѣніе вести переговоры. Посредникъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ переговорахъ сторонъ, которыя либо черезъ него дѣлаютъ другъ другу письменныя сообщенія, либо въ присутствіи его представителя ведутъ устныя пренія. При этомъ посредникъ долженъ смягчать строгія и излишнія ихъ требованія, дѣлать самостоятельныя предложенія къ ихъ примиренію или даже поддерживать то изъ двухъ воззрѣній, которое ему кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ природѣ вещей. Но ему слѣдуетъ строго воздерживаться отъ содѣйствія, хотя бы и тайнаго, интересамъ одной изъ сторонъ въ ущербъ другой или отъ извлеченія изъ посредничества выгодъ для самого себя. Роль посредника такимъ образомъ предполагаетъ столько же мудрости, сколько и твердости. Но спорящіе съ своей стороны должны помогать посреднику: открывать ему всѣ подробности дѣла, ненастаивать упорно вопреки очевидности на преувеличенныхъ требованіяхъ, принятіе коихъ противнику невозможно, а также вести за спиною посредника интригу, способную разбить его старанія.

Посредничество бываетъ единоличное или коллективное. Предпринимается оно чаще всего во время войнъ, но бываетъ и во время мира. Посредникъ не долженъ угрожать, и такъ называемое „вооруженное посредничество“ не выдерживаетъ критики, такъ какъ оно есть въ сущности уже вмѣшательство одного государства въ дѣла другого. Роль посредника оканчивается либо достиженіемъ предполагаемой цѣли, т. е. примиреніемъ спорящихъ сторонъ, либо неудачей его. Рѣшеніе посредника не обязательно для спорящихъ, можетъ быть принято цѣликомъ, цѣликомъ отвергнуто, частію принято и частью отвергнуто, и посредникъ не можетъ быть этимъ недоволенъ.

Весьма важны постановленія о посредничествѣ Парижской конференціи, ст. 8 которой гласитъ: „Если бы между Высокой Портой и одной или нѣсколькими изъ другихъ договаривающихся державъ произошло разногласіе, которое угрожало бы разрывомъ ихъ сношеній, Высокая Порта и каждая изъ этихъ державъ прежде чѣмъ прибѣгнуть къ употребленію силы, должны допустить другія договаривающіяся

стороны къ предупрежденію этой крайности своимъ посредничествомъ".—Тутъ мы видимъ какъ бы обязательство, хотя только для державъ, подписавшихъ этотъ договоръ, прибѣгнуть къ посредничеству прежде чѣмъ начать войну. Далѣе ст. 12 акта Берлинскаго конгресса: „Въ случаѣ, говорится тутъ, если между державами, подписавшими настоящій актъ поднимутся серіозныя разногласія относительно границъ, или въ границахъ... территорій, то эти державы обязуются прежде чѣмъ дойти до вооруженнаго насилія, просить посредничества одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ". Примѣровъ разрѣшенія несогласій между государствами въ исторіи очень много, но мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Наше отечество благодаря своему дружественному положенію по отношенію къ двумъ великимъ державамъ—Австріи и Прусіи—долго играло роль посредника между ними. Въ этомъ отношеніи политическая роль Россіи очень интересна.—Въ 1812 г. русское правительство предложило свое посредничество въ спорѣ между Англіей и Соединенными Штатами. Послѣдніе приняли, а первая отклонила предложеніе, и между спорящими началась война, окончившаяся Гентскимъ миромъ 1814 г.—Наполеонъ III выпустилъ въ роли посредника между Австріей и Пруссіей въ 1866 г. и настоялъ на подписаніи ими Никольсбургскаго прелиминарнаго мира.—Соединенные Штаты предложили въ 1882 г. свое посредничество въ войнѣ между Чили и Перу, съ одной стороны, и Боливіей съ другой, и исполняли все обязанности посредничествующей державы.—Но самый выдающійся случай—это посредничество папы въ спорѣ между Германіей (государствомъ протестантскимъ) и Испаніей (католическимъ) изъ-за Каролинскихъ острововъ, которые принадлежали Испаніи и были заняты Германіей. Дѣло очень обострилось и стороны едва не дошли до войны, когда Бисмаркъ сдѣлалъ ловкій политическій шагъ, предложивъ Испаніи въ качествѣ посредника папу. Испанія не могла отвергнуть этого предложенія. Каролинскіе острова признаны были принадлежащими Испаніи, а Германіи дано было право стоянки въ гаваняхъ этихъ острововъ.

D. Юридическій способъ рѣшенія несогласій. Прежде всегда необходимо указать для желающихъ познакомиться подробнѣе съ этимъ вопросомъ на богатую его литературу. Собственно вопросъ этотъ обратилъ на себя вниманіе интернаціоналистовъ только съ половины семидесятыхъ годовъ и пріурочивается къ событію рѣшенія Алабамскаго спора. До этого времени писатели и интернаціоналисты только въ скользь упоминали о третейскомъ судѣ, удѣляя другимъ способамъ рѣшенія, напримѣръ дипломатическимъ, цѣлыя главы своихъ сочиненій. Изъ сочиненій по вопросу о третейскомъ судѣ мы отмѣтимъ: *Руаръ де Каръ*— „о третейскомъ судѣ". *Бульмеринъ*—статья Schiedsspruchъ Rechtshtslexikon. Наша книга: „о международномъ судѣ".

Бульмеринъ. Работа о мирныхъ способахъ рѣшенія споровъ между государствами въ руководствѣ Гольцендорфа т. IV. § 9—16.

Calvo. Droit internati nal из. 4, 88.

Прадье-Федере въ VI т. из. 94 г. Отдѣлъ о международномъ третейскомъ судѣ.

Изъ монографій слѣдуетъ отмѣтить:

M. Revon, l'Arbitrage international, son passé, son présent, et son avenir. 1892 г. [couronné par l'institut]. Наиболѣе блестящее и важное сочиненіе по интересующему насъ вопросу.

F. Dreyfus: l'Arbitrage international. 1892 г. Это сочиненіе богато историческимъ матеріаломъ.

Руаръ де Каръ.—Судьбы международнаго третейскаго суда за послѣднее 20-ти-лѣтіе. 92 г.

Международный третейскій судъ утверждается особымъ договоромъ, который называется компромиссомъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) и по которому стороны обязываются обратиться со своимъ споромъ къ третейскому суду и подчиниться его рѣшенію. Третейскій договоръ обыкновенно содержитъ въ себѣ опредѣленіе спорнаго предмета, притязаній сторонъ, юридическихъ основаній, на которыхъ споръ можетъ быть разрѣшенъ, устанавливаетъ процедуру суда, личность третейскаго суда или судей, мѣсто и время суда. Въ новѣйшее время компромиссъ обыкновенно замѣняется „статьей о компромиссѣ". Именно въ новѣйшихъ договорахъ часто предусматривается, что въ случаѣ разногласія относительно содержанія договора, договаривающіяся стороны должны подчиниться рѣшенію третейскаго суда.

Какъ способъ улаженія международныхъ столкновеній, говоритъ Мартенсъ, третейское разбирательство практиковалось давно. Изъ древняго міра приводятъ въ примѣръ recuperatores, какъ первональныхъ международныхъ третейскихъ судей. Болѣе примѣровъ можно привести изъ среднихъ вѣковъ. Тогда третейскими судьями было по преимуществу папы и германскій императоръ. Однако сами по себѣ эти примѣры представляютъ для насъ мало интереса, такъ какъ судъ былъ не организованъ, и третейское разбирательство сливалось съ посредничествомъ. Только въ послѣднее время практика стала вырабатывать правильный третейскій судъ, и само общество ходатайствуетъ, чтобы правительства обратились къ этому способу рѣшенія споровъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что число третейскихъ разбирательствъ все возрастаетъ (въ каждымъ десятилѣтіемъ). Дрейфусъ насчитываетъ ихъ въ этомъ столѣтіи (1794—1891) до 58-ми случаевъ. Интересно еще то, что количество третейскихъ разбирательствъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, слѣдовательно институтъ этотъ прогрессируетъ. Мы по недостатку времени приведемъ только два самыхъ выдающихся случая третейскаго суда: Женевскій судъ и Парижскій.

Алабамское дѣло, рѣшенное первымъ судомъ, заключалось въ слѣдующемъ: во время междоусобной Сѣверо-Американской войны порты Южныхъ Штатовъ были блокированы, такъ что Ричмондское

правительство, желавшее съ своей стороны нанести торговлѣ противниковъ болѣе или менѣе чувствительный ударъ, не могло снаряжать каперовъ въ своихъ водахъ и обратилось къ помощи Англіи, которая была нейтральной. Агентъ Южныхъ Штатовъ въ Ливерпулѣ заказывалъ англичанамъ корсарскія суда, которыя подъ національнымъ флагомъ Южанъ нападали на торговый флотъ Сѣверныхъ Штатовъ, и такъ какъ, вслѣдствіе блокады, они не могли доставить добычу въ отечественные порты для обычнаго призового разбирательства, то снимали съ захваченныхъ кораблей, что можно было увезти; самые же суда топили. Изъ числа этихъ корсаровъ наибольшую извѣстность пріобрѣли: „Алабама", „Флорида", Шенонеда" и др. Они навели такой паническій страхъ на купцовъ Сѣверныхъ штатовъ, что тѣ стали распродавать свои суда англичанамъ. Представитель Вашингтонскаго правительства въ Лондонѣ зналъ, что въ англійскихъ портахъ снаряжаются каперы для Южанъ и неоднократно протестовалъ противъ явнаго нарушенія Англіей обязанностей нейтральной державы; но Лондонскій кабинетъ постоянно находилъ неубѣдительными его доказательства.

Когда междоусобіе кончилось, Сѣверо-Американскія Штаты потребовали отъ Англіи за ущербъ, причиненный помянутыми каперами ихъ торговлѣ. Требованія были такъ энергичны, что война между обѣими державами казалась неизбѣжной. Въ 1869 г., 14-го января стороны подписали въ Лондонѣ конвенцію объ учрежденіи для разбора взаимныхъ частныхъ жалобъ смѣшанной коммиссіи изъ 4-хъ членовъ, избирающихъ общаго посредника. Но Вашингтонскій сенатъ не согласился на этотъ компромиссъ, ибо въ договорѣ не упоминалось ни словомъ о претензіяхъ Штатовъ къ Англіи, какъ нарушительницѣ нейтралитета. Дальнѣйшіе переговоры привели къ тому, что въ 1871 г. въ Вашингтонѣ состоялся новый договоръ, получившій силу.

По Вашингтонскому трактату стороны согласились назначить третейскій судъ для рѣшенія спора, названнаго по имени капера. Алабамскимъ, и установили три основныхъ начала, которыя, по мнѣнію договаривающихся державъ, обязательны для каждаго нейтральнаго государства и долженствовали служить руководствомъ тритейскому суду при постановленіи его приговора. Судъ устраивался изъ 5 членовъ, назначенныхъ по одному—отъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Италіи, Швейцаріи и Бразиліи. Засѣданія назначились въ Женевѣ и открылись 15 декабря 1871 г. Судьями были: отъ Англіи—лордъ Кокбернъ; Соеденененныхъ Штатовъ—Адамсъ, Италіи—гр. Склописъ; Швейцаріи—Стемпорли и Бразиліи—баронъ Итаюбъ. Съ самаго начала засѣданій суда встрѣтилось обстоятельство, которое едва не привело къ крушенію всего дѣла. Въ мемуарѣ, представленномъ суду отъ Соединенныхъ Штатовъ, было выставлено требованіе о возмѣщеніи Англіей не только прямыхъ убытковъ, причиненныхъ каперствомъ, но и косвенныхъ, понесенныхъ Штатами отъ затянувшейся войны. Англія рѣшительно отклонила эту претензію; но Штаты продолжали настаивать.

Дѣло уладилось только благодаря энергіи Женевскаго третейскаго трибунала, который объявилъ, что онъ имѣетъ право самъ опредѣлить свою компетенцію и, не находя затѣмъ достаточныхъ основаній вообще для оцѣнки убытковъ и вознагражденія въ международныхъ публичныхъ отношеніяхъ, рѣшилъ, что вопросъ, поднятый Соединенными Штатами не можетъ подлежать обсужденію суда. Послѣ того засѣданія продолжались. Окончательное рѣшеніе было поставлено 14 сентября 1872 г. не въ пользу Англіи. Она должна была заплатить убытки на сумму въ 15 мил. долларовъ, и этому приговору она безпрекословно подчинилась.

Другой третейскій международный судъ происходилъ въ прошломъ году въ Парижѣ и рѣшилъ споръ между Англіей и Соединенными Штатами о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Споръ этотъ, продолжавшійся между названными странами шесть лѣтъ (1886—92) и который не удалось разрѣшить дипломатіи, интересенъ не только по своему содержанію: имъ были затронуты важные принципы морского международнаго права, а равно любопытные вопросы изъ области естествознанія. Занимающее насъ теперь дѣло представляется не столько споромъ между Соединенными Штатами и Англіей, какъ между Штатами и Канадой. Ядро его—ловля котиковъ въ Беринговомъ морѣ—стало предметомъ ожесточенныхъ пререканій между ними вслѣдствіе двухъ фактическихъ обстоятельствъ: усиленныхъ преслѣдованій этого рода тюленей и примѣненія къ охотѣ за ними особенно истребительныхъ усовершенствованныхъ орудій (сѣтей, огнестрѣльнаго оружія, взрывчатыхъ веществъ). Когда за послѣднее время быстро увеличилось населеніе прилегающихъ къ Тихому океану частей британскихъ владѣній, изъ портовъ ихъ устремилось множество кораблей въ погоню за тюленями, и хотя эта ловля происходила большею частью въ открытомъ морѣ, но Соединенные Штаты увидѣли въ ней не только опасную для себя конкуренцію, но едва ли не главную причину вѣроятнаго истребленія въ ближайшемъ будущемъ всей породы этого полезнаго животнаго. Въ виду этого между Соединенными Штатами и Англіей поднялся споръ изъ-за права послѣдней производить охоту на котиковъ. Споръ этотъ прошелъ въ своемъ развитіи три фазиса: 1) *самоуправства* или грубаго насилія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, ибо американцы захватывали суда, ловившія котиковъ; 2) *долгихъ дипломатическихъ переговоровъ*, не приведшихъ однако къ окончанію спора и наконецъ 3) *юридическаго его рѣшенія третейскимъ судомъ* въ Парижѣ. 19-го Февраля 1892 г. въ Вашингтонѣ состоялся договоръ о предоставленіи Берингова спора на рѣшеніе третейскаго суда, составленнаго изъ семи членовъ слѣдующимъ образомъ: каждая изъ спорящихъ сторонъ назначаетъ по два члена, и вмѣстѣ онѣ просятъ Францію, Италію и Швецію-Норвегію назначить по одному члену. Всѣ эти лица должны быть юристы, пользующіеся въ своемъ отечествѣ доброю славою и, если возможно, знающіе англійскій языкъ. Судъ засѣдаетъ

въ Парижѣ и всѣ свои постановленія, а также и окончательное рѣшеніе принимаетъ большинствомъ голосовъ. Принципы—суда Женевскаго.

Судъ открылся въ Парижѣ 23-го марта 1893 г., и занятія его продолжались до 15-го августа. Всего онъ имѣлъ 53 засѣданія. Въ составъ его вошли: отъ Соед. Штатовъ—членъ верховнаго американскаго суда Гарланъ и сенаторъ Морганъ; отъ Великобританіи судья лордъ Гаккенъ (только что умершій) и первый министръ Канады серъ Джонъ Томсонъ; отъ Франціи—извѣстный дипломатъ Баронъ Курсель; отъ Италіи—бывшій министръ маркизъ Висконти-Веноста; отъ Швеціи-Норвегіи—Грамъ, бывшій министръ. Относительно этого состава можно осудить то, что въ немъ преобладалъ *дипломатическій* элементъ надъ юридическимъ и что въ среду его были допущены члены отъ самихъ споривших сторонъ, да еще *въ усиленномъ числѣ* сравнительно съ числомъ судей отъ нейтральныхъ. При судѣ были еще агенты, которые должны были отстаивать интересы своихъ государствъ, и совѣтники для того, чтобы давать совѣты судьямъ, рѣчи произносили извѣстные адвокаты.

Рѣшеніе суда отъ 15-го августа 1893 г. представляетъ довольно обширный документъ, распадающійся на три части: 1) отвѣты на пять вопросныхъ пунктовъ, поставленныхъ ему Вашингтонскимъ договоромъ, которые мы по недостатку времени не приведемъ, равно какъ и отвѣты на нихъ. Эти пункты касались юридической стороны, напр. имѣли-ли Соед. Штаты право охраны котиковъ далѣе 3-хъ миль отъ берега и др. 2) Регламентъ о ловлѣ котиковъ, гдѣ было указано о способахъ ловли, о мѣрахъ предупрежденія хищническаго уничтоженія котиковъ. Это какъ бы законодательная функція, возложенная на судъ самими сторонами. 3) Констатированіе фактическихъ обстоятельствъ дѣла по оцѣнкѣ Великобританіи для окончанія споровъ объ убыткахъ. Это вопросъ денежный. Читая эти документы, мы приходимъ къ двоякому выводу: съ точки зрѣнія права судъ высказался за Англію, и Штаты должны были возстановить убытки англійскихъ гражданъ; всѣ попытки Соед. Штатовъ найти оправданіе своимъ поступкамъ были отвергнуты. Но съ другой стороны въ видахъ охраны породъ котиковъ въ будущемъ судъ выработалъ регламентъ, въ которомъ принялъ многія изъ началъ, отстаиваемыхъ Штатами, указавъ на необходимость международнаго признанія этого регламента другими заинтересованными державами.

Теперь слѣдуетъ намъ упомянуть о нѣкоторыхъ случаяхъ третейскаго разбирательства изъ русской исторіи. Тутъ мы имѣемъ три случая, которые приведены къ благопріятному окончанію. Въ 1820 г. возбудился споръ между Англіей и Соединенными Штатами относительно толкованія Гентскаго мирнаго трактата въ той его части, которая касалась права собственности на невольниковъ, находившихся на американской территоріи, занятой англичанами. Третейскимъ судьей былъ избранъ Александръ I. Согласно его рѣшенію была заключена

между спорившими державами конвенція объ учрежденіи коммиссіи для опредѣленія размѣра вознагражденія, причитавшагося Соединеннымъ Штатамъ.—Второй разъ третейскимъ судьей выступилъ Императоръ Александръ II по поводу спора между японцами и Перу, спора касавшагося судна „Maria Luz". Судъ состоялся въ Эмсѣ въ 1875 г. Однимъ изъ послѣднихъ случаевъ примѣненія третейскаго суда слѣдуетъ считать рѣшеніе весною 1891 г. русскимъ императоромъ спора между Франціей и Голландіей по поводу границы ихъ владѣній въ Гвіанѣ.

Однако былъ одинъ случай и неудачный, гдѣ самъ третейскій судья отказался дать свое рѣшеніе. Въ 1845 г. между Австріей и Сардиніей возникъ споръ о толкованіи ст. II конвенціи 1751 г., въ которой опредѣлялось, что Сардинія будетъ покупать соль только въ Миланѣ и обязана не допускать торговли этимъ продуктомъ между своей страной и Швейцаріей. Между тѣмъ Сардинское правительство разрѣшило провозъ чрезъ свою территорію изъ Генуи въ Тессинскій кантонъ 4000 центнеровъ соли, полагая, что транзитная торговля не запрещена договоромъ; къ тому же самый договоръ оно считало потерявшимъ уже силу. Въ третейскіе судьи по этому дѣлу былъ избранъ императоръ Николай Павловичъ, который, по обсужденіи вопроса, отказался постановить рѣшеніе. Въ депешѣ гр. Нессельроде отъ 13 іюля 1845 г. къ гр. Медему въ Вѣнѣ мотивы отказа выражены въ слѣдующихъ словахъ: „Его Величество полагаетъ, что далеко не всѣ средства примиренія исчерпаны... Третейское рѣшеніе всегда производитъ непріятное дѣйствіе на одну изъ спорящихъ сторонъ... Его Величество не беретъ на себя роль третейскаго судьи, не хочетъ быть примирителемъ..." Однако, выраженное императоромъ мнѣніе, что по духу конвенціи 1751 г. право на сторонѣ Сардиніи, по буквѣ—на сторонѣ Австріи, было принято спорящими державами, какъ рѣшеніе спора.

Мы не знаемъ ни одного нашего спора съ другимъ государствомъ, разрѣшеннаго третейскимъ судомъ. Наши государи принимали нѣсколько разъ роль третейскаго судьи, и можно было бы ожидать, что и они въ свою очередь будутъ прибѣгать къ этому способу рѣшенія недоразумѣній, однако на самомъ дѣлѣ этого не было. На вопросъ о томъ, можетъ-ли русское правительство принять третейское рѣшеніе въ какомъ либо спорѣ своемъ съ иностранной державой, должно отвѣчать утвердительно. Помимо общихъ основаній, вытекающихъ изъ международнаго права, должно замѣтить, что природѣ самодержавія не противорѣчитъ фактъ заключенія нашимъ правительствомъ договоровъ съ другими государствами, а слѣдовательно принятіе имъ вытекающихъ отсюда юридическихъ обязательствъ. Третейская юрисдикція создается и опредѣляется такими же договорами (компромиссами).

Теорія третейскаго суда.

Теперь мы должны кратко коснуться теоріи третейскаго суда. Этотъ вопросъ лучше всего разработать у *Pevon*. Международная третейская юрисдикція слагается изъ слѣдующихъ трехъ элементовъ: 1) изъ вопроса организаціи ея, 2) ея компетенціи 3) и процедуры.

1) *Организація третейскаго суда.* Международный третейскій судъ создается на основаніи формальнаго соглашенія между спорящими сторонами, договора, который технически называется компромиссомъ. Между спорящими съ одной стороны и третейскимъ судьей съ другой заключается также соглашеніе, по которому третейскій судья обязуется поставить третейскій приговоръ—это называется recepтum arbitri. Обыкновенно это производится дипломатическимъ путемъ. Само собою понятно, что избранный третейскій судья можетъ отказаться, отъ сдѣланнаго ему предложенія—быть третейскимъ судьей. Относительно состава суда можно замѣтить, что онъ бываетъ *единоличный и коллегіальный*. Ревонъ высказывается въ пользу коллегіальнаго, такъ какъ тутъ больше безпристрастія, знанія, хладнокровія. Мы знаемъ, что даже въ отдѣльныхъ государствахъ всѣ болѣе важныя дѣла рѣшаются судомъ коллегіальнымъ. На сколько же больше требуется осмотрительности при рѣшеніи дѣлъ международныхъ, гдѣ ошибка можетъ имѣть громадныя послѣдствія! Но кто можетъ быть выбранъ въ третейскіе судьи? Въ третейскіе судьи, говоритъ Мартенсъ, можетъ быть избрано юридическое или физическое лицо, способное къ этой роли. Обративъ вниманіе на практику, мы видимъ, что въ качествѣ третейскихъ судей выступали государи Россіи, Германіи, президентъ Соед. Штатовъ и др. Въ литературѣ, продолжаетъ Мартенсъ, обсуждался вопросъ, на сколько удобно избирать въ судьи монарховъ. Указываютъ, что государи не могутъ сами изучать дѣла, а поручаютъ это министрамъ, которые, въ свою очередь избираютъ докладчиковъ, такъ что государь только подписываетъ предложенный ему проэктъ рѣшенія. Въ виду этого, Блюнчли высказывается въ пользу отдачи дѣлъ на разрѣщеніе юридическихъ факультетовъ и другихъ лицъ, обладающихъ требуемыми познаніями, которыя представляютъ возможныя гарантіи основательнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса. Соображенія эти вполнѣ справедливы, но врядъ ли существующій обычай избранія въ третейскіе судьи государей выйдетъ изъ употребленія, принимая во вниманіе, что международные споры касаются интересовъ и правъ государствъ, которыя смотрятъ, какъ на долгъ чести и достоинства; быть судимыми представителями государственной власти, а не частными лицами. Можно только желать, чтобы государи—третейскіе судьи дѣлали выборъ лицъ, подготовляющихъ рѣшеніе, съ вѣдома обѣихъ сторонъ и при томъ извѣстныхъ и пользующихся ува-

женіемъ. — Однако на этотъ приговоръ мы согласиться не можемъ. Третейскимъ судьями представляются менѣе удобными не только главы государствъ, но и вообще политическія лица. Не можетъ тутъ быть рѣчи о чести; тутъ на первомъ планѣ должны стоять справедливость и безпристрастіе. Нужно стараться, чтобы въ третейскомъ разбирательствѣ все болѣе и болѣе характеръ политическій уступалъ мѣсто юридическому. Лучше выбирать въ третейскіе судьи частныхъ лицъ: юристовъ, судей, ученыхъ, университеты, академіи и пр. Многіе писатели предлагаютъ составить списки лицъ, изъ которыхъ спорящія стороны могли бы выбирать судей. Списки эти должны быть составлены министрами юстиціи и утверждены верховной властью. Но и эта система еще очень далека отъ совершенства. Дѣло въ томъ, что и международная юрисдикція требуетъ подготовки какъ теоретической, такъ и практической, а кромѣ того знакомства съ другими областями знанія. При современныхъ порядкахъ международныхъ третейскихъ судей едва ли не удобнѣе всего было бы избирать изъ среды членовъ института международнаго права. Третейскій международный судъ долженъ бы быть институтомъ постояннымъ, правильнымъ; лица, назначенныя служить ему должны быть подготовлены къ этой дѣятельности.

2) Далѣе намъ нужно разсмотрѣть, какія дѣла подлежать международной третейской юрисдикціи, т. е. сказать *о компетанціи третейскаго международнаго суда*. Въ свое время мы старались классифицировать извѣстные намъ случаи третейскаго суда и указывали на слѣдующія четыре группы: 1) международные споры о правахъ иностранцевъ, 2) споры объ убыткахъ; 3) споры о нарушеніи нейтралитета; 4) споры о территоріальныхъ владѣніяхъ въ колоніяхъ. Ревонъ воспроизводитъ эту нашу классификацію, хотя онъ имѣлъ уже двойное число случаевъ третейскаго рѣшенія. Однако намъ теперь кажется, что нужно прибавить пятую группу—споры о толкованіи и примѣненіи трактатовъ. Но важно не перечисленіе группъ, а вопросъ принципіальный. Ревонъ говоритъ, что споры по своей природѣ могутъ быть троякаго характера: 1) споры правовые, легко поддающіеся юридическому разбору; 2) вопросы политическіе, которые не такъ легко поддаются юридическому разбору и 3) вопросы, къ которымъ примѣшивается національная честь народовъ. Всѣ эти вопросы должны подлежать международной юрисдикціи и только споры, касающіеся автономіи государствъ, ей не подлежатъ. Ревонъ не говоритъ какой автономіи касаются эти споры внутренней, или внѣшней, изъ текста видно, что и той и другой. Далѣе Ревонъ дѣлаетъ еще одно очень важное предложеніе въ вопросѣ о компетенціи; именно, чтобы мирные договоры подписывались не иначе, какъ при участіи третейскаго суда. Это имѣло бы громадное значеніе въ томъ смыслѣ, что судъ частью своимъ нравственнымъ вліяніемъ, частью на основаніи права умѣрялъ бы чрезмѣрныя, а подъ часъ унизительныя требованія побѣдителя.

3) Послѣдній вопросъ касается *процедуры суда*. Процедура и вообще природа третейскаго суда въ области частнаго права была опредѣлена еще римлянами. Вотъ источникъ интересующаго насъ вопроса. Въ французскомъ правѣ существуетъ правило, что процедура третейскаго суда согласуется съ судопроизводствомъ, установленнымъ для обыкновенныхъ государственныхъ судовъ. Въ международной практикѣ нѣтъ выработанныхъ на этотъ счетъ правилъ; потому ихъ нужно заимствовать изъ другихъ источниковъ. Тутъ прежде всего должно быть обращено вниманіе на правила, установленныя компромиссомъ, а затѣмъ и самъ судъ долженъ установить свою процедуру: назначить формы и сроки, выслушать стороны и пр. Все это онъ дѣлаетъ по своему усмотрѣнію. По Алабамскому и Беринговому спору стороны представляли троякаго рода документы: case (изложеніе претензіи стороны), counter—case (отвѣты на изложеніе противника) и argument (окончательныя выводы сторонъ). Для изученія производства въ международныхъ третейскихъ судахъ главнымъ пособіемъ является международный проектъ такого судопроизводства, выработанный Гольдшмитомъ и принятый институтомъ на Хаксомъ съѣздѣ въ 1875 г. (Напечатанъ по-русски въ приложеніяхъ учебника Ривье). Относительно того, какихъ нормъ держаться третейскому суду, писатели даютъ слѣдующій порядокъ: 1) нормы международнаго права и договоры— a) между спорящими сторонами, b) другіе подходящіе договоры; 2) международные обычаи, не противорѣчащіе первой группѣ нормъ; 3) законы спорящихъ государствъ; 4) судебная практика спорящихъ; 5) мнѣніе интернаціоналистовъ и потомъ вообще ученыхъ. Но даже этими границами не исчерпываются всѣ нормы. Судьи могутъ руководиться вообще справедливостью и собственной совѣстью. Рѣшеніе принимается судомъ по большинству голосовъ. Какимъ большинствомъ? Мы думали относительнымъ большинствомъ. Ревонъ требуетъ большинства абсолютнаго. Вообще число судей должно быть не четное; при равномъ раздѣленіи голосовъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Теперь намъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ, могутъ ли рѣшенія третейскаго суда оспариваться. Рѣшенія эти юридическія и окончательныя. Они творятъ для сторонъ новое право. Разъ стороны за рѣшеніемъ несогласія обратились къ третейскому суду, то онѣ и должны повиноваться рѣшенію его и неисполненіе постановленія было бы безчестно.

Юридическія рѣшенія международнаго третейскаго суда могутъ быть оспариваемы при наличности слѣдующихъ трехъ условій: 1) когда нарушенъ компромиссъ и условія, выставленныя имъ; 2) когда нарушены основныя правила всякаго судебнаго процесса цивилизованныхъ государствъ, напр. не выслушаны стороны, подкуплены судьи и пр.; 3) когда допущено грубое нарушеніе нормъ международнаго права. Возможна ли апелляціонная инстанція, возможно ли обжалованіе рѣшеній третейскаго суда? Объ этомъ интересномъ вопросѣ Ревонъ

говоритъ только мимоходомъ. Въ настоящее время такой апелляціонной инстанціи нѣтъ, но она въ высшей степени желательна: она еще больше способствовала бы укрѣпленію третейскаго международнаго суда. Намъ кажется, что слѣдовало бы въ компромиссы вносить условіе, что въ случаѣ несогласія спорящихъ съ юридической стороны съ рѣшеніемъ третейскаго суда, споръ объ этомъ переносится въ апелляціонную инстанцію. Это предлагалъ Гольдшмитъ въ концѣ своего примѣчательнаго проэкта о судопроизводствѣ международныхъ третейскихъ судовъ. Но къ сожалѣнію международный институтъ не принялъ этихъ статей.

Наконецъ нужно отмѣтить еще одну особенность третейскаго суда: юридическія рѣшенія его не имѣютъ никакой принудительной санкціи кромѣ нравственной. Постановленное рѣшеніе сообщается сторонамъ и онѣ сами приводятъ его въ исполненіе. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо принудительномъ исполненіи третейскаго приговора. Поэтому третейскій международный судъ неустраняетъ совершенно войнъ, но онъ можетъ свести число ихъ до минимума. Какъ бы то ни было практика должна перейти къ постоянному третейскому суду. Третейскія рѣшенія нашего столѣтія только первые, робкіе шаги зарождающейся международной юстиціи. Въ третейской юрисдикціи мы замѣчаемъ какъ бы три послѣдующихъ ступени: 1) международный третейскій судъ факультативный—онъ создается сторонами при посредствѣ компромисса особо въ каждомъ конкретномъ случаѣ. 2) Далѣе въ договоръ вносится условіе о компромиссѣ въ томъ смыслѣ, что если между сторонами произойдетъ недоразумѣніе относительно толкованія даннаго трактата или его примѣненія, то онѣ обѣщаются обратиться къ третейскому суду. Этого рода условія встрѣчаются часто въ новѣйшихъ договорахъ Италіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ американскихъ республикъ. Наконецъ. 3-я стадія—стороны заключаютъ договоръ о постоянномъ международномъ третейскомъ судѣ, рѣшать споры не только связанные съ извѣстнымъ договоромъ, но и вообще всѣ, могущіе возникнуть. Первые писатели, обратившіе вниманіе не эту послѣднюю сторону вопроса были защитники Федераціи для Европы на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ. Еще Кантъ высказался за идею постоянныхъ судовъ для Европы, но эта идея, совершенно новая для тогдашняго времени, начинаетъ проникать въ жизнь въ наши дни. Такъ въ 1883 г., между Сѣверо-Американскими Соед. Штатами и Швейцаріей происходили любопытные переговоры объ установленіи постояннаго между ними третейскаго суда. Швейцарское правительство выработало уже объ этомъ подробный договоръ, но онъ не былъ заключенъ вслѣдствіе многихъ перемѣнъ въ составѣ правительства. Однако по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что между этими республиками будетъ снова поднятъ этотъ вопросъ. Заключеніе такого договора было бы прецедентомъ образованія постояннаго международнаго суда. Но главнымъ

документомъ по вопросу о такомъ судѣ является Вашингтонскій договоръ 18-го апрѣля 1890 года. Конгрессъ представителей шестнадцати американскихъ государствъ (т. е. всѣхъ кромѣ Чили) подписалъ договоръ изъ 19-ти статей, въ которомъ объявляется, что отнынѣ они принимаютъ *третейскій судъ какъ принципъ публичнаго права Америки*, примѣнимый ко всѣмъ вообще спорамъ между ними, какъ то: относительно правъ и превиллегій посланниковъ и консуловъ; территоріальныхъ границъ и владѣній; различныхъ убытковъ; правъ судоходства; обязательности толкованія и исполненія договоровъ, наконецъ и по всякимъ инымъ спорамъ, каковы бы ни были происхожденіе, характеръ и предметъ. Только одно дѣлается исключеніе: для споровъ, могущихъ угрожать независимости какой либо стороны. Тогда для нея третейскій судъ факультативенъ, но онъ обязателенъ для ея противника, если будетъ предложенъ. Ревонъ критикуетъ эти послѣднія слова, такъ какъ они вносятъ нѣкоторый произволъ при рѣшеніи вопроса о принятіи или не принятіи третейскаго суда. Выборъ судей не ограничивается американскими государствами; каждое правительство можетъ быть имъ, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ обѣими державами. Судьями могутъ быть члены различныхъ судовъ, ученыхъ корпорацій, сановники и даже простыя частныя лица, причемъ вовсе не требуется, чтобы они были гражданами избирающаго ихъ государства. Въ видѣ опыта договоръ заключается на 20 лѣтъ, но онъ можетъ быть продолженъ и послѣ этого срока. Отказъ тогда отъ него со стороны одного или нѣсколькихъ государствъ не прекратитъ его дѣйствія для остальныхъ. Затѣмъ въ договорѣ предусматривается присоединеніе къ нему всякаго посторонняго (не американскаго) государства; поэтому Вашингтонскій кабинетъ препроводилъ оффиціально текстъ его ко всѣмъ дворамъ Европы съ указаніемъ на эту статью. Какъ и слѣдовало ожидать европейскія правительства при глубокой раздѣляющей ихъ розни отнеслись къ этому шагу Соед. Штатовъ весьма скептически. Спеціально Россіи отвѣтила, что вопросъ этотъ еще недостаточно назрѣлъ. Но тѣмъ съ большимъ восторгомъ попытка Америки была привѣтствуема общественнымъ мнѣніемъ, справедливо признавшимъ въ ней зорю новаго, лучшаго международнаго порядка. На международно-парламентской конференціи въ Бернѣ (1892 г.), по предложенію французскаго сенатора Trarieux, принята резолюція о томъ, чтобы члены различныхъ палатъ въ Европѣ ходатайствовали передъ своими правительствами о принятіи американскаго предложенія т. е. заключили бы договоры объ общихъ третейскихъ судахъ. Любопытныя пренія по тому же вопросу происходили въ англійскомъ парламентѣ 16-го іюня прошлаго года. Кремеръ и Лебокъ внесли предложеніе о томъ, чтобы Англія заключила съ Соед. Штатами договоръ съ силу котораго всѣ споры между обѣими странами, не устраненные дипломатіей, рѣшились бы впредь третейскимъ судомъ. Они напомнили, что въ этомъ смыслѣ была уже подана пе-

гиція президенту Соед. Штатовъ отъ имени 234 членовъ палаты общинъ. Имъ отвѣчалъ Гладстонъ: онъ всегда счастливъ бороться за благо человѣчества.– Еще вопросъ, устраняетъ ли господствующій милитаризмъ войну, или напротивъ, не вызываетъ ли ея? За 1882–85 г. Англія обращалась къ третейскому суду 14 разъ и только три или четыре раза выигрывала она передъ нимъ свое дѣло. Недавно она предоставила таковому же рѣшенію вопросъ о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Онъ надѣется, что въ скоромъ времени будетъ заключенъ желаемый договоръ между Великобританіей и Соед. Штатами, Главное препятствіе для осуществленія обсуждаемой идеи лежитъ въ сложности отношеній между державами европейскаго континента, но онъ лично придаетъ большое значеніе учрежденію въ Европѣ верховнаго суда, въ роли совѣтника великимъ державамъ. Онъ умѣрялъ бы ихъ соперничающій эгоизмъ и явился бы безпристрастнымъ авторитетомъ для окончанія ихъ взаимныхъ несогласій. Затѣмъ по предложенію Гладстона палата единогласно высказалась за содѣйствіе Англіи стремленіямъ Соед. Штатовъ къ тому, чтобы споры между нами рѣшались третейскимъ судомъ.

Въ наши дни вопросъ о постоянномъ третейскомъ международномъ судѣ дѣлается все болѣе и болѣе популярнымъ. Онъ не устранилъ бы другіе способы рѣшенія недоразумѣній—дипломатическіе, факультативный третейскій судъ и др., но онъ далъ бы имъ извѣстное основаніе, объединеніе. Такой судъ долженъ бы имѣть одно постоянное мѣстопребываніе, лучше всего въ центрѣ Европы, въ одномъ изъ нейтральныхъ государствъ. Дѣла должны вестись на одномъ языкѣ—французскомъ лучше всего, за который мы уже высказались раньше. Обращеніе къ постоянному международному суду должно быть добровольное, но рѣшеніе его обязательно. Члены этого международнаго третейскаго суда должны быть подготовлены къ дѣятельности международной юрисдикціи, и изъ нихъ государства могли бы выбирать судей. Постоянный международный третейскій судъ могъ бы быть апелляціонной инстанціей для третейскихъ судовъ. Рѣшенія его, правда, не имѣли бы принудительной санкціи, но со временемъ и это могло бы быть установлено, если бы пожелали того государства.—Это было бы установленіе международной юстиціи, замѣна политики правомъ, важный шагъ къ дальнѣйшей международной организаціи! Только этимъ путемъ можно укрѣпить миръ между государствами и ослабить давящій насъ милитаризмъ.

Ученіе о международныхъ договорахъ *).

До сихъ поръ мы говорили о субъектахъ и объектахъ международнаго права въ отдѣльности. Юридическія отношенія установляются

*) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsvertragen 1874 Jellinek. Die rechtliche Natur Der Staatenvertrage 1880. Laghi. Teoria dei trattati internazionali Thl. I. Общее ученіе о трактатахъ 1882. Unger. Ueber die Gultigkeit von Staatsvertragen (Grunhut's Zeitschr. B. VI S. 349).

между ними посредствомъ договоровъ или обязательствъ къ которымъ мы теперь и обращаемся. Международныя обязательства облекаются большею частію въ форму трактатовъ. Трактатъ есть договоръ, заключаемый между отдѣльными государствами для опредѣленія ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Duorum vel plurium in idem consensus. Въ этомъ отдѣлѣ международное право наиболѣе соприкасается съ частнымъ, и общія начала послѣдняго относительно обязательствъ приложимы и къ нашему предмету, конечно, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ различій, вытекающихъ уже изъ самой природы международнаго права. На такое различіе намъ слѣдуетъ уже указать при самомъ началѣ. Ученіе о трактатахъ соотвѣтствуетъ ученію о договорахъ въ гражданскомъ правѣ. Но послѣдніе получаютъ свою высшую санкцію въ законѣ извѣстнаго государства. Этого положительнаго авторитета въ международномъ правѣ нѣтъ. Откуда же беретъ начало обязательная сила международныхъ договоровъ. Контрагенты здѣсь— юридическія личности, вполнѣ другъ отъ друга независимыя и не признающія надъ собою никакого положительнаго закона. Писатели далеко несогласны между собою относительно этого важнаго пункта: одни выводятъ обязательную силу договоровъ изъ требованій пользы (Бентамъ), другіе—изъ предписаній разума (какъ его постулатъ, Кантъ). Но понятіе о „пользѣ“ слишкомъ эластично: —о „разумѣ“ же очень отвлеченно и допустимо развѣ въ области чистаго умозрѣнія. Гефтеръ основываетъ обязательную силу договоровъ на добровольномъ согласіи контрагентовъ: ein Vertrag an sich setzt nur durch die Einheit des Willens ein Recht и прибавляетъ: folglich auch nur so lange diese Einheit dauert.

Но и это мнѣніе не вѣрно: оно даетъ объективнымъ началамъ международнаго права слишкомъ тѣсное, субъективное основаніе: одна свобода воли, говоритъ Блюнчли, не дѣлаетъ еще договоры обязательными на томъ основаніи, что тогда всякій актъ воли создавалъ бы право (so müsste alles Gewollte Recht sein). Если consensus творитъ обязательства, то всякое измѣненіе въ немъ, или dissensus разрушалъ бы ихъ.

Поэтому необходимо признать, что обязательная сила договоровъ вытекаетъ изъ верховнаго закона общежитія. Воля государствъ творитъ право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того юридическаго порядка (gemeinsame Rechtsordnung), который основывается не на произволѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ. Обязательность договоровъ вытекаетъ прямо и съ логическою необходимостью изъ основныхъ положеній права, обезпечивающаго мирное сожитіе народовъ. На этомъ основаніи уже древніе говорили:—Pasta sunt servanta usu, Ein Mann ein Wort. и т. п.

Органы международнаго общенія:

конгрессы и конференціи. *)

а) Понятіе о конгрессѣ и конференціи.

Будучи свободной ассоціаціей независимыхъ народовъ, международное общеніе имѣетъ извѣстныя общія учрежденія, которыми пользуются его члены для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ и другихъ международныхъ дѣлъ и которыя представляютъ зачатки его организаціи. Такое значеніе принадлежитъ международнымъ конгрессамъ и конференціямъ, авторитетъ и власть которыхъ, по добровольному соглашенію государствъ, распространяются на весь международный союзъ.

Международные конгрессы и конференціи суть органы международнаго общенія, но никакъ не отдѣльныхъ государствъ, пославшихъ сюда своихъ представителей.

Справедливость этого положенія подтверждаютъ многочисленные историческіе примѣры и положительныя данныя. Конгрессы Вестфальскій (1648 г.), Вѣнскій (1815), Парижскій (1856 г.), Берлинскій (1878) могли состояться и привели къ опредѣленнымъ результатамъ только потому, что государства въ нихъ участвовавшія, сознавали свою солидарность, какъ члены международнаго общенія. Установленный ими общій порядокъ вещей выработался взаимнымъ согласіемъ и уступками государствъ въ виду и ради удовлетворенія международныхъ интересовъ. Вѣротерпимость, свобода судоходства, отмѣна торга неграми, смягченіе бѣдствій войны и другія начала современнаго международнаго права, провозглашенныя различными конгрессами и конференціями, были продуктами исторической жизни всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и являются выраженіемъ общаго ихъ правосознанія. Словомъ ни собраніе конгрессовъ, ни порядокъ ихъ совѣщаній, ни ихъ рѣшенія не будутъ понятны, если не имѣть въ виду международное общеніе интересы котораго они представляютъ. Международные конгрессы и конференціи суть международныя собранія представителей независимыхъ государствъ для обсужденіи общихъ имъ дѣлъ и интересовъ. Будучи по идеѣ своей органами правового общенія между народами, долженствующими имѣть характеръ законодательный для международнаго союза, конгрессы и конференціи должны быть *постоянными* или по крайней мѣрѣ *періодическими* собраніями представителей независимыхъ государствъ, засѣдающихъ на нихъ на правахъ полнаго равенства. Но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Эти собранія всегда были времен-

*) Взято преимущественно у Мартенса и Даневскаго.

ными, собирались они по усмотрѣнію непосредственно заинтересованныхъ державъ, когда это представлялось для послѣднихъ желательнымъ и выгоднымъ, да и начало равенства не только въ правѣ участія на этихъ собраніяхъ но и въ правѣ равнаго обсужденія поднятыхъ вопросовъ долго не признавалось: участвовали и рѣшали дѣла часто сильнѣйшіе, тѣ, которые являлись въ данное время руководителями международнаго союза. Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ перваго (Вестфальскаго отъ 1641 по 1648 г.) и кончая Берлинскимъ 1878 г.) насчитывается 25; конференцій было очень много; онѣ появляются въ XIX в. и нѣкоторыя изъ нихъ по своему значенію не уступаютъ конгрессамъ.

b) Различіе между конгрессами и конференціями.

Большинство писателей не проводитъ различія между конгрессами и конференціями, но, по мнѣнію проф. Мартенса, они должны быть различаемы: 1) по личности представителей государствъ, участвующихъ въ тѣхъ и другихъ собраніяхъ, 2) по предметамъ ихъ обсужденія и 3) по цѣлямъ, подлежащимъ достиженію. Что касается представительства, то на международныхъ конгрессахъ присутствуютъ или сами государи, какъ это было неоднократно (конгрессы: Вѣнскій, Ахенскій, Троппаускій, Лайбахскій и др.) или же первые ихъ министры и вообще такія представители государствъ которые имѣютъ полномочія на заключеніе трактатовъ и соглашеній, составляющихъ предметъ обсужденія конгресса. Напротивъ, въ конференціяхъ участвуютъ делегаты правительства, назначенные ad hoc съ рѣшительнымъ и совѣщательнымъ голосомъ, рѣдко министры и никогда государи. Предметомъ обсужденіи конгресса являются вопросы касающіеся важныхъ жизненныхъ интересовъ государствъ и цѣлаго международнаго союза; конференція же обсуждаютъ существующія обязательства и ихъ истолковываютъ, или же подготовляютъ рѣшенія какого либо важнаго и труднаго дѣла, какъ напр. Броссельская конференція 1874 г. была созвана для выясненія законовъ войны. Наконецъ цѣль конгресса и конференціи различна. Первый имѣетъ задачей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, предупреждающихъ войну и недоразумѣнія между государствами, вторая—не провозглашаетъ новыя рѣшенія, но только развиваетъ существующія, не рѣшаетъ спорные вопросы международныхъ отношеній и права, но подготовляетъ ихъ разрѣшеніе. Противъ проведенія такого различія возстаетъ проф. Даневскій и въ доказательство справедливости своего мнѣнія приводитъ слѣдующія возраженія. Хотя рѣдко, но всетаки государи участвовали на конференціяхъ (напр. Пильницкая конференція 1792 г. трехъ государей, на которой рѣшено вооруженное вмѣшательство въ дѣла Франціи); первые же министры и послы съ громадными полномочіями сплошь и рядомъ принимаютъ участіе въ конференціяхъ нашего вѣка (напр. Константинопол. конфер. 1877—78 особенно же Берлинская Африканская), а не многихъ важныхъ конгрес-

сахъ государя совершенно отсутствовали (напр. на Парижскомъ 1856 и Берлинскомъ (1878 г.). Польза и необходимость присутствія самихъ государей даже оспаривается, при безответственности ихъ съ одной, при необходимости контроля въ конституціонныхъ монархіяхъ надъ дѣятельностію министровъ и дипломатическихъ агентовъ съ другой стороны, навряд ли можно ожидать, что прежняя практика личнаго участія государя въ международныхъ собраніяхъ получила дальнѣйшее развитіе. Что же касается до предметовъ вѣдомства и обсужденія, то и конференціи весьма часто обсуждали предметы жизненной важности для государствъ и всего междун. союза, достаточно припомнить важное для Голландіи и всей Европы собраніе 1831 г. носившее названіе „конференціи", постановившее отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи т. е. отмѣну одного изъ важнѣйшихъ постановленіе Вѣнскихъ трактатовъ, тоже относительно Лондонскихъ конференцій 1864 г. (по вопросу датско-германскому) и въ особенности относительно Африканской конференціи, имѣвшей громадное значеніе для междун. союза Наконецъ, весьма многія конференціи тоже имѣли въ виду, какъ и конгрессы, рѣшать спорные вопросы, предупреждать войну (Констан. 1877 г., Лонлон. 1867 по вопросу о Люксенбургѣ и т. д.) и обезпечить сохраненіе междунар. правоваго порядка (Лондонская 1864 г. и 1867, Парижская 1868 по поводу столкновенія Греціи и Турціи вслѣдствіе возстанія на островѣ Критѣ и т. д.).

До настоящаго времени нельзя установить никакого серьезнаго различія между конгрессами и конференціями. Замѣчено лишь, что конгрессы слѣдовали обыкновенно за большими международ. войнами и что созывъ и совѣщанія ихъ отличаются особенною торжественностью, что гораздо рѣже замѣчается относительно конференціи.

c) Дѣлопроизводство конгрессовъ и конференцій.

Относительно обрядовой стороны тѣхъ и другихъ выработались слѣдующія главныя положенія.

I. Порядокъ созыва. Созваніе международныхъ конгрессовъ и конференцій, какъ показываетъ исторія и современная практика, можетъ исходить отъ разныхъ сторонъ.

Во первыхъ, предложеніе о созывѣ международнаго собранія можетъ взять на себя какая-либо третья посредничествующая держава.

Этотъ порядокъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Въ 1779 г. Екатерина II пригласила Австрію и Прусію, споривших о Баварскомъ наслѣдствѣ, назначить уполномоченныхъ для улаженіи спора на конгрессѣ въ Тешенѣ. Но состоявшійся Пражскій конгресъ 1813 былъ созванъ по почину Вѣнскаго кабинета съ цѣлью переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между Наполеономъ I съ одной стороны и Россіей и Пруссіей съ другой. Такую же роль играло австрійское правитель-

ство въ отношеніи Россіи и ея противниковъ Франціи, Англіи и Турціи во время Крымской войны. При посредничествѣ Наполеона III въ 1866 г. былъ заключенъ предварительной Никольсбургскій мирный трактатъ между Пруссіей и Австріей.

Во вторыхъ, починъ созыва можетъ принадлежать самимъ заинтересованнымъ государствамъ, непосредственно участвующимъ въ спорѣ.

Въ третьихъ, при отсутствіи поводовъ къ примѣнительному посредничеству, вопросъ о созваніи конгресса или конференціи можетъ быть возбужденъ каждой державой для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ международныхъ дѣлъ. Такъ въ 1863 франц. императоръ обратился ковсѣмъ европейскимъ дворамъ съ предложеніемъ собраться на общеевропейскій конгрессъ, имѣющій обсудить существующее положеніе дѣлъ въ Европѣ и устранить поводы къ возможнымъ замѣшательствамъ въ будущемъ. Этотъ грандіозный планъ, скрывавшій желаніе Наполеона III заставить другія государства и самую Францію вмѣшаться въ польскія дѣла былъ отклоненъ державами.

2. Участвующія государства.

Въ конгрессахъ и конференціяхъ могутъ участвовать только заинтересованныя *независимыя* государства, пользующіяся полнымъ суверенитетомъ. Государства полунезависимыя, напр., Египетъ, Болгарское княжество и пр. представляются на международныхъ собраніяхъ тѣми державами, подъ сюзеренитетомъ которыхъ они состоятъ. Кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ конгрессахъ и конференціяхъ принимаютъ участіе *державы посредницы* и всѣ другія, если предметомъ обсужденія являются вопросы, имѣющіе общенародное значеніе. Во всякомъ случаѣ должна участвовать *держава, о дѣлахъ которой идетъ рѣчь*.

Это основное правило справедливости не всегда соблюдалось. Не говоря уже о конгрессахъ, происходившихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже въ послѣднее время встрѣчаются международныя собранія, въ которыя не были допущены уполномоченные непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Примѣромъ можетъ служить Парижская конференція (1869 г.), которая обсуждала взаимныя недоразумѣнія между Оттоманской Имперіей и Греческимъ Королевствомъ, возникшія по случаю возстанія Кандіи. Здѣсь участвовали представители великихъ державъ и Турціи, но греческій уполномоченный былъ приглашенъ только дать отвѣты на вопросы, постановленные конференціей. Точно также предварительныя совѣщанія Константинопольской конференціи (1876—1877), созванной, по приглашенію Англіи, для обсужденія окончательныхъ условій мира между Сербіей, Черногоріей и Турціей и реформы мѣстнаго управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи происходили безъ участія представителя турецкаго прави-

ельства. Порта имѣла основаніе считать подобный образъ дѣйствія европейскихъ державъ нарушающимъ ея честь и достоинство. Въ Лондонской конференціи 1883 г. по вопросу о судоходствѣ на Дунаѣ не былъ допущенъ представитель Румыніи.

3. Представительство.

Какъ уже нами было сказано выше, при проведеніи различія между конгрессомъ и конференціей, личный составъ конгрессовъ и конференцій бываетъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующій. Въ конгрессахъ участвуютъ или сами *государи* или ихъ *уполномоченные министры*; на конференціи правительства назначаютъ своихъ *делегатовъ* или даже *коммиссаровъ*, которые доводятъ постановленія конференціи до свѣдѣнія своего правительства. Число представителей посылаемыхъ отъ каждаго государства на тѣ и другія собранія зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

4. Предметы совѣщанія.

Перечислить всѣ вопросы, которые могутъ и должны подлежать разсмотрѣнію междун. собраній нѣтъ возможности. Междунар. собранія до Вѣнскаго конгресса созывались только послѣ войнъ и чаще всего предписывали мирные трактаты и территоріальныя измѣненія т. е. санкціонировали результаты войнъ. Съ Вѣнскаго конгресса (1815) характеръ ихъ нѣсколько измѣняется: кромѣ рѣшенія вопросовъ территоріальныхъ, о мѣрѣ и другихъ чисто политическихъ, они начинаютъ становиться органами выраженія сознанія междун. союза о правовыхъ основаніяхъ для отношеній между народами, необходимости общей нормировки этихъ основаній (напр., постановленія Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ о негроторговлѣ, о дипломатическихъ агентахъ, рѣчномъ судоходствѣ). Съ этого же времени начинаетъ весьма замѣтно выдвигаться судебная роль этихъ международныхъ собраній: конгрессы (1815—22 года) становятся судьями надъ государями и народами; но судимые не всегда допускались на конгресъ, у нихъ отнимался не только рѣшающій, но и совѣщательный голосъ, (напр. на Вѣнскій конгрессъ не были допущены ни король Саксонскій, тогда какъ рѣшалась участь его династіи и территоріи, ни уполномоченный короля Густава Шведскаго); конгрессы являются часто и стороною и судьею въ своемъ дѣлѣ. Эта же эпоха вырабатываетъ идею нѣкотораго постоянства и правильности въ международ. собраніяхъ, что выразилось въ періодическихъ конгрессахъ (начиная съ Ахенскаго 1818 г. и кончая Веронскимъ 1822—23 г.) ставшихъ судьями внутреннихъ дѣлъ государства. Въ общемъ и цѣломъ конгрессы этой эпохи были частью органами законодательными, частью органами посредничества и третейскаго суда, приводившіе въ исполненіе свои рѣшенія

при посредствѣ вооруженнаго вмѣшательства. Съ 1856 г. Парижскій конгрессъ), по мнѣнію Верже [Verge], а въ Америкѣ съ конгрессовъ въ Панамѣ и Лимѣ (1826 и 1847 г.) намѣчается новое направленіе въ задачахъ конгрессовъ и конференцій. Мирные договоры по прежнему составляютъ важную цѣль ихъ созванія, но при этомъ устроеніе общихъ началъ (юридическихъ) междун. порядка получаетъ все большее признаніе, (напр., Берлинскій конгрессъ, но еще больше конференціи 1864 г. въ Женевѣ Берлинская и Африканская). На ряду съ законодательною ролью сохраняется и роль судебная, но съ узкимъ характеромъ посредничества (напр., на Берлинскомъ конгрессѣ) или чисто третейскаго суда, (напр., конференція 1886 г. по дѣламъ Греціи и Турціи) при чемъ нерѣдко уже заранѣе сговариваются путемъ дипломатическихъ переговоровъ о главныхъ началахъ для разработки на международныхъ собраніяхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчается исчезновеніе чисто судебной роли этихъ собраній, что вполнѣ понятно: давно сознали, что функціи законодательства суда очень трудно соединить въ одномъ органѣ, соединеніе это—принципіально невѣрно, а практически недостижимо безъ ущерба для законодательства или суда. Къ тому же дипломатія по природѣ своей рѣдко способна выступать въ судебной роли, идея коллективнаго посредничества очень хороша, но она допустима какъ стадія, предшествующая обсужденію спора по существу особымъ международнымъ судомъ. Во всякомъ случаѣ конгрессы не могутъ быть признаны компетентными для обсужденія внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ.

5. Порядокъ совѣщанія.

Сравнительно съ прежнимъ временемъ, дѣлопроизводство современныхъ конгрессовъ и конференцій отличается отсутствіемъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, такъ затруднявшихъ занятія международныхъ собраній въ XVII и XVIII стол. Въ настоящее время внѣшняя сторона дипломатическихъ съѣздовъ значительно упростилась. Они открывались избраніемъ предсѣдателя, которымъ обыкновенно бываетъ первый уполномоченный того государства, на территоріи котораго происходитъ собраніе. Это — знакъ уваженія къ мѣстной власти, гостепріимствомъ которой пользуются представители другихъ государствъ.

Обычное правило выбора въ предсѣдатели лица, представляющаго мѣстную власть, было нарушено въ новѣйшее время только въ двухъ случаяхъ: на Брюссельской конференціи (1874 г.), когда уполномоченный Бельгіи отказался отъ предсѣдательства, предложивъ оказать эту честь представителю Россіи, иниціативѣ которой, конференція была обязана своимъ созваніемъ и на Константинопольской конференціи (1876–1877 г.), предварительныя совѣщанія которой происходили

подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго въ качествѣ „doyen du corps diplomatique“. По избраніи предсѣдателя, производится обмѣнъ и провѣрка уполномочій. Самыя совѣщанія ведутся устно и непосредственно. Иногда учреждаются спеціальныя коммиссіи для изученія отдѣльныхъ вопросовъ и подготовки ихъ рѣшенія или для окончательнаго формулированія уже принятыхъ рѣшеній; въ эти коммиссіи приглашаются и лица (съ совѣщательнымъ голосомъ) спеціально знакомыя съ вопросомъ. О каждомъ засѣданіи составляется протоколъ. Если собраніе созвано по предложенію державы-посредницы, то ея уполномоченному принадлежитъ въ собраніи роль посредника: всѣ совѣщанія происходятъ при посредственномъ его участіи: ему сообщаются документы и переписка, касающіеся дѣла, и при разногласіи онъ старается привести стороны къ примирительному соглашенію.

6. Принятіе рѣшеній.

Проэты постановленій конгрессовъ и конференцій подлежатъ голосованію. Каждому государству, участвующему въ собраніи, принадлежитъ только одинъ голосъ Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ, однако, мнѣніе, принятое большинствомъ голосовъ, противорѣчитъ принципу независимости государствъ. Въ виду этого старанія конгресса должны быть направлены къ тому, чтобы убѣдить меньшинство отказаться отъ своей оппозиціи и согласиться съ большинствомъ. При отсутствіи единогласія цѣль собранія не будетъ достигнута, и оно должно считаться несостоявшимся. Въ этомъ „единогласіи“ высказывается страшная сила, которою обладаетъ и по сей день идея государственнаго верховенства. Но положеніе это опасно и принципіально можетъ быть оспариваемо: опасно потому, что даетъ возможность одной державѣ взорвать по мелочному вопросы всѣ труды и рѣшенія конгресса, принятыя хотя бы множествомъ державъ; принципіально невѣрно потому, что противорѣчитъ идеѣ верховнаго порядка, требующаго нѣкотораго подчиненія частей, т. е. отдѣльныхъ государствъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ подѣлить подлежащія обсужденію вопросы на существенные и не существенные. Только первые еще могутъ примирить съ требованіемъ единогласія. И если установившаяся практика объясняется неудовлетворительнымъ составомъ и характеромъ конгрессовъ и конференціи особенно XVII, XVIII и первой половины нашего вѣка, то улучшеніе характера ихъ въ наше время даетъ основаніе требовать—до полной реформы ихъ—введенія начала большинства для вопросовъ второстепеннаго свойства.

7. Исполненіе рѣшеній.

Въ междун. союзѣ нѣтъ исполнительной власти, которая могла бы принудительно осуществлять постановленія конгрессовъ и конференцій. Исполненіе ихъ рѣшенія вполнѣ зависитъ отъ самихъ государствъ, которыя участвовали въ ихъ постановленіи и ихъ приняли. Иногда оно формально поручается одному изъ участниковъ въ международномъ собраніи, или же предпринимается совокупными силами; такъ, конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ поручили Австріи выполнить ихъ постановленія по отношенію къ подавленію революціи въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, а Веронскій предоставилъ Франціи вооруженное вмѣшательство въ дѣла Испаніи. Вопросъ о средствахъ обезпеченія исполненія рѣшенія конгрессовъ и конференціи до настоящаго времени остается открытымъ.

Въ заключеніе поставимъ на видъ, что всѣ международные органы распадаются на шесть группъ: 1) органы науки, 2) органы частныхъ интересовъ государствъ, 3) органы соціальные, 4) органы, устанавливающіе право, 5) органы, примѣняющіе право, 6) органы принужденія. Скажемъ нѣсколько словъ о трехъ послѣднихъ.

1. *Органы, устанавливающіе право.* Такими органами могли бы быть только конгрессы, но подъ условіемъ радикальныхъ измѣненій въ современныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности. Обращаясь къ устройству законодательной власти въ международной области, должно имѣть въ виду, что международная организація не есть какая-либо спеціальная форма государственнаго устройства, и если здѣсь всетаки должны быть спеціальные органы для главныхъ функцій юридической жизни, то это вытекаетъ неизбѣжно изъ самаго существа права: не было бы права вовсе, если бы не было тѣхъ или иныхъ осязательныхъ органовъ для его высказыванія и примѣненія. При первомъ же соприкосновеніи съ устройствомъ законодательной власти въ международной организаціи, мы встрѣчаемся съ громаднымъ различіемъ, существующимъ въ этомъ отношеніи между государственной сферой и областью международныхъ отношеній. Это различіе состоитъ въ томъ, что въ международной организаціи нѣтъ верховной взасти, которая, стоя во главѣ государствъ, отдѣльно взятыхъ, и будучи высшимъ выраженіемъ ихъ личностей, не должна повторяться въ международной области. Иначе въ своемъ послѣднемъ слѣдствіи она привела бы либо къ распаденію международной организаціи, либо къ низведенію государства на степень того, что Іеллинекъ называетъ не суверенными членами Федераціи. И тотъ и другой результатъ равно нежелательны. Таково

громадное, принципіальное различіе въ устройствѣ законодательной власти между государственной и международной областью. Законодательная власть, должна быть властью юридической, опредѣляемой строгими нормами права, а не политикой; она должна быть тѣмъ, что уже теперь нѣмецкіе юристы называютъ „Societässgewalt"—высшею общественною, на договорѣ покоющеюся, властью. Какими же чертами должно характеризоваться устройство законодательной власти въ международной организаціи. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего сказать, что конгрессы должны быть органами правильно организованными· но собирающимися, смотря по степени наличности и важности дѣлъ: безпрерывныя ихъ засѣданія вовсе не требуются. Затѣмъ въ этихъ собраніяхъ должны участвовать всѣ государства въ равныхъ правахъ: каждое изъ нихъ должно имѣть голосъ; политическія различія между государствами, различія въ ихъ могуществѣ и т. п. не должны оказывать никаго вліянія на юридическое положеніе конгрессовъ. Далѣе необходимо, чтобы конгрессы были немногочисленны по своему составу, ибо извѣстно, что чѣмъ малочисленнѣе собраніе, тѣмъ болѣе въ немъ преобладаютъ страсти и тѣмъ труднѣе придти къ какимъ либо результатамъ. Число государствъ теперь такъ невелико, что не представлялось бы практически труднымъ согласованіе этого требованія съ правомъ всѣхъ государствъ на равное участіе въ этихъ собраніяхъ.

По какому началу должны примѣняться рѣшенія на конгрессѣ въ случаѣ разногласія его членовъ? Многіе писатели въ этомъ отношеніи стоятъ еще на точкѣ зрѣнія печальной памяти польскихъ сеймовъ, гдѣ liberum veto одного члена могло сдѣлать несостоятельнымъ постановленіе цѣлаго сейма. Но мы уже имѣли случай замѣтить выше, что требованіе единогласія для дѣйствительности рѣшеній того или другого собранія, исключаетъ возможность для него придти когда-ниб. къ какому бы то ни было положительному результату. Поэтому мы думаемъ, что и конгрессъ долженъ былъ бы постановлять свои рѣшенія по началу большинства голосовъ. Но для того, чтобы этотъ принципъ не угрожалъ самостоятельности государствъ, очевидно необходимо указать на тѣ случаи, къ которымъ примѣнимъ принципъ большинства. Такъ, очевидно, въ вопросахъ юридическихъ вовсе не требуется единогласія: оппозиція одного члена; хотя бы и самаго могущественнаго вовсе не свидѣтельствуетъ о несостоятельности того или иного юридическаго начала; тоже должно сказать и о вопросахъ общей политики. По отношенію же къ внутренней жизни государствъ, очевидно, никакое рѣшеніе большинства не можетъ быть принято вопреки волѣ самого заинтересованнаго государства, ибо этимъ нарушалось бы его право на самостоятельность въ вопросахъ внутренней политики.

Что же касается до главныхъ задачъ конгресса, то къ нимъ во 1-хъ, должно быть отнесено изданіе нормъ международнаго права, дѣятельность законодательная, но при этомъ дѣятельность не произ-

вольная, а полготовленная предшествующею дѣятельностью тѣхъ факторовъ, о которыхъ мы уже говорили. Именно, конгрессъ долженъ давать по возможности болѣе точную и совершенную редакцію тѣмъ нормамъ международнаго права, которыя давно носятся въ общественномъ сознаніи и болѣе или менѣе удачно формулированы органами науки. Отсюда слѣдуетъ, что прямой задачей конгресса должно быть содѣйствіе кодификаціи международнаго права, привиденіе его въ строгую юридическую систему, чѣмъ были бы устранены два существенные недостатка въ современномъ международномъ правѣ—его сбивчивость и неустойчивость. Вторая не менѣе важная задача конгресса состояла бы въ завѣдываніи общимъ вопросомъ европейской политики, въ послѣднемъ слѣдствіи міровой политики, ибо конгрессъ для этого является самымъ компетентнымъ органомъ. Однако, здѣсь рѣзко должны быть разграничены внутренняя жизнь каждаго члена международнаго союза въ отдѣльности и ихъ совмѣстная совокупная жизнь. Поскольку первая область должна быть священна и неприкосновенна даже для конгресса, по стольку вторая должна зависѣть отъ него болѣе, чѣмъ отъ какого-ниб. другого органа власти. Въ этомъ разграниченіи лежитъ главное условіе и невависимости народовъ и устойчивости международнаго порядка. По вопросамъ внутреннимъ международный конгрессъ могъ бы являться только посредникомъ, онъ могъ бы высказывать только свое мнѣніе съ цѣлью воздѣйствія на борющіяся стороны, но не выходить изъ этой роли посредника. Въ области же внѣшней политики конгрессъ былъ бы вполнѣ компетентенъ. Онъ постановлялъ бы свои рѣшенія лишь послѣ частныхъ переговоровъ между сторонами и послѣ постановленія приговора со стороны органовъ охраняющихъ право.

II. *Органы примѣняющіе право.* Въ международной области, гдѣ не существуетъ еще пока организованной законодательной власти, необходимо, чтобы право рождалось и укрѣплялось изъ процесса. Вотъ великій путь возникновенія юридическихъ идей, путь не чуждый исторіи права. Такъ изъ процесса сложилась величайшая положительная система гражданскаго права—римская. Этимъ же путемъ въ значительной степени сложилась свободнѣйшая конституція, до какой дошло человѣчество—англійская. Такое же значеніе долженъ имѣть процессъ и въ международной области. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на отношеніе, которое существуетъ между отдѣльными факторами международнаго права. Наука (Институтъ Межд. Права) призвана прислушиваться къ носящимся въ обществѣ въ смутной и безсознательной формѣ юридическимъ идеямъ и давать имъ по возможности точную формулировку. Органы же, защищающіе право должны прилагать эти выработанныя наукою нормы къ явленіямъ конкретной жизни.

Въ международной области мыслимы два рода органовъ, защищающихъ право: во 1-хъ, суды третейскіе, добровольно назначаемые сторонами для разбора извѣстнаго опредѣленнаго спора. Мы уже

достаточно говорили выше о значеніи этихъ судовъ и потому теперь остановимся только на двухъ вопросахъ, касающихся ихъ устройства: какого рода споры должны быть рѣшаемы этими судами? Какимъ лицамъ должно быть поручено третейское разбирательство? Относительно перваго вопроса между писателями до сихъ поръ установилось соглашеніе въ томъ, что третейскими судами могутъ быть разбираемы дѣла, такъ сказать, юридически опредѣленныя, которыя могутъ быть юридически формулированы и поэтому рѣшаемы на основаніи принциповъ права. Очевидно, что чѣмъ болѣе третейская практика будетъ развиваться, тѣмъ болѣе она будетъ совершенствоваться въ юридическомъ смыслѣ и служить къ укрѣпленію права. Поэтому вполнѣ достойно вниманія предложеніе, чтобы при заключеніи государствами трактатовъ, вводилась оговорка объ обращеніи къ третейскому суду для разрѣшенія возникающихъ изъ этихъ трактатовъ недоразумѣній. При этомъ условіи, рядомъ съ вновь возникшимъ матеріальнымъ правомъ, указывались бы и юридическіе способы его защиты. Что же касается вопроса о томъ, кому должно быть поручено третейское разбирательство, то по этому вопросу нѣкоторые писатели (Блюнчли, Либеръ) высказываются противъ того, чтобы третейскими судьями были главы государствъ; они говорятъ, что отправленіе третейскаго разбирательства было-бы слишкомъ стѣснительно для самихъ государей, которые въ большинствѣ случаевъ при жгучихъ спорахъ старались бы отклонить отъ себя эту миссію, а затѣмъ въ силу сложности техническихъ особенностей самыхъ, подлежащихъ разбору, дѣлъ, главы государствъ не могли-бы лично разбирать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, а должны были бы для этого привлекать извѣстныхъ лицъ, хотя самое рѣшеніе исходило бы за подписью самихъ главъ государствъ—положеніе, очевидно, не совсѣмъ юридическое. Поэтому эти писатели рекомендуютъ для отправленія третейскаго разбирательства частныхъ лицъ, извѣстныхъ своимъ юридическимъ образованіемъ и пользующихся общимъ довѣріемъ, которыя въ силу этихъ качествъ могли-бы съ полнымъ безпристрастіемъ разрѣшать споры. Здѣсь мы не можетъ обойти молчаніемъ возраженія, сдѣланнаго противъ этого предложенія англійскимъ практическимъ дѣятелемъ Пальмерстономъ въ спорѣ, который возникъ между нимъ и Кобденомъ, внесшимъ въ англійскій парламентъ въ 1849 г. предложеніе о представленіи болѣе широкой сферы дѣйствія третейскому суду. Пальмерстонъ говорилъ, что очень опасно поручать частнымъ лицамъ разбирательство мало мальски важныхъ споровъ между государствами. Эти лица большею частью не знакомы съ государственными дѣлами и потому могутъ слишкомъ теоретически, отвлеченно отнестись къ извѣстному спору и тѣмъ самымъ иногда поставить въ очень щекотливое и тяжкое положеніе свое правительство. Очевидно это возраженіе основано на той мысли, что въ третейскихъ рѣшеніяхъ болѣе или менѣе заинтересована политика. Въ этомъ-то вся бѣда. Надо желать, чтобы третейскія

рѣшенія были прежде всего рѣшеніями права. Въ виду этого въ третейскіе судьи должно рекомендовать такихъ лицъ, которыя будучи до нѣкоторой степени знакомы съ общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ, всетаки были бы прежде всего знатоками международнаго права и права вообще. Бѣда если эти органы поставить на зыбкую почву политики, это значило бы воскресить дипломатовъ подъ новой только кличкой.

Другимъ органомъ, который примѣнялъ бы право, долженъ быть названъ постоянный международный судъ. Подъ этимъ судомъ должно разумѣть судъ, обращеніе къ которому, также какъ и къ третейскому, было бы добровольно для государей, т. е. зависѣло бы отъ ихъ усмотрѣнія, но который былъ-бы постояннымъ въ смыслѣ своей организаціи. Слѣдовало бы, чтобы членами этого суда были лица спеціально подготовленныя и предназначавшія себя этому высшему служенію праву. Этотъ судъ по роду международныхъ дѣлъ долженъ былъ бы дѣлиться на нѣсколько департаментовъ. Затѣмъ государствамъ, которыя не желали бы обратиться къ постоянному суду, какъ таковому, но которыя были бы не прочъ отъ третейскаго разбирательства, удобнѣе всего было бы приглашать для исполненія функцій третейскаго судьи кого-нибудь изъ членовъ этой коммиссіи, въ виду ихъ практическаго знакомства съ дѣломъ рѣшенія международныхъ споровъ. Первоначально государства, предпочитая прежнюю рутину, могли бы даже игнорировать это учрежденіе, которое, однако было бы полезнымъ уже тѣмъ самымъ, что оно существовало бы, что обращеніе къ нему не вызывало бы въ общественномъ мнѣніи предположенія о слабости той или другой стороны, о неубѣжденности ея въ своихъ требованіяхъ. Мало по малу, въ силу обычая, а затѣмъ и законовъ, обращеніе до войны къ такому посредствующему органу, стало бы общей обязанностью.

III. Органы принужденія. Устройство принужденія является самымъ труднымъ вопросомъ въ международной организаціи. Идеалъ юридическаго порядка, какъ части нравственнаго, конечно состоитъ не въ принужденіи, а въ добровольномъ подчиненіи установленнымъ для извѣстной формы сожитія нормамъ. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о совмѣстной жизни государствъ, этихъ высшихъ личностей, которыя сами суть органы, носители и, до нѣкоторой степени, творцы права. Но въ силу несовершенства человѣческой природы и въ области сношеній между государствами иной разъ бываетъ нелишнимъ принужденіе; государства, какъ и отдѣльныя личности часто заблуждаются, увлекаются даже страстями, часто въ одностороннемъ преслѣдованіи своихъ интересовъ попираютъ священныя права другихъ подобныхъ имъ личностей. Мы не можемъ раздѣлять идеалистическаго и совершенно не оправдываемаго исторіей мнѣнія о непогрѣшимости суверенныхъ народовъ. Если каждая отдѣльная личность можетъ заблуждаться, то какъ же совокупность этихъ личностей можетъ быть не-

погрѣшима, какъ можетъ въ совокупности явиться такое качество, котораго нѣтъ въ отдѣльныхъ частяхъ? Разъ же ставъ на указываемую нами точку зрѣнія, мы естественно должны признать необходимость принужденія и въ международной организаціи. Но для того чтобы быть справедливымъ, здѣсь, какъ и вездѣ, принужденіе должно исходить отъ права и въ немъ находить свои границы, а не быть только односторонним актомъ воли того или иного члена международной организаціи. Для того же чтобы смягчить противорѣчіе между принужденіемъ и принципомъ суверенитета государствъ, мы думаемъ, что это принужденіе должно быть послѣднимъ моментомъ въ реализаціи права, возникающимъ лишь послѣ того, какъ во 1-хъ нормы объективнаго международнаго права сложились на столько, что въ силу ихъ можно отличить справедливыя притязянія народовъ отъ недобросовѣстныхъ; послѣ того какъ во 2-хъ, суды черпали всѣ средства для примиренія сторонъ и въ 3-хъ, послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о принужденіи международнымъ конгрессомъ.

Какъ же можетъ быть организовано принужденіе въ совмѣстной жизни государствъ? Намъ кажется, что международное принужденіе можетъ быть организовано во 1-хъ, такъ, чтобы принудительная функція выполнялась съ согласія всѣхъ членовъ международной организаціи той изъ великихъ державъ, которая пожелаетъ выступить въ этой роли; очень часто бываетъ, что международный интересъ по ходу исторіи совпадаетъ съ интересами того или другого государства; вотъ такое то государство, имѣющее желаніе и интересъ и могло бы выполнить въ данномъ случаѣ принужденіе, при чемъ, конечно, полномочія его и границы дѣйствій были бы опредѣлены. Можно было бы также для выполненія принудительной функціи установить очередь между руководящими державами. Но мыслима во 2) и иная форма принужденія, которая, какъ намъ кажется, со временемъ будетъ имѣть преимущественное значеніе и которая установится тѣмъ легче, чѣмъ болѣе сдѣлается возможнымъ въ международной организаціи постепенное сооруженіе государствъ. Каждое изъ государствъ могло бы тогда предоставить часть своихъ вооруженныхъ силъ для составленія общей международной силы, на эту то силу по природѣ наиболѣе объективную и безпристрастную, и могла бы быть возложена функція международнаго принужденія.